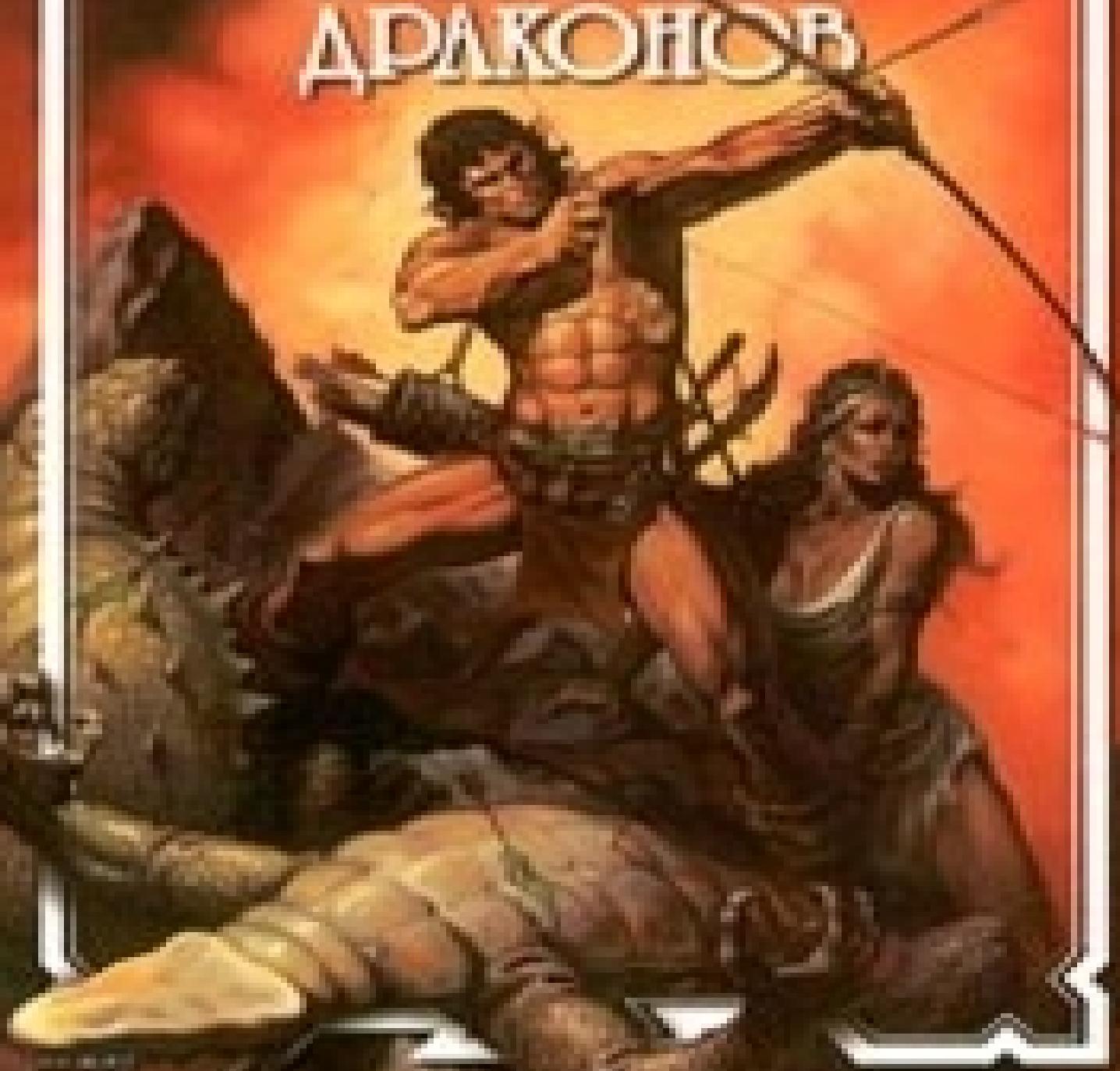

**КОНАН
И ОВИГЕЛЬ
ДРАКОНИСВ**

Annotation

На дорогу, пролегавшую через долину, выбрался одинокий путник.

Это был рослый загорелый мужчина крепкого телосложения. Имя он носил Конан, а родом был из Киммерии. Поблекшая рукоять закинутого за спину меча, кожаные ножны, засаленные от частого употребления, да тот особый хищный взгляд не оставляли сомнений в выбранном им ремесле — на жизнь Конан зарабатывал своим оружием.

После переполоха, устроенного не без его участия при одном могущественном королевском дворе, киммерийцу требовались две вещи: скрытая от людских глаз берлога, где можно отсидеться, и деньги...

- [Патрик Корриган](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
-
-

Патрик Корриган

Закон стаи

В вечернем небе уже сгостились сумерки, когда в межгорную долину вползла тяжелая черная туча. Где-то вдали зарокотал гром. Порывы ветра принялись безжалостно трепать деревья в оливковой роще, ломая цветущие ветви, и вскоре в небе уже кружил снегопад из оборванных лепестков. Степой хлынул дождь.

Дозорные на стенах старого замка сначала обрадовались, грозе — им опостылела удушливая жара, безраздельно царившая и этих местах последнее время. Они срывали с себя одежду, запрокидывали к небу лица и подставляли разгоряченные зноем тела под освежающие струи воды... Но вскоре радость стражников пошла на убыль.

Дороги вокруг замка превратились в полноводные реки, тропинки — в ручейки, и уже казалось невероятным, что там, где все теперь пребывало во власти бушующего потока, недавно была иссушенная солнцем земля с пожелтевшей чахлой травой.

Наконец настал миг, когда стражники решили перебраться в башню: сухо и обзор не хуже. Да и было бы чего опасаться — в такую-то непогоду хозяин собаку на двор не выгонит — какие тут злоумышленники! Так думали стражники. И ошибались.

Прячась в тени старых стен, к подножию главной башни подкатила обтянутая плотной холстиной повозка. Из-под полога выскоцинула человеческая фигура, с головы до ног закутанная в серый плащ. Каждый шаг давался человеку с трудом. Сапоги, полные воды, громко чавкали, раскисшая почва выскальзывала из-под ног. Понурая лошадка испуганно вырывалась из рук возницы при каждом новом раскате грома, колеса повозки увязали в грязи.

Все это вызывало естественное негодование, и с уст выбивающегося из сил человека то и дело срывались длинные витиеватые ругательства. Проклятия были отнюдь не грозными — скорее жалобными и плаксивыми. В них звучало робкое обращенье к богам, с просьбой прекратить творящееся безобразие. При этом жалобщик совершенно упускал из виду, что именно разгулу стихии он и обязан своим здесь беспрепятственным появлением.

Уныло посмотрев на каменную кладку стены, человек развернул

телегу и подставил под дождь ладонь, втайне надеясь, что боги услышали его мольбы, и гроза вот-вот прекратится. Но ливень не ослабевал. Человек вздохнул и сдернул с повозки холстину, обнажая прятавшееся под ней хитроумное устройство.

Затем, ловко приладив к конструкции подзорную трубу с прозрачным кристалликом горного хрусталя, направил ее на единственное освещенное в замке окно. В трубу он разглядел глубокую черную трещину, зияющую прямо над оконной нишей. С уст человека сорвалось одобрительное мычание. Он потянулся к рычагу.

Внезапно рука его замерла, а на лице возникла недовольная гримаса: при расчетах не были учтены сила дождя и ветра. Пришлось перенастраивать машину. После долгих мучительных трудов, сопровождавшихся нетерпеливым поскуливанием, он закончил свою работу... Теперь все казалось в порядке, и рука плавно потянула за рычаг. Раздался щелчок освобождаемой пружины, и вверх, навстречу нескончаемым струям воды, понесся гарпун, увлекая за собой пеньковый канат, конец которого был прикреплен к хвостовой части оружия. Разматываясь, зажужжала, разбрасывая во все стороны брызги, бобина. Завершив полет, гарпун впился в стену, попав точно в трещину. Стрелок подергал за бечевку и удовлетворенно хмыкнул. В яблочко!

В следующий миг к канату был прикреплен ранец с замком. Человек запрыгал на месте, пытаясь освободиться от насквозь промокшего плаща, а когда ему это удалось, накинул на себя ремни ранца и принялся крутить оказавшееся па груди колесико. Подъем начался.

Звали этого умельца Тиврано, но в последнее время к нему обращались по кличке Клок Шерсти — в банде «волков», членом которой он состоял, не принято было употребление настоящих имен.

До того как встать на путь разбоя, Тиврано, будучи крестьянином, заслужил репутацию завзятого неудачника.

За какое бы дело он ни брался — заканчивалось оно неизменно плохо. Неурожай на его скромном поле считался обычным явлением, кролики дохли не реже двух раз в год, жена попалась злющая и сварливая, детей не прижили. Как говорится: куда ни кинь — всюду клин.

Однажды, по завершении летней страды, селяне поехали в город, продать излишки урожая. После долгих уговоров прихватили с собой и Тиврано. В лесу на обоз напали. Не успели разбойники убраться с добычей, как крестьяне прогнали главную, по их мнению, причину их невезения — своего непутевого земляка.

Деваться Тиврано было некуда, вот он и прибрелся к бандитам. Начали

головорезы с того, что тщательно обыскали своего будущего сотоварища: вдруг чего утаил? В результате обыска, в одном из карманов обнаружили обрывок собачьей шкуры. Весть об этой находке быстро распространилась, и вскоре к новичку неотвязно пристала кличка: Клок Шерсти.

В банде Шрама дела бывшего земледельца тоже пошли не лучшим образом. В засады с его участием никто и никогда не попадал, а единственными жертвы, случайно пойманные в лесу, всегда оказывались без денег и богатых родственников, с которых можно было потребовать выкуп. К тому же выяснилось, что с военным делом Тиврано, мягко говоря, не в ладах. Меч постоянно вываливался у него из рук, а стрелы исчезали в лесной глуши, успешно минуя мишень.

Дала о себе знать и природная трусость. Звуки битвы вызывали у новоявленного романтика с большой дороги стойкую дрожь в коленках.

После целой череды провалов, произошедших по его вине, разбойники начали сторониться общества Клока Шерсти. Бедолага совсем приуныл, и тут его, специальным указанием главаря шайки, приставили к осадной технике.

Зажиточные горожане и фермеры, как известно, предпочитают жить в укрепленных домах, превращая их в неприступные крепости, и тем, кто любит поживиться за чужой счет, приходится этот факт учитывать. Поэтому когда в руки разбойников попали две осадные машины: одна с гарпуном, другая с катапультой, вопрос состоял не в том, использовать трофеи по их прямому назначению или нет, а в том, кто будет отвечать за эти сложные механизмы. После недолгого обсуждения бандиты единогласно сошлись на кандидатуре Клока Шерсти. Решающую роль в назначении сыграло то обстоятельство, что бывший крестьянин оказался единственным грамотным членом шайки.

И Тиврано занялся техникой. Сначала с неохотой, потом — с нарастающим интересом, а вскоре, его уже было не оторвать от механических игрушек.

Появились новации. Сперва Клок Шерсти повысил дальность и точность стрельбы катапульты. Вместе с метким выстрелов, отправившим в пропасть отряд королевских солдат, вернулось уважение товарищей. А взять штурмом замок барона Сантоса Орландо без механического приспособления, способного поднимать людей на крепостную стену, вообще бы не удалось. От былого пренебрежения не осталось следа, Клока Шерсти чуть ли не на руках носили.

Однако странная штука человеческая натура: чем больше репутация Тиврано возрастала в глазах его нынешних приятелей, тем настойчивее

заявляло о себе желание снискать признание у людей честных. Все чаще вспоминалась ему родная деревня. Подогревались подобные настроения и денежными неурядицами: вопреки расхожему мнению, голодные дни в разбойничьей жизни отнюдь не являлись редкостью.

И Тиврано решился. Вскоре представился подходящий случай. Ремина, дочь барона Орландо, предложила за свое освобождение такую сумму, что если все получится, как задумано, пора бедности и ежедневного риска за гроши останется далеко позади. О возможности неудачного исхода Тиврано старался не думать. Во-первых, его соратники весьма жестоко обходились с предателями, а во-вторых — ну не может же не везти вечно! А когда все останется позади... Он вернется в родное село богатым человеком, где отныне никому и в голову не придет назвать его неудачником. Купит новый дом, да не какую-то там глиняную лачугу, а настоящий — каменный, в два этажа. Нет. Не купит — а сам построит! С его-то тягой к технике, да заработанными деньгами можно такое наворотить... Когда селяне увидят его дом, сразу ахнут. Да, в мирной жизни он будет строить дома... А если немного подфартит, то, возможно, он даже станет зятем барона...

Бывший крестьянин так замечтался, что сорвал колесико и чуть было не полетел вниз. Судорожно вцепившись в канат, он беспомощно раскачивался на ветру, боясь пошевелиться. Потом, осмелев, трясущимися руками восстановил механизм и продолжил подъем.

Благодаря вере в предстоящий успех, Тиврано стойчески переносил все сопряженные с подъемом трудности. Казалось, его совершенно не волнуют стертые до крови руки, ставшая неимоверно тяжелой, насквозь промокшая одежда и пронизывающий до костей ветер. За все время подъема с его уст не сорвалось ни единого стона.

Вот и окно. Размотав заранее припасенную веревку, Тиврано привязал один конец ее к канату, а другой скинул внутрь помещения — окно находилось под самой крышей.

Вскоре незваный посетитель уже стоял в центре огромной залы, служившей прежним хозяевам замка кабинетом. На покрытых плесенью стенах полыхали смолистые факелы, свет которых, из-за конического, уходящего ввысь потолка, навевал не радостно-гостеприимное, а скорее торжественно-гнетущее настроение. «И как только здесь люди живут?» — поежился Тиврано. — «Нет, в моем доме таких потолков не будет!» Набрав в грудь побольше воздуха, Клок Шерсти настороженно огляделся по сторонам.

Экзотическое оружие, развешанное на стенах кабинета, заваленный исписанными свитками и гусиными перьями стол — все это его не

заинтересовало. Установленный неподалеку от стола треножник, в основании которого чадили огромных размеров восковые свечи, тоже не привлек внимания бывшего земледельца.

В другом конце помещения, у стены, на цепях висел человек. Узнику, судя по многочисленным ранам, покрывавшим все его тело, крепко досталось. В этот миг несчастный поднял голову, и Тиврано сразу же узнал этого человека, хотя и видел всего один раз. Он оцепенел и с трудом проглотил подкативший к горлу комок. Когда Ремина узнает о том, что он не помог ее отцу... Планы насчет женитьбы придется малость подкорректировать. А жаль! Конечно, можно сделать вид, будто не заметил вельможного пленника... Тут взгляд ночного гостя упал на статуэтку, что покоилась на вершине треножника, и надобность в притворстве отпала — Тиврано и в самом деле забыл обо всем на свете.

Это была на редкость безобразная фигурка, изображавшая двухголовое, похожее на волка чудовище.

Бывший крестьянин, а теперь уже и бывший разбойник, довольно облизнулся: перед ним находился Двуглавый Зверь — цель его визита!

Осторожно обогнув горящие свечи, он вытянул дрожащую от возбуждения руку, и вот уже каменное божество очутилось в его теплой повлажневшей ладони. Бережно замотав фигурку в чистую тряпицу, Тиврано с радостным вздохом спрятал ее за пазуху. Эта часть плана, можно считать, им выполнена.

Вдруг за дверью раздались размеренные тяжелые шаги. Экая неприятность — маг возвращался раньше времени! Скрипнув, поползла в сторону украшенная богатой чеканкой дверь.

Воришко, закусив губу, посмотрел на веревку, оценивая расстояние до спасительного окна. «Проклятье, не успеть!»

Неожиданно дверь замерла, не дойдя и до середины. В коридоре послышались другие шаги — торопливые, частые. И чей-то встревоженный голос произнес:

— Повелитель, девчонка сбежала.

— Что?!

— Во время обхода стражники заметили, что дверь в ее покоях не заперта...

— Я же приказал, чтобы ее день и ночь стерегли!

— Ее и охраняли. Но охранник, Клок Шерсти, исчез вместе с девушкой. Думаю, побег был им подстроен — пропала также осадная телега, а с ней никто, кроме нашего грамотея, не мог управиться. Интересно, зачем она ему понадобилась?

Не собираются же они вдвоем штурмовать замок? Эх, попадись он мне!..

Барон тяжело застонал, громыхнув цепями. Воришка с ужасом уставился на узника. Не увидеть в его глазах мольбу о помощи мог только слепой.

— Так найдите их! — строго распорядился маг.

— В такую непогоду?! Да даже если они будут в нескольких шагах, мои люди все равно их не заметят!

— Шрам, ты хочешь сказать, что из-за твоего ротозейства я должен отказаться от собственных планов и тратить время на поиски беглецов?!

— Что вы, повелитель, конечно, нет. Я лишь надеялся, что вы воспользуетесь Двуглавым Зверем...

Незадачливый воришка почувствовал, что от страха весь покрылся мурашками. Статуэтка сразу стала неимоверно тяжелой. Взгляд его затравленно забегал по залу в поисках какого-нибудь укрытия. Как назло, вокруг ничего такого не оказалось.

Тиврано с надеждой посмотрел на пленника. Конечно, барон тоже слышал весь разговор за дверью и догадался, что перед ним и есть спаситель его дочери. Глаза этих так непохожих друг на друга людей встретились. Губы узника скривились в усмешке. Клок Шерсти негромко выругался — висит на цепях, да еще издевается!..

Наконец тревога за судьбу дочери сыграла свою роль, и пленник скалился над разбойником. Острый взгляд, пронизывающий воришку насеквоздь, застыл на стене с оружием. Тиврано тоже взглянул на стену и в недоумении пожал плечами. Взор барона остановился на висящей посреди прочего оружия алебарде. Клок Шерсти на цыпочках подошел к стене и повернулся к пленнику: что дальше? Но барон потерял сознание — оказались потраченные на Тиврано усилия. Похититель в который раз замысловато выругался.

В этот момент разговор в коридоре закончился, дверь настежь распахнулась, и на Тиврано с изумлением уставились две пары глаз. Терять было нечего, и ночной визитер, что было сил, вцепился в алебарду обоми руками. Происшедшее далее удивило его едва ли не больше остальных: часть стены вдруг повернулась вокруг своей оси, и он очутился в крохотной комнатушке, единственной достопримечательностью которой являлась насеквоздь проржавевшая железная лестница. Лестница вела куда-то вниз, в бездонную черноту ненастной ночи...

* * *

На следующее утро расположенная неподалеку от замка оливковая роща источала такой аромат, что воздух в ней казался густым и пряным.

На дорогу, пролегавшую через долину, выбрался одинокий путник.

Это был рослый загорелый мужчина крепкого телосложения. Его одежда состояла из кожаной куртки и протертых до дыр штанов. Длинные черные волосы на затылке стягивал сыромятный ремень. Цепкий вдумчивый взгляд синих глаз, ироничная, чуть с горчинкой улыбка, временами будто крадучись возникавшая на его устах, свидетельствовали о богатом жизненном опыте, а горделивая осанка и полные львиной грации движения выдавали уверенного в своих силах человека. Возраст путника с трудом поддавался определению. Не боясь ошибиться, о нем можно было сказать лишь одно, что беспечная юность его, увы, уже пронеслась, а седовласая старость еще не наступила.

На миг остановившись, обладатель могучей фигуры поправил сползшее с плеча седло, глубоко вздохнул, наслаждаясь пьянящим благоуханием рощи, огляделся по сторонам и уверенно зашагал по раскисшей дороге.

Имя он носил Конан, а родом был из Киммерии. Поблекшая рукоять закинутого за спину меча, кожаные ножны, засаленные от частого употребления, да тот особый хищный взгляд не оставляли сомнений в выбранном им ремесле — на жизнь Конан зарабатывал своим оружием.

После переполоха, устроенного не без его участия при одном могущественном королевском дворе, киммерийцу требовались две вещи: скрытая от людских глаз берлога, где можно отсидеться, и деньги. Еще пригодилась бы лошадь, ибо свою он потерял во время переправы через горную реку.

По привычке, в прошлом частенько спасавшей ему жизнь, воин-варвар, не сбавляя темпа движения, вглядывался в затейливые узоры, оставленные бесчисленным количеством ног на дороге. Вначале ему повстречались отпечатки заячьих лап. Потом, преследуя косого, пробежала лисица. Оставил ямки от копыт выбравшийся на обочину пощипать свежие побеги листвы олень. Некоторое время назад на запад промчался всадник. Были и другие следы. Одни удавалось прочесть сразу, иные требовали тщательного изучения.

Неожиданно на глаза киммерийцу попалось кое-что, привлекшее его внимание. Конан остановился.

Четко проступающие отпечатки двух пар ног. Мужчина и женщина — без труда определил северянин. Сначала люди просто шли по дороге, потом вдруг бросились бежать, будто сами демоны гнались за ними, и все для того, чтобы скрыться в лесу. Вряд ли это произошло случайно. Варвар нагнулся и провел рукой по влажной земле. Мужчина вооружен, а женщина — налегке. Парочка была здесь совсем недавно: след не успел потерять четкость, а ямки — заполниться водой. Сделав пару шагов, киммериец обратил внимание на сломанную ветку кустарника, росшего недалеко от дороги. Как раз к нему и вели следы. А еще через несколько шагов перед свернуть с проторенного пути и устремиться в погоню за беглецами настал для отпечатков лошадиных копыт.

«Если за ними гнался разбойник, то, возможно, я не останусь без работы, а значит, будет на ночь крыша над головой, кувшин вина и добрый ужин».

Киммериец ненадолго задумался. С одной стороны, впутываться в историю без малейшего понятия, что это за история, не особенно ему улыбалось, с другой — никуда не впутываясь, можно спокойно дожить до старости, но так денег точно не заработкаешь.

Внутренняя борьба в душе северянина длилась недолго, варвар поправил седло на плече, и, замурлыкав веселый мотивчик, слышанный, им на одном из постоянных дворов Пуантена, уверенно свернул с дороги.

Как и следовало ожидать, сразу за кустарником следы всадника последовали за четкой цепочкой следов беглецов. Хмыкнув насчет шансов преследователя настичь свою жертву, следопыт перешел на бег.

Еще в детстве ему довелось присутствовать при споре двух бывальных воинов. Предметом спора послужил вроде бы очевидный вопрос, кто быстрее: человек или лошадь.

— Даже если человека должным образом тренировать, — размахивая руками, кричал один из спорщиков, высокий сухопарый бритуниец, — он все равно проиграет!

Его оппонент, среднего роста немедиец, с готовностью согласился, но тут же добавил с лукавой улыбкой:

— Но верно это лишь на короткой дистанции. Если же расстояние увеличить, да еще и место выбрать в горах — все будет решать не скорость, а выносливость. А не родилось на белом свете зверя выносливее человека!

Трудно сказать, послужил услышанный много лет назад спор причиной принятого мальчиком решения, или явился лишь поводом, а причина находилась где-то глубже, но с тех самых пор Конан приучил себя передвигаться бегом, где это было необходимо. Он мог бежать день и ночь,

есть прямо на ходу, и не чувствовал при этом усталости. Вот и сейчас, подобно легкому дуновению ветерка, киммериец стремительно заскользил от дерева к дереву, не теряя следа из виду.

Срывая по пути зеленые ягоды ежевики, северянин выбрался к расщелине, образовавшейся между двух отвесных скал, заросших молодыми побегами папоротника. Вершина горы стыдливо укрылась густой листвой, а склон у подножия, напротив, оказался открытым. Место наверху — для засады лучше не придумаешь.

Кром! Оказывается, он до сих пор насвистывал мелодию пуантических музыкантов. Конан досадливо поморщился. В сложившихся обстоятельствах подобная беспечность могла стоить жизни...

Отметив про себя, что с вершины хорошо просматривались оба склона, следопыт двинулся дальше.

Из-за горы послышалось негромкое лошадиное ржание. Северянин пригнулся к земле и, освобождаясь от седла, потянулся за мечом. Рука ощутила знакомый холод металла. Держа оружие наготове, воин-варвар стал осторожно взбираться по пологому откосу. Вот и вершина. Никого. Внизу, за пологом ветвей, шло какое-то движение. Конан взгляделся в промежутки между деревьями. На крохотной лужайке, мирно пощипывая травку, паслась кобыла под седлом.

«Иранистанских кровей... — Лицо северянина удивленно вытянулось. — Слишком дорогая лошадка, чтобы вот так, запросто, разгуливать одной по лесу».

«Лошадка» тревожно фыркнула и, подняв голову, замерла, постригивая чуткими ушами, но вскоре успокоилась и вернулась к прерванному занятию. Киммериец, осторожно раздвигая ветки, — со стороны могло показаться, что их колышет ветер, — стал спускаться вниз. Внезапно раздался полный муки человеческий стон. Конан ускорил шаги и вскоре оказался в низине.

Раненый лежал в густой траве, у ног кобылы, уткнувшись лицом в мягкую землю. Досталось ему крепко: из спины, прямо напротив сердца торчал черенок арбалетной стрелы.

Киммериец наклонился, снял с пояса баклажку с водой и осторожно перевернул человека.

Несколько капель воды вернули ему сознание. Раздался клекот, на губах выступила густая розовая пена. Конан удрученно покачал головой: человек умирал. Помутневший взгляд его остановился на киммерийце, и в этот момент раненый, сквозь клочья пены, едва слышно прохрипел:

— За что?.. Последний кого в жизни вижу — презренный варвар!

Умирающий закусил губу, его тело выгнулось дугой, дернулось и затихло. Следопыт напряженно вздохнул. Слова незнакомца не задели его самолюбия. Тот, кто готовится предстать перед богами, вообще заслуживает снисхождения, к тому же парень явно бредил.

Будучи родом из далекой Киммерии, Конан давно смыкся с расхожим представлением о своей родине, как о дремучей варварской стране, а о себе самом — как о тупом, кровожадном дикаре, пожирающим печень своих врагов. Он больше не бросался на представителей так называемых «цивилизованных народов», если те неосторожно высказывались насчет его происхождения, пристрастий или общественного положения. Но до сих пор это касалось либо напыщенных глупцов, которым все равно ничего не докажешь и на мнение которых Конану было плевать, либо высокочек и забияк, пытающихся таким способом оскорбить северянина и вызвать на поединок. Последних Конан не понимал. Если людям хочется подраться, почему не сказать об этом напрямик, он в такого рода удовольствиях никогда и никому не отказывал

Однако в данном случае — перед ним находился умирающим. А Конан очень серьезно относился к древнему поверью, согласно которому устами уходящих из жизни вещают сами боги. Неужели Крому не все равно, В кого вдыхать искру жизни? Но чем тогда отличается он, Конан, от других людей? Не в одной же внешности дело!..

Дав себе слово, впоследствии поразмыслить над этим вопросом, Конан настороженно огляделся. Ничего подозрительного не заметив, он тщательно обыскал всю поляну. Вскоре удалось выйти на следы беглецов, тянувшиеся в обратном направлении, к дороге.

Варвар постоял, в задумчивости шевеля губами, потом пожал плечами и направился за оставленным седлом.

Поднявшись на вершину горы, киммериец принялся восстанавливать картину происшедшего.

Арбалетчик поджидал всадника именно здесь, в расщелине между скал: вон на дереве сломана ветка — очевидно, он использовал ее для упора при стрельбе, да и трава там примята, словно злоумышленник провел тут всю ночь...

А вот здесь его ждала девушка, тонкий запах ее благовоний еще витал в воздухе. Значит, она знатного происхождения — крестьяне не пользуются дорогими маслами.

А это уже вдвое интересней. Что заставило ее бежать и искать убежища в лесу? Кто этот человек, гнавшийся за беглецами? Да и сами беглецы — весьма странная пара... Вопросы, кругом вопросы, ответы на

которые киммериец пока не нашел.

Тщательно исследовав место трагедии, Конан медленно привстал с колен и отряхнулся. Потом недоуменно покачал головой. В момент выстрела, арбалетчик испытывает отдачу, и пятки глубже, чем обычно вдавливаются в грунт. Именно этих следов, он, несмотря на все старания, так и не обнаружил. Ветка-упор тоже пропала, будто стрелок взял ее с собой. Конан пребывал в полнейшем смятении.

Существовала и еще одна загадка — путешествовать верхом с точки зрения большинства людей предпочтительнее, нежели пешком. Тогда, спрашивается, почему беглецы махнули рукой, на оставшуюся без хозяина лошадь?

Сделав несколько шагов в сторону, Конан неожиданно наткнулся на потерянную ветку, а вместе с ней нашелся и ответ на другой вопрос. Он вглядывался не в те следы. Стрелком оказалась женщина!

Конан снова спустился к убитому. Обернувшись, он мысленно представил полет стрелы. И невольно поежился.

Не хотелось бы оказаться мишенью, когда оружие в руках у такой воительницы! Стрела попала прямо в сердце, до того миновав узкий промежуток между двумя толстыми соснами. И это на расстоянии свыше сотни шагов!

В следующее мгновенье руки варвара сноровисто пробежали по карманам мертвца. Найденный кошелек оказался полным золота и серебра.

Северянин присвистнул. Недурно! Тянет не меньше, чем на сотню монет. И такая удача в самом начале дня! Без каких-либо угрызений совести — мертвым золото ни к чему — он положил кошелек к себе в карман.

Больше ничего интересного найти не удалось, и киммериец уже собирался уходить, но в этот момент голова несчастного безвольно упала на бок, вызвав у варвара новый присвист удивления. На щеке убитого красовалась татуировка с изображением оскаленной волчьей пасти.

Конану еще в Пуантене доводилось слышать про бандитов из клана «Волка», и именно эти края называли их вотчиной. О них ходило немало историй, из которых вовсе не следовало, что «волки» безнаказанно спускают убийство своих собратьев. Теперь становилось понятно, почему убийцы оставили лошадь. Лучше идти на своих ногах, чем ехать верхом на такой улике.

Конан задумался, решая как ему поступить дальше. «Лошадка слишком хороша, чтобы бросить ее в лесу. Это с одной стороны... А с

другой — она обещает серьезные неприятности: „волки“, наверное, уже ищут своего исчезнувшего приятеля...»

Варвар не боялся возможной потасовки — для чего же еще стариk Кром дает жизнь мужчине, как не для славных драк?! Не нравилось киммерийцу другое: шум мог привлечь к нему совершенно нежелательное внимание. В Зингаре вряд ли забыли, как он спас ее бывшего короля Фердруго. И нынешний правитель не скажет ему за это спасибо. А какого бы высокого мнения Конан о себе ни был, он прекрасно понимал, что с целой армией ему не справиться.

Имелась и еще одна причина для беспокойства: те, кто рассказывал киммерийцу про грозный разбойничий клан, наводящий ужас на всю округу, неизменно связывали его появление с небывалым разгулом магии в этих краях. Даже запрет на нее был снят как раз тогда, когда «волки» впервые дали знать о себе. У Конана с магией, равно как и с adeptами этого древнего искусства, были давние счеты. Именно эти таинственные силы он посчитал виновными в уничтожении родного племени. Конан, тогда, отомстил за сородичей и дал себе обет: больше не иметь с чародеями никакого дела. Но жизнь, словно в насмешку, постоянно сталкивала его с ними. В результате, не привыкшему отступать киммерийцу, много раз приходилось обнажать меч против выходцев из царства тьмы.

Неожиданно решение пришло ему в голову: лошадь он, конечно, возьмет, но настолько быстро минует эти места, что на неприятности не останется времени. Варвар стряхнул с себя оцепенение и принялся переседывать лошадь.

* * *

Овражек — небольшой городок у подножия величественных Рабирийских гор оказался глухим захолустьем. Пара постоянных дворов, убогие торговые ряды, покосившиеся дома вдоль кривых грязных улочек, да провонявшая запахом пота и кислого пива таверна. И если на базаре кто-то стянул у почтенной хозяйки несколько медяков... у той самой Унны, что изменяет своему муженьку с сыном шорнику, то эту новость горожане обсуждают неделю.

Вообще-то, деньги теперь у киммерийца водились, и дабы проверить, что происшествие в лесу ему не приснилось, Конан пощупал кошелек, спрятанный под одеждой. Но вот вопрос: надолго ли их хватит? А насчет заработка в здешних краях — северянин с тоской огляделся по сторонам —

крайне сомнительно.

Поднявшись по расхлябанной лестнице таверны «В гостях у Понтикуса» — так называлось самое приличное с виду заведение, сочетавшее в себе питейный зал и постоянный двор — Конан еще с порога заметил хозяина — плешивого заморийца, резво снувшего между столами. Найдя свободный угол, киммериец поудобнее расположился, и поманил хозяина золотым.

Бросив на гостя проницательный взгляд, маленьких, слегка раскосых глаз, прилепившихся к огромному орлином носу на пол-лица, плешивый должностным образом оценил жест нового посетителя и скрылся в кухонной пристройке. Вскоре он появился, неся поднос с головкой козьего сыра, свежей зеленью и кувшином вина. Маслянистые глазки Понтикуса без особого энтузиазма задержались на дырявых штанах и поношенной куртке варвара, что, однако, не нашло отражения в его заискивающем сладком голосе:

— Изволите ли еще чего-нибудь, господин?

— Свежего хлеба и жареного кролика — как у того торговца, что сидит напротив, впрочем... можно и пожирнее, да, и еще кувшин вина. Распорядись также, чтобы позаботились о моей лошади.

— Будет исполнено, господин, — хозяин низко поклонился, но уходить не спешил.

Конан почувствовал на себе его хитрый выжидающий взгляд. Замориец подчеркнуто презрительно уставился на его протертую, давно не стираную штанину.

Киммериец широким жестом вытащил из-за пазухи кошелек и небрежно бросил его на стол. Монеты мелодично звякнули.

При этом завораживающем звуке в Понтикуса, казалось, вселилась демоническая сила. Торопливо смахнув грязной тряпкой крошки со стола, он стремглав бросился выполнять полученный заказ.

Дождавшись, пока глаза привыкнут к полумраку зала, Конан осмотрелся.

На сцене, под заунывную музыку извивалась перезревшая танцовщица, демонстрируя подгулявшей публике свои сомнительные прелести. Впрочем, старалась девица на совесть, и подвыпившая компания лесорубов осипала ее медяками. Прямо перед столиком северянина, настороженно поглядывая по сторонам, доедал жаркое купец, судя по длиннополому одеянию и широкому кушаку — уроженец Офира. Справа от варвара, вдоль длинного дубового стола, расположились рабочие с рынка: весовщики, носильщики, возницы. Они вели себя степенно, речь их была

тягучей и размеренной, на странной смеси нескольких языков. У дальней стены, громко разговаривая и стуча кружками, налегали на вино молодые подмастерья, загрубевшие руки и покрытые сажей лица которых, выдавали в них будущих кузнецом. Еще левее, жадно пялился на танцовщицу вконец осоловевший меняла. Было видно, как по его отвислым губам текут слюни, и лишь присутствие лесорубов, остановило его сладострастный пыл.

Переведя взор ближе к входу в таверну, Конан сразу увидел ее. Увлеченная разговором с сидящим спиной к киммерийцу мужчиной, она небрежным жестом поправляла выбивавшуюся из-под капюшона прядь белокурых волос. Прядь, демонстрируя, с точки зрения хозяйки, совершенно неуместное упрямство, опять выскакивала, и все начиналось с начала.

Что-то в девушке сразу привлекло к себе внимание северянина.

Не одежда. Длинный плащ, скрывавший ладную фигурку, не отличался ни дороговизной материи, ни изяществом отделки. И не лицо. Правильной формы, с тонкими чертами, оно было весьма привлекательным, однако Конан за свою жизнь успел достаточно насмотреться на женскую красоту, чтобы как-то по-особому на нее реагировать.

Выделялся взгляд. Гордый, неприступный, и одновременно трогательно беззащитный. Он абсолютно не вписывался в полную алчности и похоти атмосферу заведения. И девушка это осознавала, хоть и старалась держаться непринужденно.

Заметив, что вызвала интерес северянина, незнакомка положила маленькую точеную ладонь на мясистую руку своего друга и что-то горячо зашептала ему на ухо. Мужчина взорвался. Блондинка настаивала. Наконец ее спутник сдался и, спустя мгновенье, оба встали из-за стола. Звякнуло оружие — из мешка, заброшенного мужчиной за спину, торчали приклад арбалета и рукоять короткого, изогнутого меча. Мгновеньем раньше прямой тяжелый кинжал, которым спутник девушки отрезал куски ветчины, нашел свое место за отворотом его сапога. Киммериец был почти уверен, что это те самые беглецы, на чьи следы он наткнулся в лесу.

Конан провожал их взглядом до самых дверей, стараясь не упускать из виду пробирающуюся к выходу пару. От свет факела на мгновенье Выхватил лицо мужчины. Понурый, бегающий взгляд, вымученная улыбка. И что только такая красавица в нем нашла?

«Воистину, — подумал киммериец, — женщин нам понять не дано».

Звякнув кольчугой, мужчина заискивающе распахнул перед спутницей дверь...

Послышался шум упавшей табуретки, вернувший варвара в таверну: меняле надоела пассивная роль зрителя, и он, едва переставляя заплетающиеся ноги, направился к сцене. Но видно боги были равнодушны к его страданиям: по дороге менялу перехватил оживившийся вдруг купец:

— Дружище Кафа, как и ты здесь! Небось, уже успел кого-то обжулить?

На лице менялы проступили красные пятна, в голосе послышалось раздражение:

— Лобидус, старый мошенник, ты по себе посыльных не ровняй! Я, к твоему сведению, свои дела веду честно.

Сделав это категоричное заявление, Кафа повел мутными глазами по сторонам, дабы убедиться, что все услышали его достойный ответ на возмутительную реплику офицера. После этого он вытер сальным рукавом влажный рот и добавил:

— А сегодня я намерен кутить.

Такое заявление произвело впечатление на купца, лоб которого изрезала густая сеть морщин. Чтобы Кафа, вот так, расставался со своими деньгами? Да такого просто быть не могло! Посидев несколько мгновений с озадаченным видом, Лобидус вдруг со всего размаху огрел себя пятерней по лбу.

— Ну конечно, тупоголовый я осел! Послезавтра же свадьба, понаедет полно всякой знати, всех надо накормить, обслужить. Городским властям придется снаряжать караван в Пуантен, за припасами. Значит, повысится спрос на аквилонские деньги. Вот почему ты в последнее время давал за них больше, чем обычно. А теперь, когда благодаря твоим стараниям весь запас их в Овражке иссяк, решил со спокойной совестью отметить этот обман! Не выйдет, Кафа! Я буду жаловать в городской суд! А если понадобится, то и самому барону! Ты весь город обчистил до нитки!

Теперь меняла покраснел до кончиков волос. Хмель из его мозгов разом выветрился. Вжав голову в плечи, он с яростным видом покосился в сторону прервавших трапезу лесорубов, туго соображая, избрать ли их объектом для отмщения, или выплеснуть всю злость на офицера. Оба варианта казались ему одинаково привлекательными. Подмастерья за соседним столом, привлеченные громкой перепалкой торговцев, притихли и с интересом ждали продолжения спора.

И таверне воцарилась тишина, и только немедийские музыканты продолжали тянуть свой заунывный мотив, от которого у Конана сводило зубы... Наконец, меняла сделал свой выбор. Он вплотную подступил к Лобидусу, нависая над ним грозной хищной птицей. В голосе разъяренном)

Кафы отчетливо прозвучало предостерегающее шипение:

— Все это бессовестная ложь и клевета! Мож-Р0 подумать, ты не припрятал лучшие товары?!

— С вас один золотой, господин.

Конан резко обернулся. Рядом, подобострастно вытянувшись, стоял Понтикус. Скользнув взглядом по столу, на котором парило жаркое, киммериец поинтересовался:

— Почему так дорого? Я заказывал кролика, а не быка.

Последовало красноречивое пожатие плечами, но все же хозяин удостоил его ответом, кивнув на сцепившихся торгашей:

— Это они взвинтили цены. Готовятся погреть руки на свадьбе герцога рабирийского и дочки нашего барона. Попрятали товары в закрома. А много ли у крестьян припасов? Зима была нынче лютая.

Конан со вздохом полез в кошелек. Едва монета коснулась стола, Понтикус неуловимым движением подхватил ее и приготовился улизнуть. Осуществить намерение помешала мозолистая рука, внезапно оказавшаяся на плече заморийца.

— И все же я переплатил вдвое. Но если ты мне кое-что растолкуешь — позволю оставить деньги себе.

Понтикус открыл было рот, собираясь протестовать, но то ли внушительные размеры варвара, вкупе с железной мощью его пятерни, то ли справедливость сказанных слов сыграли положительную роль. В результате рот закрылся, и хозяин продемонстрировал гостю самую любезную из своих улыбок. Конан, не обращая внимания на льстивую игру заморийца, кивнул и, как ни в чем не бывало, продолжил:

— Расскажи-ка поподробнее об этой свадьбе. Хозяин посмотрел на него так, будто киммериец только что спустился с Луны.

— Незнакомец, не притворяйся! Всей Зингаре известно о женитьбе пресветлого герцога Ренальда, двоюродного брата короля, да благословит Митра его мудрое правление, на дочери властителя здешних земель, юной баронессе Орландо. Иначе, с какой целью такой человек как ты, — последовал выразительный кивок в сторону меча, — явился в эту глушь, если не погулять на свадьбе?

Конан вздрогнул.

— Сюда прибудет брат короля?

— Согласно древнему обычаю, свадьбуправляют в доме невесты.

Киммериец медленно кивнул. Определенно, в пи жизни началась несчастливая полоса — сначала неудачный дворцовый переворот с последующей погоней, потом потеря лошади в самый неподходящий

момент, и вот, теперь, отыскав, казалось бы, укромный и тихий уголок, он и здесь не находит себе покоя. Конан вспомнил, что все еще держит Понтикуса за руку:

— Я остаюсь в городке до утра. Приготовь комнату и отнеси туда кувшин вина. Если вино мне понравится, на рассвете получишь еще золотой.

— Конечно, конечно! Как вам будет угодно, мой господин!

Вонзив зубы в мясо кролика, которое оказалось вовсе не таким жестким, как того можно было ожидать, судя по небывалым размерам зверька, и, запивая его вином, Конан живо набросал план дальнейших действий: на рассвете, дабы избежать встречи с герцогом и его гвардией, он потихоньку выберется из Овражка, сделает небольшой крюк по окольным дорогам и поедет в Кордаву, где сядет на первое же судно. А в открытом море может всякое произойти... Киммериец частенько и с удовольствием вспоминал свои пиратские похождения. Да, решено, именно так он и поступит.

Вдруг, дверь в таверну с грохотом распахнулась и внутрь ворвались вооруженные люди.

Тroe из них встали вдоль стены и, натянув огромные боевые луки, направили стрелы на посетителей. Остальные «волки», а левую щеку вломившихся в зал мужчин украшали уже знакомые Конану клыкастые волчьи морды, забегали между столами, бесцеремонно заглядывая в лица гуляк. Киммериец насчитал десяток разбойников. Возглавлял молодчиков здоровенный детина, лоб и щека которого были обезображенны страшным шрамом. Завсегдатаи заведения провожали бандитов взглядами, говорившими о полном отсутствии к ним симпатий, однако открыто протестовать никто не решился. Танцовщица с визгом бросились к лестнице, ведущей на второй этаж дома. Один из «волков», заряв, попытался ущипнуть женщину пониже спины, за что заработал строгий окрик своего вожака. Навстречу предводителю головорезов устремился хозяин таверны:

— Разрешите угостить вас, многоуважаемый господин Шрам, за счет заведения, разумеется.

Господин Шрам грубо оттолкнул Понтикуса, даже не взглянув на него, и властным начальственным голосом рявкнул:

— Искать повсюду! Его прикончить можно сразу, а девка мне нужна живая!

К Конану направился рыжий громила, вооруженный внушительных размеров палицей. Пытаясь предупредить дальнейшее развитие событий,

киммериец с сожалением оторвался от еды, и едва слышно произнес:

— Я не ищу неприятностей.

Рыжий довольно ухмыльнулся, оценивающе оглядел северянина, затем окинул взглядом притихший зал. Все выглядели как обычно: при виде «волков», людишки, не сговариваясь, делали себе в штаны. Подражая голосу своего командира, великан, что было сил, заревел:

— Встать, грязный варвар!

По всей вероятности, он проделывал подобные трюки и раньше. Наверно, это его забавляло. Бросив оскорбление в лицо киммерийцу, он с интересом уставился на свою жертву.

Так и осталось невыясненным: какую именно реакцию он рассчитывал получить, однако то, что произошло через миг, явилось для верзилы полной неожиданностью.

Северянин тяжело вздохнул, со скучающей улыбкой положил недоеденного кролика на деревянное блюдо и, выполняя приказ, медленно встал. Одной рукой опираясь о стол, другой он подхватил скамью, на которой сидел, и, коротко размахнувшись, огrel ею незадачливого громилу по темени. Мебель у Понтикуса была сработана из прочного дуба, поэтому лавка осталась цела, лишь по сиденью змейкой пробежала трещина.

В притихшей таверне глухой удар прозвучал неприлично громко. Не теряя времени, Конан, бережно подхватил обмякшее тело разбойника, и повернулся к лучникам. Те, опасаясь попасть в своего, недоуменно переглянулись. Когда решение, наконец, созрело в их головах, было уже слишком поздно. Отбросив ставшее бесполезным тело, Конан ударом в челюсть отправил отдохнуть ближайшего стрелка. Его приятелю досталось серьезнее. Разбойник попытался дотянуться ножом до варвара. Нож у него тут же отобрали, и в следующий миг сунули под ребра хозяину. Третий лучник благоразумно отступил.

Киммериец, получив передышку, огляделся. Выяснилось, что у него появились союзники. Работники торговых рядов, не питавшие к «волкам» нежных чувств, с удовольствием присоединились к драке. Их поддержали юные кузнецы. Последнее обстоятельство сыграло злую шутку с отступающим лучником. Один из подмастерьев бросил ему в голову оловянную кружку с остатками сидра. Снаряд попал точно в цель. Разбойник зашатался, на ставших вдруг студенистыми ногах, и как подкошенный рухнул на пол. В стороне от происходящих событий остались лишь купец и меняла. Они с самого начала драки юркнули под стол и теперь испуганно выглядывали оттуда.

Тем временем Шрам и уцелевшие бандиты, каковых набралось

человек пять, собирались у двери, обнажив мечи.

Конан тоже потянулся к оружию. Его добровольные помощники испуганно пятнились. Одно дело принять участие в веселой потасовке, и совсем другое — идти, непонятно во имя чего, на верную смерть.

Вожак «волков» презрительно ощерился:

— Я сегодня добрый. Всех, кроме вот его, — указательный палец разбойника ткнул в киммерийца, — прощаю. Можете убираться.

Избегая смотреть в глаза Конану, люди медленно потянулись на выход. Шрам от души ликовал.

— Быстрее! Считаю до трех, если кто останется — разделит участь этого варвара.

У дверей возникла толчая. Не успел предводитель разбойников закончить счет, как заведение опустело. В таверне снова воцарилась тишина Конан и шестеро «волков» молча смотрели друг на друга.

В душе киммерийца бушевала буря; второй раз за день его назвали варварам, а это уже было слишком...

Неожиданно дверь распахнулась и впустила еще одного члена «волчьего» братства. Разбойник был не один. Он тащил за руку позеленевшего от страха Понтикуса. Подскочив к главарю, вошедший принял что-то горячо объяснять ему, временами кивая на варвара.

У Шрама от удивления вытянулось лицо. Не дослушав, он повернулся к Конану:

— Ты приехал на лошади Рваного. Расскажи, как она попала к тебе и, быть может, я подарю тебе жизнь.

Конан лишь усмехнулся в ответ.

— Я же сказал, что не ищу неприятностей. Но И не говорил, что бегаю от них. Моя жизнь принадлежит только мне и Крому, так что попробуй-ка сперва ее отнять.

— Будь по-твоему, чужеземец! Ты сделал свой выбор.

Шрам с видом человека, безвозмездно предложившего ближнему счастье и вместо благодарности им же оплеванного, пожал плечами и обратился к одному из своих молодцов:

— Степняк, он твой. Можешь покалечить, но не убивай, у меня к нему есть еще пара вопросов.

Вперед, поигрывая могучей мускулатурой, вышел воин с восточными чертами лица. Окинув своего противника надменным взглядом, Степняк недобро улыбнулся:

— Варвар сможет говорить!

Потом, без предупреждения он бросился к Конану и коротко резанул

мечом, целя в голову северянина. Клинок в последний момент слегка изменил угол движения: чтобы чужак выжил, «волк» решил бить плашмя.

Киммериец отпрянул. Не встретив ожидаемого сопротивления рука с мечом продолжила путь, увлекая за собой и тело. Кончилось тем, что Степняк потерял равновесие и растянулся на полу.

Разбойники замерли в ожидании смертельного удара. Но варвар даже не шевельнулся. Бить лежащего на земле противника Конан считал для себя недостойным.

И тут в голове киммерийца возник вопрос: а как бы на его месте поступил цивилизованный человек? В таком случае, ответил сам себе Конан, небесные врата уже бы гостеприимно распахнулись пред этим бандитом. Следовательно, такой человек, действует не под влиянием сердца, а по велению разума? Даже если разум ему подсказывает нечто бесчестное.

Северянин улыбнулся собственным выводам и решил, что варваром быть не так уж и плохо.

Тем временем обескураженный Степняк, опасливо озираясь, поднялся на ноги, и приготовился к новой атаке. «И этот негодяй еще смеет называться мужчиной! — с негодованием подумал Конан, глядя на перекошенную злобой физиономию „волка“. — А может, стоит попробовать вести себя как они?»

Степняк засопел, сделал отвлекающий выпад и повторил свой прежний прием. Меч со свистом рассек пустоту. Киммериец укрылся за лестницей, ведущей на второй этаж.

На этот раз разбойник устоял на ногах, и лишь чуть-чуть приоткрылся. Небольшая ошибка, но чуть не стоившая ему жизни. Конан, в соответствии с принятым решением о приобщении к цивилизации, хотел ею воспользоваться, но... в последний момент передумал.

С одной стороны, резня, которая неизбежно последует за убийством, не пройдет мимо внимания городской стражи. С другой — на лице Копана возникло задумчивое выражение — пора поставить на место этих молодчиков, и остудить их пыл, а после скрыться без ненужного шума.

Степняк, приняв отступление киммерийца за трусость, снова ринулся в атаку и... провел любимый прием в третий раз.

Конан посчитал такое однообразие оскорбительным, небрежно отбил выпад и контратаковал.

Оружие варвара с чавкающим звуком погрузилось в утробу противника. Степняк удивленно посмотрел в глаза киммерийцу, глубоко вдохнул и... испустил дух. На пол повалилось уже бездыханное тело.

Победитель подошел к одному из столов, взял там тряпку и, не обращая внимания на пораженных таким исходом «волков», вытер кровь со своего меча. За спиной его снова хлопнула входная дверь.

Шрам опомнился первым и прошипел:

— Убить наглеца!

— Отставить! Никому не двигаться! Оружие в ножны!

Конан заинтересованно обернулся.

Резкий каркающий голос принадлежал низенькому существу, ростом с карлика. На вид ему было лет сорок. Длинные темные волосы спутанными клочьями падали на глаза коротышке, а узкое лицо, благодаря острому подбородку, напоминало голодную хищную птицу.

Очевидно, этот недомерок обладал реальной властью над «волками», ибо последние послушно убрали клинки.

Шрам вполголоса пересказал карлику последовательность событий. Когда он закончил, маленький человечек, подошел к Конану, и принялся разглядывать его так, словно перед ним был не человек, а диковинная зверушка. Удовлетворив свое любопытство, он с ехидцей спросил:

— Не ищешь неприятностей, но будто с мечом родился... Наемник, не так ли?

Сочтя вопрос риторическим, киммериец ограничился настороженным кивком. Постепенно с лица северянина сошло выражение вызова: в воздухе пронесся едва уловимый запах золота, и К°-нан опасался его вспугнуть.

— Значит, интересуют только деньги? Служишь тому, кто больше заплатит? М-да... И какова же твоя цена?

В разговор вмешался Шрам:

— Его цена — хорошая трепка, которую сейчас я ему задам.

Коротышка перевел взгляд на предводителя разбойников. В глазах его мелькнуло раздражение:

— Ты ничего не сделаешь без моего приказа! Зачем убивать, когда можно купить?

— Затем, что он прикончил двух моих людей и еще нескольких покалечил. Не говоря уже о том, что украл лошадь Рваного. За такое полагается только смерть. А деньги и нам пригодятся.

Карлик в разочаровании заломил руки. Как Конан убедился впоследствии, преувеличенно эмоциональное восприятие происходящего было для коротышки обыденным.

— А что, Рваного тоже он убил?

— Этого я не знаю, но как раз собирался его расспросить, — нахмурился главарь.

— Ах, Шрам, Шрам! — укоризненно покачал головой коротышка, и стал увещевать разбойника елейным голосом. — Ты так скор на расправу, и даже мысли не допускаешь, что наш брат Рваный мог сам отдать лошадь этому добруму варвару. Взгляни на него, как он кроток и скромен, вот с кого вам бы следовало брать пример. — И

вдруг неожиданно карлик сорвался на крик: — Мы понапрасну теряем драгоценное время! Если бы не твоя глупость, беглецы уже были бы в наших руках! Повелитель будет тобой недоволен.

Не дожидаясь ответа, человечек опять повернулся к Конану.

— Я не представился. Мое имя — Козим, управляющий властителя окрестных земель, барона Орландо. Эти добровольные стражи закона помогают мне... поддерживать порядок в этих краях. К сожалению, мозгов у них не хватает, и все приходится делать мне самому. Теперь рассказывай, кто ты такой?

— Конан из Киммерии, — просто ответил варвар.

Козим некоторое время ждал, надеясь на продолжение. Когда пауза стала слишком затягиваться, он, не переставая ломать руки, засеменил к стойке, плеснул себе чего-то в кружку и одним махом выпил. Откашлявшись, он снова вперился взглядом в северянина.

— Ты немногословен, Конан из Киммерии.

— Я лучше говорю мечом.

Человечек окинул взглядом перевернутую в зале мебель и неподвижные тела на полу. Недвусмысленно хмыкнул.

— С твоим мечом здесь уже знакомы... Что ж, я намерен сделать тебе деловое предложение, Конан, и вкратце обрисую возникшую ситуацию. Поверь мне, дело это весьма щекотливое... Через два дня дочь господина барона — Ремина Орландо должна выйти замуж за герцога Рональда и стать его законной супругой. Договоренность о браке достигнута и отвечает интересам обоих сторон. К сожалению, в настоящий момент невеста сбежала вместе с одним из кандидатов в... блюстители порядка по кличке Клок Шерсти. Пламенный роман, или что-то в этом духе. Господин барон хотел бы ее вернуть. Вернуть, как ты понимаешь, до того дня, на который назначена свадьба. Меня не интересует, как к тебе попала лошадь, и что стало с тем человеком. Мне наплевать, как ты найдешь девушку. Еще меньше меня волнует судьба этого Клока... Зато, как только ты возвращаешь Ремину, я, от имени господина барона, плачу тебе тысячу золотых. Ну что, нравится мое предложение?

Среди разбойников раздался недовольный ропот: сумма по их меркам была названа баснословная. Конан кивнул на «волков»:

— А они?

— То же относится и к ним. Ваши взаимоотношения на время поисков меня не касаются. Приз получает тот, кто доставит беглянку.

Северянин задумался. Выследить девушку, конечно, не проблема. А что потом? Последует отказ платить? Вряд ли. Тогда в чем подвох?

Неожиданно на губах Конана мелькнула улыбка: его в очередной раз посчитали тупым темным варваром, спустившимся с гор. Ладно, он не будет их разочаровывать. Пока не будет. Ловя на себе острые взгляды, киммериец вышел на середину зала и, твердым голосом заявил:

— Я найду беглецов за три тысячи золотых.

Если бы карлик попытался торговаться, или хотя бы возмутился от подобной наглости, Конан ему бы поверил. Но когда в ответ получил кивок, все сомнения его отпали: на такое мог согласиться лишь человек, не собирающийся платить за работу.

Оттолкнув в сторону некстата подвернувшегося бандита, Конан направился к выходу. У самых дверей ему снова преградили дорогу. На сей раз умышленно. Раздался голос Шрама:

— Когда ты найдешь их, я тебя убью, киммериец.

Конан обернулся и пожал плечами.

— Буду с нетерпением ждать.

Шрам кивнул и, яростнокусая губы, прошел:

— Выпустите его.

Глава II

Компанию друзей под предводительством Птенчика, даже их товарищи, сами не обремененные излишней щепетильностью, за глаза называли «бешеными».

И прозвище это было вполне оправданным. Все четверо — забияки и драчуны по натуре, они не мыслили себя без смертоносной работы.

От остальных «волков» их отличала большая физическая сила, хладнокровие и жестокость. Когда требовались исполнители для самых грязных, опасных и кровавых дел, Шрам всегда обращался за помощью к ним. И четверо, будучи законченными негодяями со стальными нервами, неизменно оправдывали его ожидания и не подвели еще ни в одном деле.

Сейчас целью их охоты был варвар из далекой северной страны. Надлежало дать ему время найти беглецов, а затем — убить. Когда Шрам стал рассказывать о бойцовских талантах киммерийца, Птенчик бесцеремонно его перебил: Конан может быть сколь угодно силен, ему все равно не справиться с четверкой, действующей как единое целое. И это не было пустым бахвальством. Каждый из «бешеных» во время боя не только выполнял свою задачу, но, при этом, умело ориентировался на действия остальных.

Птенчик короткими перебежками подобрался к покосившемуся плетню, рядом с домом, стоявшим у развилки дорог.

Край заходящего солнца, еще выступавший над горизонтом, не позволял близко подобраться к Конану, беспечно шагающему по улице. Но этого сейчас и не требовалось. Отсюда открывался прекрасный вид до окраины города.

На лице Птенчика появилась довольная ухмылка. Верхняя губа с вы涌现出 желтым пушком, из-за которого он получил свою кличку, растянулась в тонкую полоску.

Убедившись, что киммериец не глядит в его сторону, разбойник коротко взмахнул рукой.

Спустя мгновенье, рядом с ним замерли остальные: Солома, Клыкач и Чико-Опасность. Предводитель указал рукой на ковырявшегося в грязи Конана и шепотом произнес:

— Варвар знает беглецов: он ищет их по следу.

В ответ последовали учащенные вздохи, означавшие понимание и согласие: невозможно читать следы, не зная, кому они принадлежат.

Тем временем Конан пружинисто поднялся на ноги, и быстро пошел по улице, время то времени, сверяясь с запутанным рисунком отпечатков на дороге. За ним, послушно перебирая копытами, трусила иранистанская лошадь.

«Кобыла точно Рваного!» — с яростью узнал кобылу Птенчик: прежний хозяин иранистанки был его близким приятелем.

— Он сам нас приведет к девчонке! — усмехнулся Солома, грузный, вечно всем недовольный зингарец, с всклокоченной шевелюрой бесцветных волос.

Кивнув на бодро идущего по следу варвара, он оскалился, достал из-за спины короткий топорик — свое любимое оружие, и замер, ожидая дальнейших указаний вожака. Остальные «бешеные» подобрались поближе. Птенчик молча поднял два пальца, жест означавший готовность к схватке, но не ее начало: киммериец еще не вывел их на главную цель.

В этот момент Конан неожиданно свернул за угол. Птенчик взмахнул рукой и поднял вверх большой палец — приказ двигаться друг за другом.

Первым достиг угла дома Клыкач. Осторожно выглянув из-за колючих кустов, он сразу заметил киммерийца. Варвар шагал вперед, почти не глядя под ноги, словно выискивать в сумерках на затоптанной дороге отпечатки ног беглецов было для него делом привычным. Клыкач с завистью покачал головой. Вот бы так научиться! Не сводя глаз с северянина, разбойник мотнул головой, пропуская вперед себя следующего. Вскоре над его ухом раздалось учащенное дыхание Чико, то же оценившего охотничьи способности варвара:

«Бешеные» еще некоторое время продолжали следить за Конаном, читавшего следы на дороге как по писанному листу, но при этом проявляющего удивительную беспечность. И только раз им показалось, что северянин чуть не заметил их.

Он снова скрылся за углом. Разбойники последовали за ним. И тут варвар остановился.

Птенчику и его людям не оставалось ничего, как с громким всплеском нырнуть в ближайшую канаву, полную помоев и нечистот. Находящийся меньше чем в сотне шагов северянин медленно обернулся. Все четверо вполголоса ругались и, словно мыши, дрожали в грязи. Обиженный Солома, разбивший коленку, предложил немедленно разделаться с киммерийцем, но в ответ получил болезненный тычок под ребра и недовольное сопение Птенчика.

Конан, тем временем, недоуменно пожал плечами, мол, мало ли на свалках крыс, и зашагал дальше. «Волки» потихоньку выбрались из

канавы. На следующей улице северянин подошел к высокому забору и решительно распахнул калитку.

Когда за ним с глухим стуком захлопнулась дверь, рука Птенчика нарисовала в воздухе круг и сжалась в кулак. В отблесках заходящего солнце сверкнуло оружие. Солома ласково погладил топорик, Чико предпочитал пользоваться коротким мечом, в руках Клыкача появились длинные изогнутые кинжалы. «Мои клыки», — с гордостью говоривал про них «волк». Птенчик вытянул из сапога тяжелый, с зазубринами на лезвии изогнутый туранский меч, владел которым он мастерски. В воздухе повеяло смертью.

* * *

Смеркалось. Посмотрев в окно на повисшую посреди неба луну, Козим довольно потер руки. При такой луне Конану с его несомненным опытом в подобного рода делах, не составит большого труда обнаружить девчонку. А как только...

Раздался громкий стук. В ответ на разрешение войти, на пороге появился Шрам.

Недовольно осмотрев комнату — разбойнику с самого начала не понравилась идея остаться в таверне на ночь — вожак «волков» повернулся к карлику.

— Сколько твоих людей сейчас в городе? — вяло спросил тот.

— С полсотни. Но многие еще в пути и продолжают прибывать, к утру перевалит за сто человек.

— Выходы из города перекрыл?

— Воробей не вылетит без моего ведома.

— Еще есть новости?

— Гонец из замка. Там полным ходом готовятся к свадьбе. Повсюду рыщут люди герцога. Мага уже воротит от них. Поверенный его светлости интересуется, где невеста. Кстати, маг о ней тоже спрашивал.

— И что ему сказали?

— Кому? Магу?

— Королевскому соглядатаю.

— Поехала проститься с теткой. Вот-вот должна вернуться,

Козим почесал за ухом. Устало посмотрел на разобранную постель. Постелью назывался соломенный тюфяк, от которого по комнате распространялся весьма подозрительный кислый запах. «Интересно,

сколько в нем клопов? Наверняка больше, чем в Овражке „волков“. Может, даже больше, чем их станет утром», — с содроганием подумал он.

— Ну и как? Клюнул посланник на эту наживку.

— Пообещал закрыть глаза, если девушка появится до церемонии.

Шрам поймал вопросительный взгляд коротышки, грубо хохотнул и пояснил:

— Кажется, он решил, что невеста напоследок решила намиловаться со своим дружком: известное дело, в наше время девицы не ждут до свадьбы, чтобы вдоволь повеселиться с другими!

Пройдясь взад-вперед по комнате, вожак «волков» собрался с духом и задал терзавший его вопрос:

— Почему ты отпустил варвара, я до последней минуты ждал сигнала прикончить его?

Козим, кряхтя, устроился на табурете, рядом с изголовьем кровати и с грустью посмотрел на разбойника.

«Ну вот, сейчас полезет на стену!» — мелькнула запоздалая мысль у Шрама.

Недовольно поморщившись, коротышка ответил:

— Ведь ты же, кажется, все слышал.

— Я думал, ты нарочно разыгрываешь представление, чтобы усыпить его бдительность. Кстати, мои люди заинтересовались суммой в три тысячи золотых...

Козим, не дожидаясь окончания фразы, подпрыгнул на своем табурете.

— А разве не твои оборванцы упустили девчонку!?

На лице «волка» от возмущения выступили желваки, а шрам из багрового стал свинцовым. Козим, предупреждая надвигающуюся бурю, вытянул вперед руки.

— Постой, постой! Я, конечно, и сам виноват. Но в этом деле все средства хороши. Считай, что просто делаешь мне одолжение. А деньги после можете оставить себе. Договорились?

Шрам хмуро кивнул.

— Прекрасно. Так вот, в случае, если твои люди не найдут Ремину, мы окажемся в очень... невыгодном положении. Ты хочешь лично доложить о неудаче Яхм-Коаху?.. Ага, так я и думал! Я, между прочим, тоже не мечтаю проснуться утром мерзкой жабой. Следовательно, варвар поможет нам найти беглецов и выполнит работу за нас. Верно? Потом делай с ним, что захочешь. Теперь, что касается киммерийца... Мне приходилось иметь дело с ему подобными. Они глупы и легковерны. Но зато — прекрасные следопыты. Спрашивается: почему бы не предложить ему деньги —

причем, раз он не доживет до момента расчета, то размер суммы не имеет значения.

Шрам в задумчивости почесал затылок. Карлик исподтишка подглядывал за ним: проглотит «волк» приманку или нет.

Козим намеренно давал понять, что золото — это всего лишь уловка. Платить он не собирался. Никому.

— А ты уверен, что он не сговорится с Реминой и, подобно Клоку Шерсти, не переметнется на ее сторону? Она ведь может заплатить ему вдвое больше. V

Маленький человечек сердито зачмокал губами. Козима бесила зависимость успеха его тщательно продуманного плана от действий этих бестолковых болванов-разбойников. Скорее бы свершилось то, что он наметил...

— Поэтому им нельзя позволить встречаться! И уж тем более разговаривать. Я, между прочим, не просто так приказал следить за ним лучшим людям. Приказание, надеюсь, исполнено? !— Дождавшись подтверждения, Козим продолжил: — А как только твои громилы... прошу прощения, благородные воины, вслед за варваром, выйдут на баронессу, пусть пустят кровь этому простодушному дураку, и дело с концом. Тем более, что все произойдет уже этой ночью. Ночью, как я понимаю, у них будут все преимущества. Или варвар им не по зубам даже при луне?

— «Бешеным»?! Шутишь!

— Пока Ремина на свободе, у меня нет никакого желания с тобой шутить!

Шрам, что-то проворчав себе под нос, осведомился:

— Если я больше не нужен, то, пожалуй, пойду?

— Подожди! Я сейчас составлю послание в замок. Скажешь своему человеку, чтобы захватил его на обратном пути.

* * *

Первым через забор перемахнул Клыкач.

Мгновение постояв, он бесшумно скользнул к калитке. В открывшуюся дверь беззвучно проникли остальные «бешеные».

Рассыпавшись по двору, они сперва прочесали сад, но никого в нем не найдя, с разных сторон появились у дома. Внезапно Птенчик вытянул руку, привлекая внимание своих приятелей.

В стойле с аппетитом хрустела овсом черная иранистанка. Сделав знак

Чико сторожить у калитки, «бешеные», выломав с треском дверь, ворвались в дом.

Миновав коридор и кухню, разбойники попали в просторную комнату. Судя по обстановке — хозяин был далеко не бедным человеком. Спустя мгновение на полу оказались шелковые занавески: вдруг за ними спрятался варвар. В столовой раздался звон бьющейся посуды. На кухне откинули крышку погреба, но варвара и там не оказалось.

Послышался скрип лестницы: сверху спускался еще не проснувшийся владелец дома. Увидев учиненный беспорядок, он вдруг сел на пол и побабы завыл. К нему подскочил Птенчик и залепил увесистую оплеуху.

— Где варвар? Где мужик с девкой? Лучше говори, пес, по-хорошему, где их прячешь!

Размазывая слезы по лицу, человек вцепился обеими руками в полы халата, единственной бывшей на нем одежды, и, раскачиваясь из стороны в сторону, принял тихонько скульть:

— Берите! Все берите! Только не убивайте!

Первым понял, что так они ничего не добываются, Клыкач. Он отозвал Птенчика в сторонку и подмигнул вожаку. Получив согласие, разбойник набросил занавеску на плечи хозяина дома. Потом, поддерживающая под руки, подвел к резной скамье.

— Успокойся. Хочешь, я налью тебе что-нибудь выпить? Нам всего лишь нужно узнать, где находится девушка и остальные. Они очень опасные люди. Как только мы их найдем, клянусь, мы тотчас покинем твой дом.

— Не уб-бивайте, пожалуйста...

Человек начал успокаиваться, всхлипы слышались уже реже, и Клыкач навострил уши. Но все испортила супруга хозяина — бестолковая баба. Едва появившись, она заголосила на весь дом:

— Уно, что они с тобой сделали?!

Вопль сменился предсмертным хрипом. Позади упавшей женщины стоял довольный Солома — он не выносил женского визга. Гигант с кривой ухмылкой протер от крови свой топорик. Владелец дома, став вдовцом, от горя окончательно потерял рассудок, и с кулаками бросился на убийцу. Клыкач предупреждающе закричал, но было поздно. В свете догоравшей луцины топорик вновь взлетел к потолку и с хрустом опустился, а спустя мгновение на полу лежали уже два трупа.

Птенчик подошел к забрызганному с ног до головы кровью Соломе, зло сверкнул на него глазами, отвернулся и не в силах сдержать свою ярость, ударил кулаком по стене.

— И как мы теперь узнаем — где они?!

Клыкач, брезгливо переступая через безжизненные тела, обшарил карманы халата хозяина.

— А, никак, — бросил он через плечо. — Этот Конан провел нас. Духа его здесь не было. Я не верю, что эта трусливая тварь в состоянии утаить что-либо, за исключением податей от сборщика налогов. Думаю, варвар заметил нас, когда мы кувыркались в канаве с дерьямом. А, заметив, зашел в первый встреченный дом и вышел через заднюю дверь. Наверное сейчас он уже пересчитывает свои монеты. Да еще посмеивается над нами. А мы тут, по его милости, корчим из себя дураков.

В помещение воцарилось молчание. Первым не выдержал Птенчик:

— Раз ты такой умный, то скажи — что теперь делать?

Неожиданно хлопнула входная дверь, и послышались уверенные тяжелые шаги. В комнату вошел Чико. В ответ на его невысказанный вопрос, Клыкач проворчал:

— Мы думали, что ты — это Конан.

Чико окинул взглядом царящий в доме разгром и застывших на полу мертвецов. Перевел взор на понурившихся товарищей.

— Пусто?

— А у тебя?

— Не совсем.

Разбойники воспряли духом. Солома тяжело засопел:

— Не томи, рассказывай.

— Конана я не видел. Зато по улице только что прошел Клок Шерсти.

Птенчик нехорошо улыбнулся.

— Есть на свете справедливость. Ты его сцепал?

Теперь очередь улыбаться наступала для Чико.

* * *

Бессмысленность побега стала очевидна ей уже утром. Ремина пожаловалась, что у нее больше нет сил пробираться через лес. И он, Клок Шерсти, поддавшись жалости, вывел ее на дорогу. Когда они услышали приближающийся перестук копыт, укрыться было негде. Их заметили. До сих пор перед глазами Тиврано стояло перекошенное лицо Рваного, не верившего, что получил стрелу между лопаток от собрата по клану. Тем более что смерть эта ровным счетом ничего не решала. По всем дорогам Рабирии их уже разыскивают до зубов вооруженные люди Шрама. Клок

Шерсти сам много раз принимал участие в подобных охотах. Но штука в том, что нажал на спусковой крючок вовсе не он, а девчонка. Чувство отчаяния и нежелание расставаться с мелькнувшим призраком свободы.

А потом была дорога, обед в таверне, где их наверное узнал этот подозрительный варвар. И вот они, как в мышеловке, заперты в обложенном со всех сторон Овражке.

Сняв в неприметном домике на окраине комнату на втором этаже, он оставил там девушку, а сам отправился искать лазейку из города.

Поиск ни к чему не привел. Еле волоча ноги, Тиврано в подавленном настроении возвращался домой.

Он уже сожалел, что связался с этой капризной баронессой. Жить все время с оглядкой оказалось невыносимо. А страх неминуемого наказания и ужас перед пытками в глубоких подземельях замка, где даже крика его никто никогда не услышит, отняли у него последние остатки мужества.

И тогда бывший разбойник остановил пробегающего мимо мальчишку:

— Хочешь заработать монету? Мальчуган потер лоб и настороженно спросил у незнакомца:

— А чего надо-то?

— Зайти в таверну, что находится на площади и передать сообщение.

Шмыгнув носом, мальчишка расплылся в довольной улыбке:

— «У Понтикуса», что ли?

— Да. Найдешь там человека со шрамом и скажешь...

Продиковав пареньку текст послания, Тиврано поспешил к баронессе.

Обратный путь дался ему легко. Предав доверившуюся ему девушку, он сбросил с плеч непомерную тяжесть.

Клок Шерсти шагал по ночным улочкам этого захолустного городка и по привычке строил планы на будущее. Ведь это он вернет девчонку! Почему, собственно/ он должен отказываться от денег?! В голове возникла картина большого каменного дома, утопающего в саду. Вот он, Клок Шерсти, беседует со Шрамом. Вот главарь шайки принимает его условия. А почему ему не согласиться? В обмен на девушку Тиврано требовал совсем немного — свободу для себя и каких-нибудь сто золотых. Учитывая обстоятельства, требования очень скромные...

А потом — домой, в родную деревню. Хватит с него этой суэтной жизни: хлеб растил, разбойником был, в битвах участвовал и даже осадными машинами управлял. Он счастливо засмеялся и от избытка чувств стал напевать себе под нос. Даже пытался пританцовывать на ходу под музыку собственного сочинения. Но вдруг остановился, спрашивая

себя: «Неужели и правда все позади?»

Ответа не было. Да и не могло быть, ибо спрашивал он у собственной совести, а она отказывалась с ним говорить.

«Как мне теперь смотреть в глаза Ремииы?!» — в панике вопрошал сам себя бывший «волк», когда дорога повернула к знакомому дому.

Он отчаянно закрутил головой, пытаясь вновь представить дом своих грез, с роскошным резным балконом на втором этаже. И к радости Тиврано, это ему удалось. С легким сердцем бывший разбойник потянул на себя ручку входной двери. И услышал над ухом насмешливый голос, в миг разрушивший все мечты:

— Неподобающая лачуга для дочери барона, ты не находишь?

Внутри у Тиврано все похолодело. Он жадно сглотнул подступивший к горлу комок и прохрипел, боясь обернуться:

— Что я должен делать?

* * *

Клыкач не ошибался, полагая, будто Конан почуял слежку — о ней киммериец догадывался с самого начала. Недаром, прежде чем заняться поисками беглецов, он долго бесцельно бродил по городу, заглядывал в торговые лавки, и в числе прочих зевак наблюдал за уличными скандалами. Словом, делал все, что следовало бы делать варвару, впервые попавшему в многолюдный шумный город, и вскоре знал в лицо всех своих соглядатаев.

Конан еще не составил для себя полной картины, но в общих чертах все было ясно. Им нужна сбежавшая девушка, нужна, как глоток воздуха утопающему. И тут появляется киммериец, человек абсолютно чужой, и несведущий в местных делах. Почему, спрашивается, не пустить по следу его, приставив для присмотра пару глаз? А потом, когда он найдет беглянку, его просто убьют, а девушку доставят обратно в замок. В самом деле: не платить же деньги какому-то варвару! А раз так, то Конан решил: найти место укрытия беглецов и переговорить с этой Реминой Орландо, которая, похоже, оказалась в большой беде и нуждается в помощи.

Без особых хлопот обведя вокруг пальца своих преследователей, киммериец дворами вернулся к дому, где, по его расчетам, прятались беглецы. На той самой улице с грязной канавой, в которой он заставил искупаться разбойников. Вспомнив этот эпизод, на лице варвара промелькнула улыбка.

Всю жизнь странствуя по свету и зарабатывая свой хлеб мечом, Конан

неплохо научился разбираться в людях. Порой ему хватало одного взгляда, брошенного на человека, чтобы судить о его характере, привычках и образе мыслей. Наблюдая за глазами, жестами, одеждой и манерами, а это далеко не полный перечень, варвар с удивительной точностью отличал друзей от врагов и предугадывал поступки людей. Но самой действенной приметой являлось человеческое жилище. По тому, как живет человек, можно сказать о нем очень многое...

Вот и сейчас, Конан взглядом окинул дом, и перед наблюдательным киммерийцем, будто наяву, предстал его хозяин, а точнее — хозяйка.

Старушка была прижимистая, предпочитая, сама заниматься починкой и экономить медяки на мастерах, но аккуратная. Скрытная по натуре — ставни на окнах были плотно закрыты, не любопытная, но до золота жадная, раз пустила на постой столь опасных жильцов.

Перебравшись через плетень, Конан в два прыжка очутился перед дверью, запертой на хитроумный замок. И снова улыбнулся.

Наивная старушка полагала, что с помощью этого искусно сработанного механизма дом ее стал неприступен для злоумышленников. Медленно, дабы не поднимать шума, киммериец одним поворотом кинжала убил все бабкины надежды, толкнул дверь плечом, но та даже не шелохнулась.

Все-таки со старухой он сам обманулся, хозяйственная бабка, не слишком доверяя всем этим механическим новшествам, для верности навесила еще и засов. С этим старым как мир устройством северянин возился подольше, но все же и оно не устояло перед ним. Конан осторожно толкнул дверь и оказался в длинном коридоре. Левый его конец вел к комнатам первого этажа, правый — заканчивался крутой лестницей.

Страясь ступать как можно тише, киммериец поднялся на второй этаж. Сквозь грубо сколоченную дверь пробивался тусклый свет. Варвар осторожно дернул за ручку. Дверь подалась.

Посреди помещения, на полу стояла лампа. Тут только Конан почувствовал ловушку, но отступить не успел. Строгий женский голос приказал:

— Возьми светильник, я хочу видеть твоё лицо. И учти: у меня в руках арбалет. Шевельнешься, и я без сожаления пробью насеквозд твоё сердце.

Видя, что киммериец колеблется, Ремина добавила:

— Не сомневайся, с такого расстояния не промахнется даже слепой. Так что, не делай глупостей.

Избегая резких движений, Конан послушно поднял лампу.

— Я видела тебя сегодня днем в таверне. Кто ты?

— Мое имя — Конан. Я — воин-наемник. Ты, как мне показалось, нуждаешься в услугах подобного рода. Вот я и зашел предложить их.

— Почему я должна тебе верить? Тем более, что у меня уже есть защитник.

— Предавший однажды, способен сделать это и второй раз.

Девушка задумалась. Потом горько усмехнулась:

— Ты сам себя разоблачил. Рассказать про Тиврано тебе мог только кто-то из псов Яхм-Коаха. Я не верю ни одному твоему слову. Скажи правду, они тебя наняли, чтобы найти меня?

Конану начал надоедать этот разговор. Его глаза привыкли к полумраку комнаты, и он без страха посмотрел в глаза девушки, спрятавшейся за ширмой в углу. В руках у нее действительно был арбалет. Если бы оружие держали другие руки, Конан мог бы, пожалуй, рискнуть, но он помнил о теле в лощине, с засевшей между лопаток стрелой, и знал, кто направил эту стрелу.

В то же время тратить свое время на разговоры с девчонкой... И он поставил на удачу.

— Ладно. Стреляй. Только один совет: если собираешься убить человека, делай это сразу и не тяни.

Глаза девушки стали круглыми от удивления, арбалет в руках дрогнул. Тогда Конан медленно подошел к ней, поставив лампу на стол и осторожно отобрал самострел.

Ремина спрятала лицо в ладонях. Раздались приглушенные рыданья. Сейчас уже ничто в ней не напоминало прежнюю гордую и надменную воительницу. Пропали холодность и высокомерие, благодаря которым Конан впервые обратил на нее внимание на постоялом дворе. Перед варваром стоял просто глубоко несчастный ребенок. Из-за боязни вызвать новый поток слез киммериец подавил в себе желание обнять и успокоить ее, ограничившись замечанием:

— У нас не очень много времени. В ответ, сквозь всхлипы донеслось:

— Будьте вы прокляты! Ну, что встал?! Тащи меня к своему господину. Отрабатывай свои гроши.

— У тебя, наверное, есть какие-то вещи. Собирайся.

Девушка не шелохнулась. Только плечи продолжали вздрогивать. Киммериец подошел к ней и улыбнулся:

— Я же сказал, что хочу помочь.

— М-да? И поэтому вломился сюда, чтобы похитить и продать Яхм-Коаху?

— Вообще-то, я собирался отвезти тебя домой, — честно признался

варвар.

— Вот видишь. Значит, я права.

Конан скучающим взглядом посмотрел в окно. Во дворе мелькали какие-то тени.

— Мне кажется, сейчас не самое лучшее время обсуждать планы на будущее. У нас гости. Если ты в самом деле не хочешь очутиться в лапах «волков», следует поторопиться.

Девушка неуверенно подошла к окну и осторожно выглянула вниз. Конан поймал себя на мысли, что с удовольствием вдыхает запах ее тела.

«Пожалуй, насчет ребенка, я оказался не совсем прав», — подумал киммериец, окидывая взглядом знатока стройную фигурку юной баронессы.

Вдруг Ремина вскрикнула и отпрянула от окна. Конан проследил за ее испуганным взглядом, и зрелище во дворе невольно приковало к себе взор варвара. Сперва внизу стояло пятеро мужчин. И тут двое из них превратились в огромных волков. Один из зверей задрал голову к небу и над сонным городом прокатился протяжный вой.

Второй волк, как показалось киммерийцу, посмотрел прямо ему в глаза, словно почувствовал близость северянина.

Зверь оскалил клыки в зловещей ухмылке и, казалось, подмигнул варвару. Конан невольно отшатнулся, когда глазницы чудовища полыхнули кровавым огнем. Люди и оборотни двинулись к дому. Первым шел неудачник-Тивраио.

Конан схватил девушку за руку и силой потащил к лестнице. Едва им удалось миновать первый пролет, как снизу раздались голоса.

Киммериец решил превратить в поле боя лестничную площадку, но прогнившие доски и низкий потолок поколебали его решимость. Выставив перед собой арбалет, он приказал Ремине:

— Вернись назад и принеси мне лампу. Я их тут попробую задержать.

Спокойный и уверенный голос киммерийца отрезвил баронессу. Ей до боли захотелось поверить ему.

«Но разве можно верить незнакомцу, к тому же еще и варвару? — спрашивала она себя и тут же возражала: А есть ли у меня выбор? Уж лучше умереть, чем пленницей вернуться в родной замок. По крайней мере, этот варвар не растерялся и ведет себя, как истинный воин». Придя к этому выводу и неохотно признав превосходство Конана, дочь барона Орландо побежала за лампой.

Тем временем, разбойники осторожно поднимались по ступеням. Первым, по-прежнему, шел Тиврано. Стараясь загладить свою вину и

выслужить прощение, он демонстрировал чудеса быстроты и ловкости. За что и поплатился, став первой жертвой схватки. Его тело, насквозь пронзенное арбалетной стрелой, сделало по инерции еще пару шага, по вдруг споткнулось и покатилось вниз по ступеням.

Вперед вырвались два грязно-серых зверя. Внешне они ничем не отличались от волков, но

были крупнее и шире в кости, нескладные с виду, зато стремительные в движениях, и от этого гораздо опаснее.

Тварь, мчавшаяся первой, казалась несколько неуклюжей. Она неслась вперед короткими прыжками, высунув широкий язык, словно оборотень страдал от одышки. Из пасти чудовища непрерывно текла слюна. Второй зверь был более ловким и храбрым. Подъем ему давался легко. Он постоянно порывался оказаться впереди, но ширина лестницы этого не позволяла. Потом появились люди. Один достал длинный тяжелый нож и невесело ухмыльнулся. Он кивнул северяину как старому приятелю и отвел руку с ножом для броска.

В этот момент что-то коснулось плеча киммерийца. Конан резко обернулся. Рядом стояла Ремина и протягивала ему лампу.

Он выхватил сосуд из рук девушку и, подняв лампу над головой, с силой бросил ее на ступени. Масло, а следом за ним и пламя, весело побежали по деревянному настилу лестницы. Сухие доски вспыхнули как тростник. Огонь поднялся сплошной стеной, опалив оскаленные волчьи морды. При виде занявшихся ступенек, первая тварь резко остановилась. Второе чудовище врезалось в нее, еще ближе подталкивая к вселяющему ужас пламени. Но вместо того чтобы попытаться перепрыгнуть через разгорающийся костер, чудовище, бывшее недавно человеком по кличке Солома, опрокинув следующего за ней Чико, помчалось вниз, жалобно скуля на бегу.

Тем временем, Конан, воспользовавшись замешательством в стане врага, влетел в комнату, бесцеремонно подхватил девушку на руки и, выскочив в открытое окно на крышу дома, бросился бежать по скользкой черепице. Он успел сделать не меньше десяти шагов, прежде, чем сзади раздались разъяренные вопли разбойников.

Оглянувшись, Конан увидел, как один из бандитов высунулся из окна с заряженным арбалетом. Времени на раздумья не оставалось, и киммериец, крепко прижав свою невесомую ношу к груди, прыгнул вниз.

Не удержавшись на ногах, Конан упал на мягкую после вчерашнего дождя землю, стараясь защитить Ремину от удара. С точки зрения северяина с ней все было в порядке. Но вот как высокородная баронесса

перенесла прикосновение рук варвара, вопрос еще тот.

«Наверное, сейчас закричит», — мелькнула в голове Конана протестующая мысль.

Варвар встал, готовясь выслушать град упреков. Но он ошибся.

Ремина, очутившись на руках этого могучего человека, пожалуй, впервые за очень долгое время, почувствовала себя в безопасности. Ею овладело сладостное успокоение, позволившее забыть пережитые ужасы последних дней. И как несправедливы были к ней небеса, так скоро прервавшие миг блаженного забытья. Она с робкой застенчивостью взглянула на киммерийца, все еще прижимавшего ее к могучей груди, и решительно отстранилась.

— О боги, кто объяснит мне, что здесь происходит!? — пронзил глухую ночь дребезжащий старческий голос. Старушка-хозяйка проснулась, услышав, что в доме твориться нечто непотребное, и в чем была, выскочила во двор. Заметив киммерийца и Ремину, она открыла рот, собираясь позвать на помощь, но варвар опередил ее крик.

— Бабуля, сколько стоит твоя лачуга? — участливо спросил старуху Конан.

— Сколько? Да с чего ты взял, нахал, что я ее продаю?! Не собираюсь я ее продавать.

— Но ведь дом может сгореть?

— Интересно, с чего это ему гореть?..

Старушка запнулась. В воздухе отчетливо пахло дымом. Увидев языки огня, пляшущие в окнах второго этажа, несчастная хозяйка запричитала на весь квартал.

Конан почувствовал на себе ее обличающий взгляд. Он сунул бабке кошель с остатки денег Рваного и, не оглядываясь, пошел прочь. Взяв за руку Ремину, северянин быстрым шагом направился к калитке. Но далеко уйти не удалось. На дороге их ждали. Два огромных зверя с встопорщенными загривками вынырнули из темноты, заходя с разных сторон. От них так несло паленой шерстью, что Конана передернуло от отвращения.

Твари злобно зарычали. Дрожащие брылья при этом то и дело обнажали огромные клыки. За парой оборотней, вперед выступил человек, потрясая в воздухе кривыми кинжалами. Киммериец решительно оттолкнул в сторону Ремину, в ужасе жавшуюся к его плечу, где ей казалось наиболее безопасно. Девушка непонимающими, полными слез глазами с обидой глядела на варвара.

— Спрячься где-нибудь и не высовывайся! — грубо приказал он.

Краем глаза Конан заметил летящее прямо на него серое тело. Северянин слегка пригнулся, а потом стремительным движением ухватился за Шею зверя и помог ему продолжить полет. Оборотень забарахтался в воздухе, неловко упал и покатился по земле словно мячик. Чико оказался не таким уж проворным, каким себя считал. Поскуливая от боли, тварь на трех лапах потрусила прочь.

Солома, растерявшись, остановился. Едва ли не впервые за много лет, он очутился один на один с очевидно опасным противником. Оборотень закружил вокруг человека, отвлекая его внимание, пока к нему не подоспеет подмога.

Конан уже с мечом в руках, следил за каждым его движением. Время работало на киммерийца: старуха во дворе звала на помощь соседей. Охваченный огнем дом, полыхал как заря, пламя, взметнувшееся к небесам, грозно ревело, словно вырвавшийся из тысячелетнего заточения демон. Скоро сюда сбегутся люди и разбойникам, поневоле, придется оставить жертву.

Тогда Солома принял юлой вертеться перед варварам, инсценируя ложное нападение, пока Клыкач подкрадывался к северянину со спины. План не сработал: Конан почувствовал приближение разбойника, но притворился, будто всецело занят зверем. Клыкач попался на его уловку.

Почти вплотную подкравшись к Конану, он занес оба кинжала для одновременного удара с двух рук. Не желая раньше времени рассеивать его иллюзии, киммериец держал меч перед собой, не подпуская оборотня близко.

Раздался громкий предупреждающий крик Ре-мины, полный отчаяния и страха.

Решив, что уже пора, варвар, резко повернувшись, опустил клинок на голову противника. Получилось как днем в таверне Понтикуса, с той лишь разницей, что Конану, в отличие от Степняка, прием удался. Клинок глубоко увяз в черепе, и киммерийцу пришлось применить силу, чтобы вырвать его. И вовремя. Оборотень метнулся вперед, целя зубами в незащищенную шею варвара.

В призрачном лунном свете коротко блеснул клинок. Солома попытался хоть немного изменить полет, судорожно задергав всеми четырьмя лапами.

Это и спасло ему жизнь. Но какой ценой! Через весь бок его тянулась глубокая рваная рана. Зверь, царапая когтями землю, забыв про человека, на брюхе пополз в кусты.

Конан взором победителя окинул поле боя. Из кустов раздавался плач

по сломанным ребрам. За спиной, широко раскинув руки, неподвижно лежало тело разбойника с рассеченной пополам головой. И, наконец, в конце улицы показалась кричащая толпа людей с факелами и ведрами. Удовлетворенно хмыкнув, киммериец подошел к остывшей у калитки Ремине.

— Ты всегда так сражаешься? Ну... как мясник? — спросила она, не в силах отвести полных ужаса глаз от искалеченного тела Клыкача.

— Нет, — признался Конан, вытирая меч о траву, — только когда меня хотят убить в спину.

Перекинув ножны через плечо, он протянул девушке руку.

— Идем, нам не следует здесь оставаться. Ремина, с опаской приняла помочь, и вдруг вскрикнула, пытаясь вырваться:

— Там остался Тиврано!

— Когда я видел его в последний раз, он выглядел совсем мертвым.

— Нет, я не об этом, — в подтверждение своих слов девушка замотала головой, — просто у него осталась фигурка Двуглавого зверя. Яхм-Коах очень дорожил этой вещью.

— Я уже сотню раз слышал это имя, но до сих пор не знаю, кому оно принадлежит. Надеюсь, ты мне все объяснишь. Подожди меня здесь.

Киммериец быстрым шагом направился по тропинке к дому.

— Постой! — крикнула Ремина ему вслед. Конан остановился и удивленно обернулся.

Девушка бегом догнала киммерийца, порывисто схватила за руку и горячо поцеловала в щеку:

— Возвращайся, пожалуйста... и спасибо тебе! Конан пытливо посмотрел Ремине в глаза и увидел в них, кроме благодарности, еще и кое-что другое. Но для этого другого сейчас было не место и не время. Тряхнув гривой волос, он постарался выкинуть из головы все лишние чувства, к ним можно вернуться после, а трепетно ждущей ответа девушке бросил:

— Держись подальше от улицы и постарайся смешаться с толпой. Я сам тебя найду.

Подбежав к дверям, он протянул руку, но бушующее пламя, вырвавшееся из коридора, заставило киммерийца отказаться от намерения проникнуть в дом традиционным способом. Поэтому, выбрав комнату еще не полностью охваченную огнем, Конан открыл окно и, скользнув внутрь, очутился в доме.

...Время, которое он отсутствовал, показалось Ремине вечностью. Вокруг кричали и сутились люди, причитала старуха-хозяйка, но девушка, казалось, не слышала всех этих звуков, тревожно глядя на окно, за которым

исчез киммериец.

Гнетущее отчаяние все глубже вплзало в ее душу. Страшные картины одна за другой всплывали в воображении. Иногда, когда терпеть эти мучения оказывалось выше сил, ей хотелось броситься в полыхающий дом. «Но он велел мне ждать его здесь! Что ж, пока Конан не вернулся, надо как можно меньше привлекать к себе внимание, и делать то же, что и остальные». И она кричала вместе со всеми, выплескивая воду на огонь, и тянулась за следующим ведром, успокаивая себя тем, что даже этой толикой борьбы она оказывает ему помощь.

Когда, наконец, терпение ее полностью истощилось, и девушка уже шагнула вперед, готовая бежать в горящий дом и подвергнуться ужасным мукам, ради одной лишь надежды еще хоть раз увидеть киммерийца, сердце у нее в груди учащенно забилось, а с уст сорвался долгожданный издох облегчения. В объятом пламенем окне, показалась могучая фигура северянина.

Если бы Конан неожиданно появился перед ней, она, наверное, со слезами радости бросилась бы ему на шею, но, как и положено благовоспитанной дочери высокородного зингарского вельможи, Ремина лишь дружески улыбнулась варвару и призывающе помахала рукой.

— Ну, как успехи? — заинтересовано спросила она, подступив к киммерийцу.

Конан пожал плечами.

— Пусто. Я нашел тело, но при нем ничего не оказалось.

— Может, он ее потерял?! — не удержалась баронесса от возгласа разочарования.

— Нет. Нас опередили. Нападавших, помимо Тиврано, было четверо. А на дороге я дрался с тремя. Четвертый исчез. Думаю, это он забрал статуэтку;

Девушка испуганно прижала руки ко рту:

— И что же нам теперь делать?

— Сперва уйдем отсюда подальше. Тут слишком много народа, и непременно появятся люди Шрама, посмотреть — что случилось.

— А потом? — продолжала допытываться Ремина.

— Кажется, тебе настала пора рассказать свою историю...

Черный маг закрыл за собой дверь и повернулся к коротышке.

— Что с тобой случилось, Козим? Куда делась хваленая проницательность?

Яхм-Коах гневно и вопрошающе смотрел на карлика.

Будучи и без того маленького роста, Козим от слов повелителя

съежился еще больше.

— Разве не ясно было с самого начала, что этот Конан — птица иного полета, нежели «волки» Шрама? Таких, как он, обманывать нельзя. Три тысячи золотых за его услуги — сумма более чем скромная. А что касается твоей глупой лжи... Ручаюсь, он тебя раскусил. И теперь, по твоей милости, мы нажили себе опасного врага. И в очень неподходящее время.

— Да кто он такой, этот Конан?! — наигранно возмутился коротышка, предпринимая отчаянную попытку перевести разговор в иное русло.

Яхм-Коах хмыкнул.

— Недавно, как мне сообщили, в одном из соседних государств, пропали серьги одной молоденькой смазливой наложницы.

Козим скрочил брезгливую мину.

— Ну и? — буркнул он. — Что нам за дело до любовных похождений какого-то варвара, пусть даже очень ловкого на руку?

— Вместе с серьгами пропала сама наложница и половина королевской сокровищницы. А столичная стража лишилась трех десятков своих лучших бойцов. Причем, если верить рассказам, остальные уцелели лишь потому, что в это время наливались вином за здоровье сына начальника королевской охраны. Устроил бойню в столице здоровенный варвар, по виду северянин. И поводом к ней послужили неосторожные слова визиря, высказавшегося в том смысле, что варвары ни на что, кроме пьянства, не годны. Тебе описание варвара никого не напоминает? Любопытная подробность: голова визиря украшает сейчас городские ворота, так рассудил владыка того государства.

Козим мелко задрожал.

— Может, стражники па посту тоже лишку глотнули?..

— Проклятый недоумок! — заорал Яхм-Коах. — Врага нельзя недооценивать, если, конечно, не хочешь закончить как тот визирь. И еще одно: исправлять ошибку придется тебе самому, мне Отныне предстоит безвылазно сидеть в замке, а то королевский соглядатай может что-нибудь заподозрить.

— Великий и всемогущий, но как же я совладаю с таким гигантом?! Сами сказали, что ему десяток гвардейцев на один зуб!

— Лиши его силы, — потеряв интерес к разговору, отмахнулся маг.

— Но как? Как я маленький, щедушный человечек сумею справиться с варваром, шутя бросающим вызов владыкам мира!?

— Найди его слабое место — вот и весь ответ на вопрос. Киммерийцы ведь тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо.

Карлик сложил на груди руки и умоляюще поглядел на мага. Яхм-Коах

устало возвел глаза к потолку:

— Он — варвар. Воспользуйся этим.

Козим с непонимающим видом покачал головой.

— Мне следует его подкупить?.. Маг раздраженно оборвал коротышку:

— Ты уже имел такую возможность! Это у нас все подчинено разуму и логике. У варваров все иначе, ему помимо денег нужно осознание правды, справедливости творимых поступков. Заставь его сомневаться. Но ежели возникнет нужда, не скучись на сей раз. Если он окажется на нашей стороне, это будет стоить дороже денег. Все, мне пора.

— А если люди Шрама его все-таки схватят? Когда прибыл Птенчик и привез статуэтку, — Козим кивнул на сверток в руках мага, — Шрам снарядил отряд в двадцать всадников и лично возглавил погоню.

Яхм-Коах состроил презрительную гримасу.

— Я бы, на твоем месте, на это не рассчитывал.

— Но почему ты думаешь, повелитель, что у меня будет возможность заставить его усомниться, даже просто поговорить с ним?..

— Он тебя сам найдет. Ты для него — единственный шанс попасть в замок.

Глава III

Сидя за крепким столом из сосновых досок в уютной комнатушке таверны Понтикуса, Конан с удовольствием уплетал холодное жаркое. Напротив, усталая печальная Ремина уныло ковыряла двузубой вилкой салат. Когда перед ними встал вопрос, где безопаснее будет укрыться, киммериец справедливо рассудил, что в последнюю очередь разбойники станут разыскивать их у себя под носом. Поэтому без колебаний он привел девушку на единственный знакомый ему постоянный двор, проник в дом через черный ход и потребовал у хозяина свободную комнату.

К счастью Понтикуса, таковая нашлась, да и на кухне кое-что осталось. Правда лежанка оказалась одна на двоих, но варвара это ничуть не смущало.

— Я хочу извиниться, Конан... ну, за мясника, — робко сказала Ремина, не поднимая на северянина глаз. — Ты спас мне жизнь, а я вместо благодарности вела себя как изнеженная девчонка!

— Угу, — только и промычал киммериец с набитым ртом, но потом, когда до него дошел смысл фразы, торопливо проглотил кусок, и вопросительно изогнул дугой бровь.

Ремина, решившаяся украдкой взглянуть на варвара, была поражена произошедшей с ним перемене.

— Разве я что-то не так сказала? Я извинилась, потому что была неправа, — поспешила оправдываться девушка.

— Забудем об этом, — примирительно молвил варвар. — Лучше расскажи, что там за статуэтка такая была? Кажется, мне и раньше приходилось о ней слышать.

— Так ты в самом деле ничего не знаешь?

— Сколько раз мне это еще повторять!

— Хорошо, — девушка прикусила губу, решая с чего начать. Наконец, после недолгой паузы, она заговорила:

— Я и сама еще не во всем разобралась. Когда разбойники захватили наш замок, Яхм-Коах — он у них самый главный, все называют его господин, обмолвился как-то, что теперь его от поставленной цели отделяет всего шаг. И первой ступенькой должна стать Зингара.

— Стало быть, замок захвачен? — Конан на мгновенье задумался и задал давно мучивший его вопрос: — Этот Яхм-Коах — он, что, маг?

— Да, — кивнула Ремина, — и маг очень могущественный. Он каким-

то образом, с помощью черных чар, получил власть превращать людей в жутких оборотней. После превращения эти существа теряют собственную волю и слепо подчиняются ему. У него уже собрана целая армия этих тварей. Но процедура превращения слишком сложна, да и не со всеми у него получается. А после моей свадьбы с герцогом Рабирийским, которая намечена на послезавтра, не знаю как, но его могущество возрастет.

— Каким образом? И зачем для этого нужна свадьба?

Девушка глубоко вздохнула, долгим испытующим взглядом посмотрела на Конана, как бы решая для самой себя, достоин ли этот человек узнать ее секрет:

— Хорошо, я расскажу тебе все без утайки, но поклянись, что эта тайна не выйдет дальше этой комнаты.

Варвар счел для себя недостойным говорить какие-либо слова и произносить клятвы, лишь кивком подбодрив Ремину.

— Род Орландо — один из старейших благородных родов Зингары, — с гордостью начала свой рассказ баронесса, но заметив снисходительную ухмылку на лице северянина, сбавила тон. — Это правда, наши предки помогали взойти на трон первому зингарскому королю, объединившему дикие племена, населявшие тогда страну. Так вот, в семье существует предание о моем очень дальнем родиче, Ортесе Сантосе. Он был великим воином, и король, заметив его заслуги, пожаловал ему баронский титул и, решив приблизить к себе, выдал за него свою племянницу Аделу — первую красавицу королевства.

Но брак этот не был удачным. Алела не любила Ортеса, хотя последний буквально боготворил жену. Когда же воинский долг вновь призвал барона встать под знамена короля, Алела, оставшись одна, вступила на путь порока и, осыпав ласками старшего ловчего, предалась с ним любовным утехам в отсутствии супруга.

Вернувшись из далекого похода, верные люди донесли барону о недостойном поведении баронессы Аделы. Ортес впал в бешенство и в приступе гнева приказал казнить обоих, не подозревая, что тем подписывает свой приговор. Потеря любимой тяжелым ношей легла на его плечи, лишила смысла жизни. Он оставил королевскую службу, затворился в стенах замка и, собрав вокруг себя всякий сброд из чародеев, прорицателей и гадалок, занялся черной магией, пытаясь воскресить возлюбленную жену свою. Для этой цели в замке воздвигли святилище, где маги совершали ужасные ритуалы и приносили кровавые жертвы неизвестному божеству.

Кончилось все трагически: вызванные из бездны Силы погубили

Ортеса, его пособников и всех обитателей замка, вырвавшись из их власти. Замок надолго опустел, а окрестности его наводнились ужасом, являвшимся в мирные дома по ночам. Люди в страхе бросали свои жилища и покидали долину.

Вмешательство бродячего чародея Кассия положило конец необузданному разгулу демонов.

Он укротил Силы зла, загнав их обратно в бездну. Нашел ритуальные предметы, с помощью которых adeptы тьмы во главе с Ортесом пытались вернуть к жизни Аделу. Главным из них была чаша, изготовленная древними мастерами Стигии, с виду простая чаша из серой глины, но обладающая чудовищной колдовской мощью. Кассий приказал замуровать вход в ритуальный зал и опечатал дверь магическим замком. Двуглавую статуэтку — ключ от этих дверей, маг вывез за пределы Зингары и спрятал где-то в чужих краях. Тогда же им было произнесено пророчество, согласно которому владеющий ключом человек вновь может вызвать из земных глубин древнее зло, смешав в чаше магический эликсир С королевской кровью Зингары. И на этот раз уже ничто не сможет его остановить.

Много лет назад, когда я еще не родилась, в замок, куда вернулись мои предки, пришел Яхм-Коах. Отец принял его на службу жрецом Митры в замковый храм, поскольку его предшественник трагически погиб за несколько дней до этого. А вскоре маг стал и доверенным лицом в делах барона. Потом появилась я. Прошло долгих восемнадцать лет прежде, чем Яхм-Коах выдал свои истинные намерения. Все эти годы он терпеливо искал вход в проклятое святилище, являясь тайным владельцем магического ключа, и наконец нашел. Теперь замок в его руках, и маг близок к исполнению своей цели, устроив дело с моим браком. Отец томится в подземелье, а я... я лишь слабая женщина, и никто в целом мире не в состоянии мне помочь. Над братом короля нависла страшная угроза, а, возможно, и над всей Зингарой, или даже подлунным миром.

— Многое мне в этой истории не понятно, но одна вещь особенно: почему Кассий не уничтожил чашу? — сразу спросил киммериец.

— Говорят, он перепробовал тысячу магических средств, но ни \ одно из заклинаний ее не разрушило.

Наступило продолжительное молчание, во время которого Конан пытался осмыслить услышанное, а девушка с надеждой вглядывалась в его сосредоточенное лицо.

— А почему не рассказать обо всем герцогу до церемонии? — наконец заговорил северянин.

Глаза юной баронессы стали еще грустнее, и Ремина потупила взор.

— Яхм-Коах поклялся, что в случае разоблачения его козней, он первым делом погубит отца.

— Тогда на что же ты надеялась, задумав побег?

— Тиврано выкрад статуэтку, перед тем как бежать. А без нее маг бессилен. Хотя, что о ней теперь говорить... Пока у него есть надежда поймать меня, до свадьбы он пальцем отца не тронет. Мы же намеревались через верных людей предупредить герцога об опасности.

Девушка внезапно запнулась.

— У меня тоже есть к тебе вопрос. Даже два. Как ты оказался впутанным в эту историю, и потом... ты сказал, что поможешь мне?.. А теперь, когда я все тебе рассказала, желание помочь исчезло, да?

Конан рассмеялся.

— Если бы я выбирал только легкие пути, то давно умер бы с голода. Меня наняли, чтобы я вас нашел и посулили за это три тысячи монет...

Ремина испуганно вздрогнула, и киммериец поспешил поправиться:

— Я обещал найти тебя, и я нашел. О большем речь не заходила.

— И каковы же твои намерения теперь?

Конан задумался.

Интересный вопрос. Имелись: брошенный в темницу барон и торжествующий на его месте маг, захвативший верховную власть в провинции. А также сумма в три тысячи золотом, которую ОН уже вряд ли получит. Зато барон не пожалеет средств, чтобы вернуть утраченное положение. Вот только — в который раз придется нарушить свой собственный обет, не связываться с высшими силами. Конан вздохнул.

— Ладно, считай, мы почти договорились. Девушка не смогла сдержать милой улыбку.

Конан поневоле залюбовался: даже под спудом обрушившегося на нее горя и испытаний громко заявляла о себе бесспорная красота девушки. И тут, дочь барона Орландо гордо выпрямилась. Черты лица снова приобрели холодность и надменность.

— От имени истинного владельца этих земель — барона Сантоса Орландо, я, Ремина Орландо, принимаю предложенную тобой службу...

Вдруг она резко осеклась и просто добавила:

— Ой, извини! В общем, наша семья оказалась в беде, помоги мне, пожалуйста!

Эта до наивности трогательная просьба подействовала на северянина гораздо сильнее, нежели расписанные Реминой ужасы, ожидающие Зингару.

Страяясь скрыть охватившее его смущение, Конан откашлялся, и

направил русло разговора в более приземленном направлении:

— Преимущество, увы, сейчас на стороне мага. У тебя есть какой-нибудь план?

Девушка, вмиг став серьезной, отрицательно покачала головой.

— Я знаю, что нужно делать: проникнуть в замок и завладеть статуэткой, а еще лучше чашей...

Ремина не удержалась от горького смеха.

— Безумие, это решительно невозможно! В одиночку выступить против армии!

— Действительно, нелепая мысль. Правда, я считал, что нас двое, — без тени улыбки ответил Конан.

Девушка слегка смутилась, но в глазах ее застыл невысказанный вопрос.

— Расскажи мне о людях, окружающих мага, о ближайших его помощниках? — попросил киммериец, сменив гнев на милость.

— Я почти никого не знаю, не знаю даже люди ли они еще, — честно призналась баронесса. — Впрочем, одного можно выделить — такой мерзкий карлик, хитрый и жадный, кажется, его имя Козим. Ему маг доверяет самые ответственные поручения...

— Достаточно! — прервал ее Конан, резко поднимаясь из-за стола. — Вот к нему-то мы сейчас и направимся...

* * *

Оставшись в одиночестве, Козим вздохнул свободнее.

— Проклятый... — злобно прошипел карлик и вдруг испугано стал озираться вокруг, — ...варвар! — громко закончил он. Мелко семеня короткими ножками, Козим пересек комнату, подошел к столу и, схватив кувшин вина, с жадностью приник к горлышку. Благородный напиток бодро забулькал, покидая стены глиняного узилица — для того, чтобы угодить в темницу Козимовой утробы.

— М-да, — коротышка отбросил опустевший кувшин и причмокнул губами. О чем-то задумавшись, он несколько мгновений стоял у стола, затем, со вздохом взгромоздился на стул с высокой резной спинкой. Обвел взглядом убогую обстановку, скривился и сплюнул на грязный пол.

Душу его терзали худые предчувствия, и злобный червь подтачивал изнутри, заставляя лихорадочно работать мозг, который уже несколько дней не знал ни отдыха, ни сна. Причиной беспокойства являлось даже не

бегство баронской дочери. Козим был человеком практичным, и мысли не допускал, что Ремине удастся избежать расставленных им сетей, здесь ей и варвар не поможет. Девчонку он поймает и вернет Яхм-Коаху. Тогда случится то, что должно случиться, вот оно-то и не давало ему покоя. Магии любого рода он всегда сторонился и старался не сталкиваться с колдунами на узкой дорожке. На свете хватало простаков, которые служили карлику поставщиками средств к существованию. И надо же ему было попасть в такой переплет! Истину говорят люди: человек два раза глупым живет — молодым и старым.

Козим распечатал второй кувшин, отхлебнул вина и поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее.

Вино растеклось по жилам, согрев теплом смятенную душу, и карлик почувствовал себя лучше. Он вообще долго не мог досадовать на себя — слишком любил и уважал собственную персону. Но честолюбцем Козима назвать было сложно: больше всего на свете он любил золото, и эта порочная страсть была у них обоюдной, казалось, деньги сами липли к его рукам.

Козим заболтал не достающими до пола ногами, ухмыльнулся и надолго припал к кувшину. Потом откинулся на спинку, и устало прикрыл глаза. В затуманенной виннымиарами голове коротышки медленно потекли невеселые воспоминания, но он не стал их прогонять:

...Вот он десятилетний мальчишка тряслся в цирковом возке по аквилонским дорогам. Тогда его несчастного сироту, умирающего от голода на улицах Шамара, из жалости подобрал старый жонглер, мастер Масу. — Козим печально улыбнулся сквозь прикрытые веки. — Да, он смешил людей, кочуя с бродячей актерской труппой, и только тогда, наверное, понастоящему был счастливым. О, карлик многому у них научился! Масу прочил ему большое будущее: «Наберись терпения, мальчик мой, скоро, поверь мне, очень скоро, тебя заметят даже короли, и ты будишь веселить вельмож, при каком-нибудь знатном дворе», — не раз говорил старый мастер. И Козим ждал, ждал, когда придет его звездный час, но вместо этого пришел черный мор в Бельверусе, унесший жизни всех, кого карлик успел полюбить.

Потом судьба не раз с ним шутила, то, поднимая до небес в ореоле богатства и славы, то, сбрасывая в пропасть нищеты. Он был потешным гладиатором в цирке Ианты, ростовщиком в Коринфии и вором во всех странах западной Хайбории. Жизнь научила его не доверять людям, а в искусстве обмана Козим мог поспорить с Луксурским оракулом.

Да, порой ему улыбалась удача.

Не везло лишь в одном: люди, с которыми сводила его судьба, все оказывались мошенниками и негодяями.

Шрам со своими бандитами не составлял исключения, но с ними коротышке было проще. Особенно поначалу. Юркий, пронырливый карлик сумел стать банде необходимым, легко входя в доверие к людям. Жертвами его становились купцы, денежные воротилы и даже мелкая провинциальная знать. «Из всех обманщиков и плутов ты самый хитрый и ловкий во всей Зингаре», — однажды признался ему расчувствовавшийся Шрам.

Но со временем многое изменилось.

Козим никогда не сидел на месте, то, исчезая надолго, то, снова появляясь, он приносил бандитам сведения о путях следования караванов, о численности ратников в мелких поместьях и о богатстве их владельцев. Именно он натолкнулся на Яхм-Коаха, тогда еще просто жреца, предложившего рискованный и дерзкий план захвата замка борона Орландо.

— Ты знаешь Шрама, главу «волков», — жрец не спрашивал, а утверждал. — Он мне нужен. Он и его люди. Я заплачу.

Козим, только что разменявший в таверне последний золотой, от радости чуть не бросился чародею на шею.

— Не осмелюсь лгать вашей премудрости, — ответил он. — Я буду рад услужить вам...

— Тогда передай ему, что чем скорее он со мной встретится, тем выше будет его награда. — Яхм-Коах небрежно кинул на стол увесистый кошелек. — Это тебе за труды. Получишь столько же, если Шрам будет здесь завтра в полдень.

К назенненному сроку, на широкий двор таверны галопом влетели всадники — Шрам и «бешеные», которые тогда еще были людьми, хотя и очень умелыми убийцами, не подозревавшими, что их ждет в скором будущем.

О чем договаривались главарь шайки и жрец ни «бешеные», ни Козим — последний снедаемый любопытством, пытался подслушать их разговор, но маг имел свои способы скрывать тайны от чужих ушей — так и не узнали.

Впрочем, вскоре все выяснилось само собой. С помощью жреца разбойники ворвались в замок Орландо, перебили охрану и захватили барона со всеми его домочадцами. И так маг стал хозяином всей провинции. Правда, оставались еще королевские суды, но судьи стали другими: их сменили люди, угодные Яхм-Коаху. А потом, Козим не мог

вспомнить, когда начались перемены, маг получил безраздельную власть над бандой, заставив свободолюбивых «волков» служить своим черным целям. Коротышка смирился и с этим — какая разница кому служить, лишь бы платили.

Но вскоре ветер в карманах остудил его голову. Шло время, и чем больше оглядывался карлик по сторонам, тем страшнее ему становилось. Слишком силен стал жрец и непомерно возросло влияние его на разбойников, слепо выполняющих волю мага.

Несмотря на все Козима жгло любопытство: для чего Яхм-Коах заварил эту кашу? Нюх карлика, отточенный годами плутовства и мошенничества, говорил, что здесь затевается нечто большее, чем просто борьба за власть.

И вот недавно пронырливый карлик проник в замыслы Яхм-Коаха...

В начале весны маг исчез. Говорили, что он уехал. Зачем — никто не знал. Но куда на самом деле отправился жрец, было известно и Козиму, и Шраму, да и многим «волкам», но они об этом молчали...

Негромкий стук в дверь вывел карлика из полудремотного состояния. Кряхтя, он сполз со стула, подошел к двери и отодвинул засов.

— Привет, — сказал Конан, переступая порог. За ним тенью скользнула Ремина.

— А... э... — выпучив глаза, проблеял Козим. Пока коротышке не пришло в голову посильнее напрячь голосовые связки, киммериец, быстро протянул руку, и нежно двумя пальцами, сжал тонкую шею карлика. Тот дернулся пару раз и сник, преданно глядя на северянина.

Конан широко улыбнулся. В этот момент Козим предпочел бы увидеть перед собой оскаленную волчью пасть.

— Я с добычей, — сообщил киммериец. — Где моя награда?

Из горла Козима вырвался лишь слабый хрип. Конан разжал пальцы. Карлик тут же принялся растирать шею. Варвар терпеливо ждал.

— Награда? — переспросил коротышка.

— Ну да, — с готовностью подтвердил северянин. — Три тысячи золотых, как договаривались.

— Целых три тысячи?! Неужели именно столько я обещал?! Но у меня нет при себе таких денег! — Улыбка Козима была даже шире улыбки киммерийца. — За ними придется ехать в замок.

— Отличная мысль! — обрадовано воскликнул Конан, весело взглянув на Ремину, которая стоя у двери, держала наготове арбалет. — Прямо сейчас и поехали!

— Но ведь ночь за окном, — удивленно промурчал Козим.

Слова варвара его не обманули, да Конан и не стремился усыпить бдительность карлика. Северянин откровенно издевался над ним, и коротышка покрылся холодной испариной, вдруг вспомнив, как это бывает больно, когда тебя бьют. Взглянув в темно-синие глаза северянина, карлик поспешно отвел взгляд. Твердый безжалостный взор киммерийца лучше всяких угроз поведал ему, что одним битьем дело может не ограничиться.

— Право, я уже собирался спать, — заюлил Козим, изо всех сил стараясь скрыть дрожь в голосе, и забывая про дрожь в коленях.

— Я могу дать тебе зелье от сна, — произнес Конан, задумчиво разглядывая свой кулак. — Но боюсь, для тебя оно окажется слишком сильным. А мне еще хочется послушать твой рассказ.

— Не хочу тебя разочаровать, но я слишком маленький человек, чтобы сильные мира сего делились со мной своими секретами.

Правда? А вот госпожа мне говорила иначе. Разве Яхм-Коах не доверяет тебе? — прямо спросил его варвар.

— Он ма! и не доверяет никому, — почти не соврав, ответил Козим.

Во время их разговора Конан ходил по комнате, заглядывая во все углы, будто там мог найти ответы на свои вопросы. Каждый раз, когда он приближался к карлику, сердце коротышки сжималось от ужаса, а когда варвар достал свой меч, Козим от страха зажмурил глаза, готовясь к самому худшему. Прошло несколько мучительно долгих мгновений, но ничего не случилось.

— Ты не оставляешь мне выбора, — с фальшивым сожалением вздохнул Конан и для убедительности взмахнул мечом.

— Нет-нет! Разумеется я все расскажу, только, что же ты хочешь услышать? — заторопился Козим, избегая смотреть на могучие руки киммерийца.

— Например о том, как тебе пришла в голову такая глупая мысль, послать за мной следом своих людей?

— А при чем тут я? — ловко разыграл изумление карлик. — Они сами...

— Ясно. Дальше можешь не продолжать. Ну что ж, осталось пожелать тебе приятных снов...

Взвизгнув, Козим отпрыгнул в сторону, вскинув руки в непроизвольной защите. Конан не тронулся с места, внимательно наблюдая, как тщательно скрываемый страх на сморщенном лице карлика сменяется откровенным ужасом.

От волнения у него пересохло в горле, и он с тоской покосился на кувшин с вином. Киммериец поймал его взгляд, подошел к столу, но,

заглянув в кувшин, сокрушенno покачал головой. Вдруг лицо его прояснилось, и он украдкой подмигнул Ремине.

— Побудь здесь с ним, и не спускай с него глаз, — бросил Конан баронессе, направляясь к двери.

— А ты куда? — заволновалась девушка.

— Пить хочется. Пойду принесу вина. Сегодня что-то слишком душно.

Козим был слишком напуган, чтобы прислушиваться к словам варвара: ночь была лунная и холодная.

Оставшись наедине с баронессой, он стал лихорадочно думать, как ему выпутаться из этого Положения.

— Прошу прощения, госпожа, но как такая умная девушка могла довериться какому-то варвару? Он отведет тебя в замок, отдаст Яхм-Коаху и с чистой совестью возьмет свои деньги, — Понизив голос до шепота, сказал Козим.

— Не смей так о нем говорить! Ты совсем не знаешь Конана! — возмущенно вскрикнула Ремина.

— Зато я знаю варваров, госпожа, ведь мне уже не семнадцать лет, — ловко расставляя свои сети карлик. — Они очень коварные люди, поверь мне.

— Если бы он хотел, то давно бы был на полдороги к замку вместе со мной, — возразила баронесса, но без прежней уверенности в голосе.

— Будет он себя утруждать? Тут ему надо твоя связать, следить неусыпно, а то чего доброго опять убежишь. А так ты по собственной воле идешь, словно глупая овечка, бегущая к жертвеннику. Нет, я просто восхищен этим варварам! Надо же, как ловко он тебя провел! — Карлик весело захихикал, но мгновенно притих, когда в комнату вошел киммериец с тремя кувшинами вина.

Конан распечатал один кувшин и шумно стал пить. Козим облизывался, словно кот, завидевший в небе птичку.

— Нельзя ли и мне глоточек? — умоляюще попросил он.

— Отчего же нельзя, — добродушно откликнулся варвар, передавая кувшин коротышке. Карлик с жадностью опрокинул в себя его содержимое. — Перед смертью все можно!

Козим поперхнулся и закашлялся.

— Ты собираешься его убить?? — с дрожью в голосе спросила Ремина.

— А что делать? — угрюмо бросил киммериец. — Не тащить же его с собой. Он предаст нас при первой возможности.

Ремина ненадолго задумалась, понимая справедливость доводов

киммерийца. Козим, прислушиваясь к их разговору, бессознательно потянулся к следующему кувшину.

— По-моему, это слишком жестоко, — сказала баронесса. — Можно просто связать его и оставить здесь.

— Пожалуй, я бы мог с тобой согласиться, — как бы рассуждая в слух, продолжал Конан, — но он слишком важная птица, и найдут его быстро. Остается одно...

— Не надо! — вдруг завопил Козим. — Меня нельзя убивать!

— Почему? — искренне удивился варвар. Козим шмыгнул носом, утер его рукавом и, вскинув голову, твердо сказал:

— Я — за вас!

— Чего-о? — северянин чуть не упал со смеху.

— Да! Яхм-Коах меня не ценит. Шрам и его громилы издеваются надо мной! Я бы давно ушел, но, увы, это невозможно. Предавший мага неизбежно умрет.

Коротышка и не заметил, как вино ударило ему в голову.

— Должно быть, несладко тебе живется? — подбодрил его Конан, вновь подмигивая баронессе.

— Большие люди всегда испытывают нужду в маленьких — вроде меня — пока дело не сделано. Потом о них забывают, или... — Карлик поморщился. — Нет в мире справедливости! Нет, ничего плохого о господине я сказать не хочу, — Козим как-то воровато огляделся по сторонам, будто опасался, что колдун мог его подслушать. — Но всем, известно, сам о себе не побеспокоишься, после наплачешься, — пробормотал он, поднес кувшин ко рту и с горечью обнаружил, что тот опустел. Вздохнув, Козим подпер голову рукой, примирившись с пустым кувшином, и уставился на огонь нещадно чадящей лампы.

Конан пододвинул ему очередной кувшин; карлик не возражал.

— Замок барона я знаю, как свои пять пальцев.

— Я тоже, — ухмыльнулась Ремина.

— Не перебивай меня, девушка! Так, о чем я? Ага! Конечно, мы вызволим твоего отца, я знаю, где его держат. Возможно, удастся застать врасплох и самого Яхм-Коаха. Не раз я наблюдал за ним, сам оставаясь невидимым. Так я, кстати, и узнал, о проклятии, тяготеющем над родом Орландо.

— Постой, постой! — Ремина опустила арбалет.

— Нет, видно, придется тебе все же шею свернуть, — с сокрушенным видом сказал варвар, но вдруг осекся, и посмотрел на баронессу. — Это уже интересно, — протянул он. — Давай-ка, недомерок, выкладывай!

— О чём? — смешавшись, пролепетал Козим, завороженным взглядом следя за тем, как варвар медленно засучивает рукава.

— Кром! — потерял терпение киммериец. — О жреце, конечно!

— Конан! — протестующе вскрикнула Ремина. — Он говорил о моем отце!

— Неужели ты думаешь, что я и впрямь настолько глуп, что доверю этому пройдохе вести нас в подземелье замка?! Уж лучше самому броситься грудью на меч!

Козим, оскорблённый до глубины души, залез на стул и, все еще, косясь на тяжелые кулаки северянина, многозначительно произнес:

— Кто утверждает, что хоть раз видел наивного варвара, тот лжет.

— Справедливое наблюдение, — откликнулся Конан. — Но тебе лучше воздержаться от них.

Гигантская фигура киммерийца нависла над карликом, как гора. В голосе северянина явственно слышались раскаты грома.

— Понял, — быстро согласился Козим. — Варвары — самые благородные на земле люди и никогда не унижаются до того, чтобы обидеть беспомощного калеку.

Конан глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

— Рассказывай, — потребовал он более миролюбивым тоном.

— Все просто, — пожал плечами Козим. — В библиотеке твоего отца, баронесса, среди множества книг есть одна, в которой очень простым языком умели же древние так писать! — поведана история рода Орландо. В ней рассказывается, как ваш почтенный прападур, будущий отец будущего деда будущего первого барона Орландо по имени... — Козим наморщил лоб. Больно было смотреть, какие муки доставляет ему титаническая работа мысли.

— Тавур, — подсказала Ремина. — Я хорошо знаю историю своей семьи. По книге, о которой ты говоришь, меня в детстве учили читать и писать.

— Да? Тогда я берусь утверждать, что Яхм-Коах оказался более проницательным, чем все Орландо более чем за четыреста лет! — Козим захихикал, но тут же умолк под грозным взглядом киммерийца.

— Что ты хочешь сказать? — зардевшись, спросила Ремина.

— «И поверг Тавур змея, и рассек смердящее чрево, и вырвал сердце его. Но не умер змей от той страшной раны и, подняв голову мерзкую, рек...». У меня отличная память, — заявил Козим. — Прочел раз, запомнил навсегда.

— Зато со счетом явно плоховато. Надеюсь, твоя память не подведет

тебя, когда ты будешь со мной расплачиваться, — не преминул вставить Конан.

— Какие между друзьями могут быть счеты?! — возмутился Козим. — Сейчас мы заодно! Подай-ка мне, пожалуйста, кувшинчик.

— Конан шутит, — оживилась Ремина, выполняя приказ коротышки, с очаровательной улыбкой подмигивая нахмутившемуся варвару.

— Конечно, — подхватил киммериец. — Я просто пошутил. Обожаю такие шутки. Так что же сказала змеюка? Только не завывай, как вдова по любовнику. И давай покороче.

— Змей сказал, что проклинает род Тавура и настанет день, когда он — Змей, то есть — вернется, призванный потомками Тавура, и тогда они — в смысле, наследники — сами станут проклятием всего живого.

Конан наморщил лоб.

— Нет, лучше все-таки по-книжному, — проворчал он. — И правда, древние выражались яснее, чем ты говоришь.

— «Когда кровь двух великих начал падет на сердце мое, восстану я из бездны, сильнее тысячекратно, и, смеясь, взгляну на людей, мнящих себя властелинами мира. И возвеличу я слуг моих, других же низведу до унижения пред ними. Сам же, презрев сей мир, где холод и мрак воцарятся, уйду за звездный окоем».

Повисло недолгое молчание.

— А когда придет этот день? — с беспечным видом спросил киммериец.

— В том-то весь и фокус, что этот день один раз уже был! — торжествуя, сообщил коротышка, от возбуждения подпрыгивая на своем стуле.

— Припомн-ка, госпожа, легенду об Ортесе и Адели.

— Я помню ее, — ответила девушка с серьезным видом, — но признаюсь, до некоторых пор Особого значения ей не придавала. — И вдруг глаза Ремины округлились, а стянутая шнурковой высокая грудь взволновалась. — Постой, ты хочешь сказать, что!.. — вскрикнула юная баронесса, роняя на пол арбалет.

— Именно! — ликуя, подтвердил Козим. — Никому и в голову не приходило связать эти два предания, хотя это так очевидно! Сколько поколений Орландо учились грамоте по этой книге, и им не дано было постичь, скрытое в ней предостережение!

— А ты, стало быть, раз взглянув, тут же разгадал ее тайну? — Лицо северянина исказилось в игривой ухмылке.

— Клянусь именем своей матери, и мне бы ни что не понять тайный

смысл, если бы не закладки, сделанные Яхм-Коахом, на страницах с двумя легендами, — чистосердечно признался карлик.

— Ну и что? — спросил Конан. — Тебе, друг киммериец, простительно хлопать глазами и безмятежно улыбаться, но ты-то,

госпожа, должна меня понимать? — Козим вздохнул и пожал плечами. — Я еще не решил вопрос, для чего жрецу нужна эта свадьба? Старый барон, кажется, думал выдать тебя за совсем другого человека?

— Да, — слегка покраснев, подтвердила Ремина. — Но стремления Яхм-Коаха мне как раз понятны.

Девушка открыла было рот, чтобы рассказать об этом карлику, насторожившему уши, но Конан предостерегающе поднял руку, и баронесса промолчала.

— Вот значит как. Все еще не доверяете мне? — карлик покачал головой и тихо произнес: — «Но смеялся Тавур над словами Змея. И, вложив сердце врага в ларец, воскликнул: „Несите ларец сей в мой дом и спрячьте от глаз людских!“ И вскипало тут сердце змеиное, и рассыпалась стенки ларца, и ужас обуял воинов Тавура».

Козим замолчал, облизал пересохшие губы. Глазами поискал на столе кувшин, но вспомнил, что допил последний до капли, и пришел в уныние.

В затуманенной хмельной голове его вдруг мелькнула ясная мысль, повергшая карлика в ужас: «Отчего это я перед ними соловьем разливаюсь? Я что, действительно собрался идти в замок воевать с Яхм-Коахом? Дружище Козим, да ты просто спятил!»

Но мысль эта не задержалась, и на карлика вновь снизошло благодушное настроение.

— Теперь, когда нам все ясно... — сказал он.

— Н-нет... Не совсем, — остановила его Ремина. — Сердце Змея...

— Заключенное в ларец, — подхватил Козим.—

По это и есть Чаша Ортеса.

— Но Чаша — не ларец, — заметил киммериец, подойдя к баронессе.

— Может, переписчик что-то напутал, — пожал плечами Козим. — А может, и не было никакой чаши. Выдумали всю эту ерунду ваши благородные предки, чтобы мы тут головы себе ломали, а сами смеются над нами с небес.

— Не кощунствуй! — Ремина в порыве гнева сверкнула на коротышку ненавидящим взором, и Конан прижал девушку к своей груди.

— Великодушно прошу простить меня, госпожа, я не хотел бросать тень на честь вашей семьи, но лишь высказал предположение, — Козим склонился в шутовском поклоне. — И так, мы имеем ясную картину, где не

хватает лишь одной существенной детали — в преданиях нет ни слова, ни намека, ни даже подсказки о том, как можно победить этого змея. Один раз его загнал под землю колдун Кассий. Но кто сделает это теперь? Я не силен в магическом искусстве, ты, госпожа моя, тоже, а тебе, мой могучий друг, я даже не стану задавать этот глупый вопрос. Однако чутье мне подсказывает, что разгадка находится где-то рядом.

Коротышка сумел овладеть вниманием своих слушателей и откровенно упивался этой маленькой победой, с напыщенным глубокомысленным видом меря шагами комнату. Козим так увлекся, что вдруг искренне поверил в то, что сейчас сказал.

— Не ты ли нам говорил, что Тавур сразил его обыкновенным мечом? — напомнил ему киммериец.

— Тогда змей был еще просто змеем, а не магическим существом, — возразил Козим. — А что там о Ренальде? — вдруг спросил он. — Как я понимаю, герцог должен стать тем жертвенным бараном, в жилах которого течет королевская кровь?

Конан и Ремина молча переглянулись: «А голова у коротышки на месте», — сказали друг другу их глаза.

— Постой-ка! — оживился карлик. — Но разве герцога не охраняют маги?! Клянусь своей бородой, это должны быть очень сильные чародеи. Они и близко не подпустят к нему Яхм-Коаха, задумай тот какую-нибудь пакость. Вот и решение всех проблем: все сделают королевские маги, а вам лучше спрятаться и отсидеться где-нибудь в тихом месте, пока все не закончится...

— Козим, — нетерпеливо перебил коротышку Конан, — у тебя нет бороды.

— Примем здесь борода? — уставился на северянина карлик, не понимая, чего этот тупоголовый варвар лезет к нему с какой-то дурацкой бородой.

— Ты только что клялся своей бородой, — терпеливо пояснил северянин. — Но довольно, я устал от твоей болтовни. — Повернувшись к Ремине, варвар продолжил свою мысль, но уже обращаясь исключительно к девушке: — Любым путем мы должны попасть в замок. И не забывай, госпожа: не будет свадьбы, не будет ничего. А теперь нам надо решить, что делать с ним?

Мгновением назад витавший где-то в облаках коротышка, под хмурым взглядом северянина был низринут на землю. Хмель мигом выветрился из его головы. В ожидании своей участи, Кошм глубоко втянул голову в плечи и стал похож на нахолившегося обиженного воробья.

— Пожалуйста, не надо его убивать, — попросила киммерийца Ремина.

— А я и не собирался. Пошли, Козим! — со смехом воскликнул северянин. — Ночные прогулки — лучшее средство от бессонницы и похмелья.

— Если вы непременно решили идти, то, пожалуйста, без меня. Я маленький человек...

— Маленькие люди тоже хотят жить, верно? — прищурившись, спросил Конан.

Козим застонал, но его стенания не произвели на варвара впечатления. Подталкиваемый ручищей Конана, карлик покорно поплелся к двери.

* * *

Таверна скрылась за поворотом кривой улочки Козим тяжело вздохнул. Прощайте вино, сытный ужин и теплый ночлег. Спору нет: вино у Понтикуса кислое, еда всегда подгоревшая, а жесткий тюфяк с клопами, но все же это лучше, чем куда-то идти посреди ночи в компании щедрого на затрецины варвара и взбалмошной баронессы, идти — на встречу с верной смертью.

Железная рука киммерийца грубо схватила его за шиворот, выводя из задумчивости.

Впереди замаячил свет факелов.

— Ты не рассказывал мне, как собираешься выбраться из Овражка. Наверняка у тебя есть какой-нибудь хитрый план? — шепотом спросил Козим, с опаской поглядывая на перегородивший дорогу разбойничий кордон.

— Помалкивай, — огрызнулся варвар, внимательно озираясь по сторонам. — План у меня замечательный.

— А можно спросить — какой? — поинтересовался любопытный карлик.

— Можно.

Козим замолчал, надеясь услышать более подробный ответ, но тщетно.

Все это время заговорщики продолжали идти прямо на огонь. Расстояние между разбойниками и Конаном, быстро шагающим впереди, быстро уменьшалось с каждым тревожным ударом сердца карлика.

Коротышке стало жалко себя. Когда их поймают, магу может оказаться и недосуг выслушивать его слезливые оправдания, а превращаться в

лягушку из-за крохотного недоразумения Козим не хотел по многим соображениям.

— Конан, может, сдадимся, а? Маг, он, знаешь ли, добрый, денег нам с тобой даст, если девчонку к нему приведем, — попробовал умаслить северянина коротышка.

К немалому его удивлению, на киммерийца такой железный аргумент не произвел никакого эффекта. Ремина зашипела, как кошка, и больно ущипнула карлика за ухо. Козим вскрикнул и бросился искать спасения за широкой спиной северянина. Костер, вокруг которого столпилось несколько разбойников, был уже совсем рядом.

— Будьте готовы, сейчас начнется, — недовольно буркнул киммериец, не сбавляя шага.

«Это не я!» — хотел сказать Козим, но едва открыл рот, как сообразил, о чем толкует Конан, и что именно сейчас начнется.

— Прячься, госпожа моя! — вылетело запоздалое предупреждение из его уст.

Девушка презрительно посмотрела на коротышку, и крепче сжала в руках арбалет. Конан уверенной поступью шел прямо на разбойников, и девушка поняла, что схватки не миновать.

Поймав за руку отступающего в темноту Козима, она потащила его к ближайшему дому, толкнула в какую-то нишу, приставив арбалет к горлу.

— Трус! — бросила она в лицо коротышке. — Споим визгом ты всех нас погубишь. Держись рилом со мною. А если я увижу, что ты вновь пытаешься улизнуть, клянусь, не пожалею твою шкуру.

— Может, все-таки, сдадимся? — предпринял Козим еще одну робкую попытку. — Твоя поимка для мага — вопрос времени. Зато, добровольно явившись в замок, ты спасешь жизнь этого глупого варвара.

Ремина кивнула в сторону киммерийца.

— Не смей называть его глупым! Его мозгов хватит на дюжину королевских советников, а благородства и чести побольше, чем у зингарской знати! К тому же, он умеет за себя постоять.

В подтверждение ее слов, Конан, словно нож в масло, врезался в толпу разбойников. Воздух наполнился звоном стали и криками людей Меч варвара с жадным Чавкающим звуком рвал человеческую плоть. В дорожную грязь летели отрубленные руки, ноги и головы.

Ремина и Козим словно завороженные следили за северянином, исполняющим какую-тодишнюю пляску в плотном кольце врагов. Он так искусно управлялся со своим огромным мечом, что больше был похож на художника, расписывавшего фресками стены храма.

Последний враг упал, рассеченный почти пополам, и Конан резко остановился, весь черный от залившей его крови.

Когда карлик и девушка осторожно подошли к варвару, он что-то недовольно мычал себе под нос.

Ремина с ужасом посмотрела на последствия этой кровавой бойни, и ей стало не по себе, но когда она перевела взгляд на Конана, то не смогла удержаться от печальной улыбки. Всем своим видом киммериец напоминал обиженного ребенка, которого сверстники не принимают в свою игру. Девушка с нежностью коснулась его руки.

— Клянусь, что Митра никогда не распахнет небесные врата перед этими псами! Ни одного достойного мужчины! — в сердцах выругался северянин.

— Зато дорога теперь свободна, — захихикал Козим. — Но не расстраивайся, возле ворот замка есть еще стража. Я оценил твой план, киммериец, и нахожу его блестящим.

Копан немного приободрился, зато приуныл карлик. План Конана вдруг стал ему понятен до мелочей. Посмотрев на чудовищных размеров меч, который, словно хворостину сжимал в руке варвар, он с тоской про себя подумал: «Демон, истинный демон! И зачем ты только спустился со своих диких гор?!»

Пытаясь отвлечься, Козим взялся считать пощаженных киммерийцем врагов. Если сложить, то, что от них осталось, получалось не меньше Пяти человек. Карлик нахмурился: из придорожной канавы на него печально смотрели чьи-то мертвые остекленевшие глаза. «Значит шесть», — тяжело вздохнул коротышка и обернулся к Конану. Варвар уже спешил идти дальше.

— Поторапливайся, чего рот раскрыл! — крикнул он на ходу, и карлик послушно поплелся следом.

Козим поморщился: «С какими грубыми людьми меня сталкивает судьба». Но Белух, памятуя о кулаках киммерийца, величиной с наковалню, и готовности варвара не задумываясь пускать их в ход, ничего не сказал.

До городских ворот беглецы добрались без приключений. Старый привратник крепко спал в своей будке.

— Странно, — на ходу поделился своими мыслями киммериец, — это похоже на мышеловку: со всех сторон клетка, но с одной оставлен проход с приманкой. Что ты об этом думаешь?

— Под приманкой ты понимаешь замок, с разбойниками и Яхм-Коахом? Дорога больше никуда не ведет.

Конан хмыкнул и ничего не ответил.

Отсюда их явно никто не ждал, даже магу со всей его предусмотрительностью не пришла в голову мысль, что варвар может попытаться уйти через северные ворота. В горы шла единственная дорога, и вела она прямо в замок Орландо. Вокруг выселись неприступные скалы, а за ними Рабирийский хребет, где в это время года перевалы еще дремлют под тяжелыми шапками снега и льда.

Сперва дорога бежала через поля и сады, но вскоре стала круто подниматься в гору и возделанные участки земли отступили, перед дикой мощью голого камня и непролазных лесов. Лунный лик, по временам воровато выглядывающий из-за туч, отражался в широких лужах, разлившихся на дороге. Под башмаками чавкала грязь. Козим устал, его короткие ножки едва поспевали за своими быстроногими спутниками. Но варвар упорно шагал вперед, и карлик боялся заговорить с ним о привале. Однако вскоре силы стали покидать коротышку: он часто останавливался, жадно глотая воздух открытым ртом, чем вызывал неудовольствие на лицах варвара и Ремины. «Попробую зайти издалека, — решил Козим — Заговорю зубы киммерийцу, а там и передохнуть попрошу».

— Конан, ты же бывал в дальних странах, да и повидал, наверно, немало. Рассказал бы чего-нибудь, смотришь, шагалось бы веселей.

— Побереги лучше силы и не растрчивай их на слова, — бросил северянин через плечо.

Козим хотел что-то добавить, но не успел.

Киммериец остановился, и следовавший за ним карлик уткнулся носом в штанину варвара. Конан поднял руку, призывая к тишине, и показал вперед. Дорога вскарабкалась на вершину Горы, разрезанного пополам узкой расщелиной, настороженной точно капкан. Вход и выход из этого каньона охраняли человек десять разбойников. Для надежности дорогу перегородили здоровенным бревном, водрузив его на две колоды.

Другого пути не было, отвесные кручки нависали здесь прямо над головой, словно стены исполинской башни, упирающейся в звездное небо. Северянин спиной чувствовал их ледяное дыхание. Численность врага не смущила варвара.

Вдоль всего каменного прохода ярко горели костры, а за спинами некоторых головорезов киммериец заметил луки. Конан поморщился — их нашпигуют стрелами до того, как они вступят в бой. Требовалось срочно что-то придумать.

— Привал. У кого есть идеи? — скрестив по-турански ноги, варвар устроился прямо на обочине под высоким густым кустарником. Козим

долго разглядывал узкую каменную кишку, потом решительно замотал головой:

— Я туда не пойду! Конан, а может, сдадимся? Прислушайся к голосу разума.

— С тобой все ясно. Сейчас я этому «голосу разума» вырву язык! Ремина?

Девушка передернула плечиками и беспомощно посмотрела на киммерийца. Конан поймал ее взгляд, вздохнул, и ободряюще подмигнул в ответ. Он снова перевел взгляд на Козима и чему-то ухмыльнулся. Карлику ухмылка, совсем не понравилась и, предчувствуя нечто недоброе, он заворчал:

— Что ты задумал, кровожадный варвар? Я заранее — против!

Конан с сожалением вздохнул и положил ладонь на рукоятку меча. Коротышка мигом отполз на несколько шагов и заскулил оттуда уже более гговорчивым тоном:

— Разумеется, я против неправильных предложений. Но твои, наперед это знаю, к таковым, естественно, не относятся. Говори, чего ты от меня хочешь.

Конан понимающее покивал головой, легко поднялся на ноги, и пересел поближе к Козиму. Он склонился над ухом карлика и что-то быстро ему зашептал.

Когда до коротышки дошел смысл сказанного, он чуть не подскочил от возмущения.

— Это просто другой способ меня убить! Конан, если тебе меня не жалко, ради светлых богов, пожалей хотя бы ее. Она же верит каждому твоему слову. Простота человеческая! Короче говоря, я не собираюсь идти на верную смерть.

Если желаешь, можешь снести мне голову прямо здесь.

Северянин без колебаний потянул меч из ножен. Козим протестующе замахал руками, мысленно проклиная варвара, понимающего все так буквально.

— Постой, постой. Я подумал, что, возможно, твой план все-таки может сработать.

Жалобно кряхтя, карлик с трудом поднялся. Конан одобрительно кивнул, будто и не сомневался, что Козим справится с порученным делом, а сам обернулся к девушке, намериваясь и ей рассказать о своем замысле.

* * *

Кривой Коготь, поставленный во главе отряда, что охранял проход в горах, прикрикнул на дремлющего разбойника:

— Не спать. Шрам сказал, что этот варвар хитрее сотни гиен. А уж сильнее — точно. Нужно убить его раньше, чем он окажется среди нас.

— Э, тут ты явно преувеличиваешь. Чтобы какой-то шакал посмел грозить «волку»?! Шрам, наверное, пошутил, а ты воспринял слова всерьез.

Кривой Коготь потряс кулаком.

— Ты можешь себе представляешь шакала, который глотку Степняку перегрыз?

— Как это?! — раздались выкрики со всех сторон. — Степняк что же, мертв?

Коготь утвердительно кивнул в ответ.

— Да, благодаря собственной глупости. Не следует недооценивать противника. Кто-нибудь из вас хочет последовать за Степняком в места, что находятся за облаками?

Разбойники потушили глаза.

— Нет? Я так и думал. Тогда слушайте: первое, не спускать глаз с дороги — варвар может явиться в любой момент. Второе, как только заметите что-нибудь подозрительное, не пытайтесь геройствовать, поднимайте тревогу и зовите меня.

Вожак разбойников подождал немного, и, убедившись, что приказ его понят и принят к исполнению, направился проверять сторожей на выходе из ущелья. Его не напрасно выдвинули на должность десятника, будучи аккуратным и исполнительным, он считал, что в любом деле, в том числе и лихом, никаких мелочей не бывает. Именно такой подход, по его мнению, являлся залогом успеха. Налеты и засады, осуществляемые под его началом, всегда заканчивались благополучно, и разбойники с радостью подчинялись его приказам. Он нашел старшего среди лучников и спросил:

— Филин, все твои люди на местах?

— Ждут не дождутся, когда варвар появится.

— Хорошо, но, все равно, проверяй их время от времени.

Коготь пошел вдоль костров. Бревно, что покоилось на деревянных колодах, загораживая проезд, было насквозь изъедено жучком. Разбойнику это не понравилось.

— Почему бревно раньше не заменили? Один удар — и от него только щепки останутся. Свист!

— Да, командир, — из темноты с готовностью вынырнул здоровенный громила.

— Немедля найди замену этой трухе. Возьми Щеголя себе в помощь.

И в этот момент подал голос кто-то из лучников:

— Коготь, там, на дороге появился кто-то, кажется, сюда идет.

— Варвар? — разбойник с лязгом вырвал меч из ножен

— Непохоже. Скорее, ребенок.

— Откуда посреди ночи здесь может взяться ребенок? Смотри лучше!

Не выдержав, Коготь сам подошел к изгороди. По дороге и в самом деле двигалась маленькая фигурка. А за ней, еще две, бредущие точно во сне, с опущенными на грудь головами.

— Лучники! — срывающимся голосом рявкнул главарь.

— Эй! Эй! — закричал маленький человечек, шагающий впереди этой странной процессии, призывно размахивая руками. — Не стреляйте, это я, Козим!

— Точно Козим! — радостно воскликнул луч-пик. — Козим, как это ты решился выйти в такую темень?

Среди разбойников послышались смешки.

— Может, ты тоже хочешь стать воином?! Покажи нам свой меч! Где ты прячешь его, в штанах?

Теперь уже смешки перешли в хохот. Козим, не отвечая на насмешки, вступил в круг света, отбрасываемого костром, и дернул рукой.

— А ну, шевелитесь, сонные мухи! — раздался в воцарившейся тишине его резкий голосок. — Вперед!

Тотчас из темноты выступили две фигуры. Разбойники от удивления раскрыли рты. Одна принадлежала баронской дочери, а вторая — тому самому варвару, о котором в последнее время шло столько разговоров. Но больше всего их поразило не это, а ремень, петлей охватывающий шеи беглецов, конец которого карлик крепко держал в руках.

— Козим, что все это значит?! — сурово спросил Кривой Коготь, выдвигаясь на первый план.

Коротышка сложил на груди руки и с важным видом произнес:

— Господин маг изволил наложить чары на этих преступников и отправить со мною в замок. Не сомневайтесь, можете пощипать девчонку или дать пинка здоровенному варвару. Они не укусят, — с уверенным видом предложил Козим, не замечая испепеляющих взглядов Ремины и Конана.

Разбойники вылезли из своих укрытий, поглязеть на такое чудо. Кто-то нервно хихикнул. По ватаге головорезов пробежал подозрительный ропот, но вслух протестовать никто не решился.

Вокруг мага давно сложился ореол всемогущества, мало ли что

пришло ему в голову на этот раз. Весело скаля зубы, разбойники молча смотрели, как Конан и его спутница, словно лошади в поводу, покорно подошли к заграждению.

Один из громил протянул было руку, намереваясь цапнуть Ремину пониже спины. Но его сосед вовремя остановил приятеля.

— Ты что, хочешь, чтобы маг превратил тебя в червяка? Хоть волос упадет с девчонки, и всем нам несдобровать. Лучше выколи глаз северянину.

— Ну уж нет! — попятился разбойник, напуганный зловещим посулом соседа. — Пусть жрец сам разбирается с ними.

Заподозрил неладное один лишь Коготь.

— Козим, а почему вы идете пешком, неужто господин маг не дал вам лошадей? И почему у пленников не забрали оружие?

Тут разом все загомонили и угрожающе придвигнулись ближе. Руки потянулись к мечам. У карлика затравленно забегали глазки, но он быстро нашелся с ответом:

— А ты что думал, Коготь, я его буду нести?! Пусть варвар сам тащит свою игрушку, у него плечи шире. Что же касается лошадей, так в городе нам они, вроде, и ни к чему были, а потом маг ваших велел забрать. Хотите, представление покажу, вот, смотрите! Эй ты, верзила, убери-ка это бревно, а то мне ноги не хватит! — приказал коротышка, хотя мог пройти под бревном, не задев его даже макушкой.

Последняя фраза относилась к киммерийцу. Конан старался, как мог, изображая пустые глаза и поступь каменного истукана. Он молился богам, чтобы у Ремины тоже все получилось. Девушка и в самом деле держалась молодцом, и лишь однажды не выдержала, и тихонько ойкнула, когда командир разбойников спросил карлика о лошадях. Услышал ли кто этот вскрик, северянин не знал, но сейчас пришла его очередь играть свою роль.

Походкой подгулявшего дровосека Конан приблизился к гигантскому бревну, которое разбойники тащили сюда вшестером, и ухватился ручищами поперек ствола. Мышцы вздулись буграми на голой груди северянина, на руках простирали натянувшиеся струны жил. Коготь ошибся, дерево хоть и трухлявое, как губка напиталось водой, и было тяжелее живых собратьев. Зрители затаили дыхание, удивляясь силище варвара. И вот, на глазах у изумленных разбойников исполнинское бревно нехотя приподнялось на ладонь. Конан сделал с ним шаг, перехватил ствол поудобнее и медленно понес к обочине. Зрители взорвались громкими криками, приветствуя победу киммерийца. Но больше всего восхищенных возгласов досталось на долю довольного коротышки.

— Сколько вам нужно лошадей? — обратился к Козиму Коготь, тоже находясь под впечатлением от увиденного.

— Мне одна, — хвастливо ответил карлик. — А эти пусть пешком идут, будут знать, как от нас бегать.

Ответ коротышки вызвал новый шквал одобрительных криков.

— Свист! — громко позвал вожак. — Отдай ему своего серого.

— Но, командир!.. — запротестовал гигант.

— Отдай, возьмешь себе другого.

Через некоторое время Свист подвел к Козиму старого смирного мерина, помог карлику забраться в седло.

— Может охрану с тобой отрядить? — с сомнением спросил главарь, провожая пленников до дальних костров.

— Да ни к чему. Они такими смирными будут, пока маг заклятия с них не снимет, — на ходу сочинял коротышка. — До встречи, Коготь. Ну, пошел!.. — нарочито громко крикнул Козим, чтобы слышали его все. — Да нет же, коняжка, это я не тебе, а варвару!

За спиной беглецов разбойники дружно заряжали. Но коротышка даже не оглянулся, торопясь уйти от заставы как можно дальше.

Когда разбойничьи костры скрылись за вершиной горы, Конан с огромным удовольствие сбросил с шеи ремень, и помог снять петлю баронессе.

Притихший Козим уткнулся носом в конскую гриву, и боялся взглянуть в сторону северянина, пока тот сам к нему не подошел.

Несколько мгновений варвар пристально приглядывался к коротышке, и маленький человечек тысячу раз успел за это время проститься с жизнью...

Но тут Конан широко улыбнулся и хлопнул карлика по плечу.

— Хорошая игра, — похвалил киммериец, и с трудом верящий в собственное спасенье Козим, робко улыбнулся в ответ.

— А я бы все-таки проучила этого наглеца! — с обидой бросила Ремина.

— Ты тоже, госпожа моя, вела себя достойно, — примирительно молвил северянин. — Давай-ка, я помогу тебе подняться в седло. А ты подвинься!

— Что?! — взвился коротышка. Такого оскорбления он стерпеть не мог. — Чтобы я, мужчина, ехал позади женщины?!

— Невелик мужчина, — повысил голос Конан. — Впрочем, если желаешь, можешь бежать следом.

* * *

Коготь понял свою ошибку, когда беглецов уже след простили, и подтолкнул его к этому Свист, рассуждавший сам с собой вслух:

— Хозяин в замке, а Козим по его приказу серого моего увел... Колдовство!

— Стой! — не своим голосом завопил вожак. — Коней седлать! Задержите карлика, он надул нас!

«Как же я мог забыть, что еще днем маг проехал по дороге в замок! Все этот проклятый коротышка! Ловко он дыму в глаза напустил, а я, дурак, и уши развесил. Ну, погоди! Далеко вы на мериине не уйдете!»

Разбойники со всех ног бросились выполнять приказ, и уже через несколько мгновений лихая погоня галопом неслась по дороге, разбрызгивая лужи копытами лошадей. Вперед вырвался отряд из пяти человек, оставив далеко позади своего командира, раздираемого яростью и досадой.

Конан первым почувствовал близость погони. Он намеренно отстал, хлопнув серого жеребца по крупу, чтобы тому бежалось веселей, и, оставшись один, приник ухом к земле.

«Человек пять, не больше», — с облегчением подумал он.

Варвар встал посреди дороги, не торопясь, достал меч и ласково, словно любимого пса, погладил его рукой.

Когда перед северянином оказался первый разбойник, Конан заорал так, что от его крика, казалось, рассыплются вот-вот горы. Конь, вихрем вылетев из-за поворота и неожиданно столкнувшись с человеком, ревущим как раненый бык, поднялся на дыбы, сбросив со спины седока. Прежде, чем разбойник пришел в себя и смог подняться, меч киммерийца опустился на его голову.

И только тут появились остальные преследователи. Конан отвел для удара меч, и бросился на бандитов. Разбойники растеряно взирали на случившееся у них на глазах чудо освобождения варвара от магических чар. Им толком ничего не объяснили, просто приказали догнать беглецов.

А северянин зря времени не терял. Он разрушительным штурмом ворвался в их ряды, и меч его завертелся с быстротой гончарного круга. Одним неуловимым движением варвар сразил сразу двух негодяев. Оставшиеся в живых пытались кривыми саблями с разных сторон достать киммерийца. Но кони не слушались седоков, кусали и грызли друг друга. За несколько ударов сердца схватка для разбойников превратилась в

бесславный конец. Один бандит, нещадно нахлестывая лошадь, бежал с поля битвы, бросив оружие. Его менее удачливый приятель, запутавшись ногой в стременах, безжизненно волочился за своим скакуном.

Конан спрятал меч, поймал пару лошадей и, не касаясь стремени вспрыгнув в седло, рысью направился догонять своих спутников.

* * *

Яхм-Коах от ярости сжимал и разжимал кулаки.

— Как это, покинули город? А кто меня уверял, что в Овражке они надежно заперты?! Болваны! Ни на кого нельзя положиться. Проклятье!

Маг дунул на пламя факела, и уродливая физиономия Шрама тут же исчезла.

Чародей откинулся на спинку кресла и сосредоточился на мышцах лица, постепенно напрягая их. Когда напряжение достигло предела, он резко расслабился. Потом, подобным же образом расслабил мышцы шеи. Покончив с этими упражнениями, маг подошел к треножнику и благовонийно снял с него статуэтку Зверя.

Установив ее перед собой, Яхм-Коах закрыл глаза, и задумался. С одной стороны, использовать сейчас магию, было весьма рискованно. С другой — если девчонка встретится с людьми герцога, риск окажется непомерно выше. Нет, этого допустить нельзя. Нужно во что бы то ни стало перехватить беглецов по дороге.

Шрам, там, в Овражке, наверняка догадался снарядить погоню. Но поиски могут затянуться, а времени почти не осталось. Маг нахмурился. А что, если Шраму помочь? В замке находится до полусотни разбойников, прошедших ритуал посвящения. Что если оборотнейбросить навстречу? Беглецы окажутся в мышеловке... Лицо Яхм-Коаха прояснилось.

Да, пожалуй, это — идея! Оставить десяток головорезов в замке, на всякий случай, присмотреть за посланцем герцога, а остальных спустить с цепи. Жаль, не смогу участвовать в этой охоте. Приняв решение, черный маг целиком сосредоточился на статуэтке.

* * *

Кривой Коготь никогда не чувствовал себя таким униженным. Провели как мальчишку!.. И кто?! Коротышка-Козим и какой-то варвар! Позор! И

словно мало этого, северянин играючи прикончил его лучших людей, лошадей увел и выставил его на посмешище остальным.

Кривой Коготь с остальными примчался к месту битвы, когда луна уже закатилась на макушку неба. Голова раскалывалась от бешеной скачки, точно три дня не вылезал из таверны. Оглядевшись, он увидел «бешеных», снуящих среди трупов его людей. Вскоре к ним присоединились и другие разбойники под командованием Шрама. Коготь с усилием спрыгнул с землю, вытер пот по лицу, тонкими струйками стекавший по вискам, и на подгибающихся ногах подошел к Шраму.

Главарь шайки, не слезая с коня, презрительно смотрел на десятника, сквозь тонкий прищур глаз.

— Убей меня, только так я смогу искупить позор! — непослушный язык приставал к горлани, и слова эти Когтю дались с трудом.

Шрам зло ощерился:

— Если я буду убивать всех, кого провел киммериец, мне придется вырезать половину «волков». Другую — за меня уже уложил этот варвар. Подотри сопли и возьми себя в руки, ты сегодня не первый. Я всю ночь иду по трупам наших людей. И Конан мне ответит за это.

Кривой Коготь закусил губу и, сжав до боли кулаки, процедил:

— Дай мне возможность отомстить. Отправь за ними в погоню.

— Вот это другое дело. Теперь я слышу слова мужчины. Ты отправишься не один. Возьми с собой десять, нет, двадцать клинков.

Коготь зловеще улыбнулся, даже Шраму стало жутко от этой улыбки.

— Клянусь, что или принесу голову варвара, или сложу свою.

Разбойники, толпившиеся рядом, притихли. Много лет зная одного из своих вожаков, они хорошо представляли цену произнесенной клятвы и не сомневались, что оно так и будет.

Глава IV

Ни за что! Я туда не полезу! — категорически заявил карлик.

— А тебя никто и не просит. Козим с недоумением посмотрел на варвара. Первый раз за все время, что он знал киммерийца, Конан легко отступался от задуманного.

Началось с того, что одна из лошадей, которая несла на себе коротышку сдохла. Никто не гнал мерина вскачь, да он и не был на это способен. Просто пришел его срок, и старый жеребец откинулся, умчавшись со златогривым богом всех лошадей по звездному пути. Конан с Реминой вернулись и помогли коротышке выбраться из-под несчастного животного.

— Что теперь будем делать? — спросила девушка, втайне надеясь, что ей не придется больше ехать с Козимом, всю дорогу ныvшим за ее спиной.

Конан в задумчивости поглядел на полную луну и ответил вопросом:

— А далеко еще до замка?

— Боюсь, и до утра не доберемся. Козим решился вставить свое слово:

— А может, сдадимся?

На его реплику внимания не обратили. Карлик счел это за добрый знак: раньше такое ему бы с рук не сошло.

— А что за этими холмами, справа от дороги? — присматривался Конан к невысокой; скалистой гряде.

— За грядой ущелье, по которому течет река, а дальше — горы.

— А дорога ведет только в замок? — продолжал расспрашивать киммериец.

Горестно вздохнув, Ремина ответила:

— Да, домой. За этим отрогом дорога свернет в ущелье. Там единственный мост через реку. А потом вдоль реки до замка.

Конан походил, разминая затекшие ноги, еще раз оглядел окрестности и сказал:

— Придется вам опять делить одну лошадь. Козим решил, что молчание ему на пользу не идет, и поэтому решился заговорить:

— Конан, ты любишь золото? У Яхм-Коаха его много и я кое-что от себя прибавлю. Давай не будем играть со смертью.

Киммериец, не дослушав карлика, отвернулся.

— Скажи мне, что ценят варвары?! — взорвался Козим.

— Верность, — коротко бросил северянин, садясь в седло.

— А жизнь! Жизнь они ценят?!

— Разве это жизнь без чести, без друзей, без любви? — ответил варвар.

Карлик от возмущения побагровел и молча вскарабкался на лошадь Ремины.

Вскоре беглецы оказались возле гряды. Козим то и дело бросал боязливые взгляды через плечо. Ему уже казалось, что он различает звуки погони, и сердце карлика сжималось до размеров наперстка.

Следуя серпантином дороги, всадники повернули за скалу, и оказалась перед глубокой пропастью, по дну которой, поблескивая в скромном лунном свете, извивалась река.

Ремина подъехала к краю обрыва и осторожно посмотрела вниз. Голова у нее закружилась. Дорога круто сбегала с горы, и только очень искусный наездник мог справиться с лошадью на этакой кручке. Конан, не тряся лишних слов, направил коня прямо вниз. Юная баронесса и Козим, выглядывающий из-за плеча девушки, с опаской следили за тем, как киммериец преодолевает горный склон. Конан повернулся на ходу и помахал им рукой.

— Пусть веселится, пока боги благоволят ему, — с завистью покачал головой коротышка. — Но когда-нибудь он точно свернет себе шею. Надеюсь, госпожа, мы поступим разумнее и поведем коня в поводу.

Ремина ничего не ответила. Она смотрела на северянина, отважно спускающегося по косогору. В глазах девушки вспыхнул азартный огонек.

— О, я вижу безумный блеск в твоих глазах! — возопил Козим. — Позволь мне спуститься на землю.

— Сиди смирно. Я сто раз ездила этой дорогой. Только держись крепче!

И не успел коротышка возразить, как девушка бросила коня в пропасть. Челюсти карлика жалобно клацнули. Конь с бешеною скоростью несся вниз, только камни летели из-под копыт. Козим намертво вцепился за талию баронессы, для которой головокружительная скачка по крутым откосам была простым развлечением. Карлика нещадно тряслось и бросало на крупе лошади, он прикусил себе язык, и горячо молил богов, чтобы они, по окончании всех злоключений, позволили ему принести жертвы во всех храмах Кордавы.

Бешеная скачка внезапно закончилась, и Ремина шагом направила коня к улыбающемуся киммерийцу.

— Должен признать, что впервые вижу столь замечательную наездницу, — похвалил ее варвар, и девушка залилась легким румянцем.

— Эй, Козим! Отпусти же меня, наконец! Мне больно! Да как ты смеешь прикасаться ко мне! — пыталась вырваться из цепких рук карлика баронессы.

Прежде, чем ответить, Козим сплюнул на землю кровь от прокусенного языка.

— Не могу, госпожа моя, — виновато признался коротышка. — Мои руки больше не повинуются мне.

Конан пришел Козиму на помощь и легко оторвал его от баронессы.

— Ну что, едем дальше? — спросил он.

— Да, дорога впереди еще долгая, — согласилась Ремина.

— Далее двинемся по руслу реки. Раз оно Ведет к замку, это как раз то, что нам нужно.

Козим наклонился и попробовал пальцем воду.

— Ледяная, — сообщил он, глядя на Ремину, — самое время сдаваться.

Девушка наморщила лоб.

— А почему не поехать по дороге, как все нормальные люди?

Киммериец лишь покачал головой и терпеливо разъяснил:

— По нашим следам уже идет погоня. Они прочешут дорогу и примутся за окрестности, в первую очередь за каменную гряду, потому, что там легче спрятаться. Рано или поздно они догадаются пустить за нами обратной. Если мы останемся на дороге, те почуют наш след, и нам придется сражаться.

— Внизу — холодная вода, наверху — погоня, сдаваться надо — дело ясное.

— Замолчи, Козим. Раз все обстоит так, как ты сказал, Конан, то пошли дальше по реке. Но я не знаю, пройдут ли там лошади, а мои ноги долго не выдержат в ледяной воде.

Конан усмехнулся.

— И все же это лучше, чем попасть в руки разбойников.

* * *

Кривой Коготь остановил лошадь и вытянул руку.

— Свист, посмотри, не твой ли мерин лежит на дороге?

От вереницы разбойников отделился всадник и направился к бренным останкам своего жеребца.

— Да, командир, он и есть. Эх, хорошая коняга была!

— Беглецы где-то рядом, зажгите факелы. Филин, скажи лучникам,

чтобы держали стрелы наготове.

— Командир, клянусь, мои люди не подведут. Пусть этот варвар только покажется.

Вернулся Свист.

— Пена на боках еще не обсохла. Видно, бросили совсем недавно. На двух лошадях далеко не уйдут. Поторопимся, быстро нагоним.

— Кто первый заметит варвара, получит от меня сто золотых! — крикнул Коготь.

Разбойник повеселился.

Кривой Коготь удовлетворенно кивнул и собрал в круг своих воинов.

— Запомните все: мы преследуем хитрого, ловкого и сильного врага, не рассчитывайте, что он допустит ошибку, не бросайтесь на него в одиночку. Нас больше и справимся мы с ним, если используем свое преимущество, причем используем его с умом. Варвар пробует обмануть нас, но мы не поддадимся на хитрость. Шорох, возьми десяток человек и проверь дорогу до моста. Места там открытые, беглецов заметишь издали, а как заметишь, пришлешь гонца, сам в бой, пока МЫ не подойдем, не ввязывайся. Щеголь, ты у нас лучший следопыт, возьми факел, посмотри следы возле мерина. Торопыга, примешь под свое начало десяток и поедешь за ним. Если нарветесь на засаду, поступишь так, как Шорох — никакой удали, все меня поняли?

— Коготь, а что делать нам? — подал голос рыжий разбойник.

— Остальные поедут со мной вдоль гряды. Конан может прятаться там. Мы двинемся по каменной тропе. Если варвара никто не найдет, все три отряда встретятся у моста. Ходу!

Кривой Коготь повернулся коня к скалам, но не успел его скакун сделать и двух шагов, как послышался голос Щеголя:

— Командир, сюда! Я нашли следы! Предводитель разбойников подъехал к мерину, спешился и осмотрел место вокруг.

— Сам сдох, никто его не загонял... — Коготь проследил за Щеголем, что держа перед собой факел и тщательно всматриваясь в землю, двигался к каменной осыпи. — Должно быть, варвар пошел напрямик, по тропе, или руслу реки.

— Слушайте все! — голос Когтя в ночной тишине прогремел как раскат грома. — Конан идет по реке, он впереди нас на несколько лиг. Мы возвращаемся на дорогу и не жалеть коней, чтобы успеть перехватить варвара на мосту. За мостом сплошные скалы и лес, где невозможно передвигаться верхом. Поэтому, повторяю, необходимо найти варвара до того, как он пройдет мост. Если мы упустим Конана, и варвар доберется до

замка, господин маг превратит нас всех в крыс, как мы того и заслуживаем. Вперед!

* * *

Гордый Лис больше всего на свете дорожил свободой, за что и получил свою кличку. Лисом его прозвали за изворотливый ум. Находясь в теле оборотня, независимость он терял, уступая ее с одной стороны волчьей сущности, с другой — магу, если последний избирал его; тело для своих манипуляций.

Вот и сейчас, не успели разбойники покинуть замок, как тело Гордого Лиса налилось животной силой, а мозг пронизал властный взор Яхм-Коаха. Магу нравилось пользоваться головой именно Лиса, ибо чародей зависел от умственных способностей превращенного в монстра человека. Чем умнее был последний, тем меньше приходилось магу отвлекаться на всякие пустяки. При этом Яхм-Коаху казалось, что Гордый Лис тоже получал удовольствие от такого сотрудничества. Разбойник был простым членом банды, зато когда служил глазами мага, превращался в вожака стаи.

Но, думая так, маг ошибался. Гордый Лис болезненно переживал вмешательство извне и все время старался найти способ избавиться от незримого присутствия чародея в своей голове.

Разумеется, подобные попытки он совершал втайне от Яхм-Коаха, ибо узнай о них маг, и на гордого Лиса обрушился бы гнев колдуна. В последнее время Лису удалось найти способ бороться с абсолютной властью чародея над своим телом...

Способ заключался в противопоставлении огню, — стихии, через которую действовала воля мага, — чего-нибудь холодного. Например, стоило себе представить во время превращения пронизывающий осенний дождь, студеный ветер или снежные сугробы, как воля Яхм-Коаха отступала на второй план.

Сегодня Гордый Лис решил попытаться полностью выйти из подчинения чародею. Разумеется, вольнодумец отдавал себе отчет в последствиях, но ради свободы Гордый Лис был готов пожертвовать и самой жизнью.

Тем временем ничего не подозревающий маг показал Гордому Лису образ будущей жертвы — верзилы-варвара, судя по виду, выходца из северных земель. Яхм-Коах хотел, чтобы стая как можно быстрее добралась до моста и соединилась там с отрядом своих же товарищней, но в

человеческом обличье. А потом вместе с ними уничтожила варвара и доставила в замок тех, кого северянин сопровождал. Гордого Лиса уязвил приказ. Снова ему придется предстать перед своими друзьями в личине волка. Особенное раздражение вызывало то, что командовать людьми поручили Кривому Когтю, которого Лис недолюбливал.

Свободолюбец Гордый Лис был полной противоположностью покорного Когтя. Они при каждом удобном случае пытались доказать друг другу свое превосходство. В банде давно знали об их соперничестве и посмеивались над ними. Коготь откровенно издевался над Лисом, когда тот превращался в чудовище по прихоти мага. Но больше этому не бывать, хватит!

Однако сейчас, пока стая не отошла от замка на значительное расстояние, бунт был преждевременен, и Гордый Лис, скрипя зубами, подчинялся воле хозяина.

Каждый шаг давался разбойнику с большим трудом: понимая, что здесь сила мага не позволит ему освободиться, он изнывал от желания побыстрее сбросить с себя ненавистные путы.

Наконец стая добралась до реки, и Гордый Лис сделал первую робкую попытку. Маг, сидя у себя в кабинете, весьма удивился, когда пламя факела, через которое он поддерживал связь, вдруг заколыхалось, и контакт с вожаком стаи резко ослаб. На всякий случай Яхм-Коах повторил формулу заклинания и обрел прежнюю четкость видения.

Гордый Лис, не достигнув желаемого, сперва пал духом. Но потом, решив бороться до конца, вызвал в своем воображении настоящую снежную бурю. Огонь отступил.

Тогда воодушевленный победой Лис обрушил на пламя лавину льда.

Теперь уже Яхм-Коах не сомневался: происходит что-то очень серьезное — он теряет контроль. А значит, стая вышла из повиновения. Маг вызвал в памяти заветные слова, и обрушился на непокорного с силой извергшегося вулкана.

Лису показалось, что он плывет через море огня. Воль была нестерпимой. Гордый Лис упал на землю и стал кататься в пыли, стараясь погасить испепеляющий его мозг пожар. Его товарищи недоумменно поглядели на своего вожака. Но Лису было все равно: раз его план не удался и ему суждено подчиняться магу, какая разница, что о тебе думают остальные... Боль слегка отступила. Лис поднялся, покрутил мохнатой мордой, постановливая ясность мыслей, и низко пригнув к земле голову, бросился вперед.

Вот уже впереди виден мост, на котором застыли всадники, за ним

скалы и водопад. Водопад! Сможет ли маг противостоять целому стремительному потоку? И Гордый Лис представил себе этот поток: с хрустальной, искрящейся воды, игривыми бурунами, обжигающими холодом брызг; свободолюбивый разбойник так увлекся совершенством своей иллюзии, что не заметил, как оказался среди людей. А черный маг Яхм-Коах в этот миг с проклятиями сорвался с кресла, окончательно потеряв контроль над стаей.

* * *

«И все этому проклятому варвару нипочем!» — думал Козим, наблюдая за перекатывающимися валунами мышц на плечах киммерийца. Каменистое дно реки оказалось непроходимым для лошадей, и их пришлось бросить к глубокому разочарованию коротышки. Перед тем, как они отправились в путь, карлик пожаловался северянину, что холодная вода для него чрезвычайно вредна и опасна. Не то, чтобы он надеялся таким способом чего-то добиться, но почему, спрашивается, не попробовать. В ответ этот медведь-варвар закинул его на левое плечо, так как правое занимала Ремина, и бодро запрыгал по торчащим из воды камням. При каждом таком прыжке, в бок Козима впивалась рукоятка меча, а едва коротышка открывал, рот, чтобы пожаловаться на несправедливость судьбы, как получал новый удар, и у него перехватывало дыхание. Вдобавок, у Козима залило потом глаза, из-за чего карлик потерял способность видеть, а уши заложило от барабанного стука сердца.

— Я вижу мост, а за ним — водопад.

Эти слова киммерийца, с трудом дошедшие до сознания Козима, показались коротышке волшебной музыкой. «Неужели скоро конец мучениям? На мосту, — подумал карлик, — нас наверняка ждет засада, завяжется бой, а я улизну от проклятого варвара. Хватит с меня унижений!»

Конан, ничего не подозревая о коварном плане карлика, уже поднимался наверх по отвесным утесам. В следующий миг он уцепился за деревянную балку, поддерживающую мост, и оказался наверху. Киммериец огляделся. Никого. Тогда северянин осторожно снял с плеча девушки, потом Козима.

Карлик сделал несколько неуверенных шагов и прислонился к перилам. В глазах постепенно прояснилось. В самом деле, здесь никого не было. Какая неприятность! Тяжело вздохнув, Козим поинтересовался:

— Что ты намерен делать дальше? Конан почесал в затылке.

— Полезем в горы. Там нас не поймают.

Козим с ужасом посмотрел на почти вертикальные скалы и срывающийся с них поток волы.

— Конан, я туда не хочу! А вдруг ты сорвешься? — запричитал коротышка.

— Мне бы этого не хотелось, — серьезно ответил варвар. — Ну что, отдохнули? Тогда занимайте свои места. Ты первая, госпожа.

— Поздно! — Ремина показала рукой на стремительно приближающееся облако пыли. — Ты не успеешь нас поднять, они вот-вот уже будут здесь.

Карлик тоже посмотрел на расстелившийся в лихом галопе отряд и повеселел: значит, не все еще потеряно.

Конан мрачно поглядел на горы, на водопад, на разбойников, потом снова на водопад и сказал:

— За водопадом в скале выбоина, возможно, пещера. Переждем там. А когда всадники минуют мост, двинемся наверх.

Козим заломил в отчаянии руки, проклиная Юркий глаз варвара. Надо же, при тусклом лунном свете заметил пещеру за водопадом. Конан бесцеремонно подхватил его за шиворот, но не успел сделать и несколько шагов, как снова опустил на землю. Ремина, которая бежала рядом с варварам, с недоумением спросила:

— Ты передумал?

— Да. Прячьтесь вдвоем, а я попробую их отвлечь. Не разгляжу, что это движется там, по дороге?

Ремина проследила за взглядом киммерийца и невольно вскрикнула:

— Оборотни!

— Вот и причина, по которой я должен остьаться.

— Но зачем рисковать? Ты хорошо придумал насчет пещеры, сами боги послали ее нам!

— Кто-то должен остьаться. Всадники догадаются, что мы не могли миновать стаю... Но мы могли разделиться, это не вызовет у них подозрений. Все, они близко, прячьтесь скорее!

Козима уговаривать было не надо, но Ремина медлила.

— Конан, а ты?

— Что-нибудь придумаю.

* * *

Гордого Лиса трясло в лихорадке: Яхм-Коах шаг за шагом, неотвратимо отбирал у него собственное тело.

Сперва все шло более чем гладко, свобода была получена, власть мага осталась где-то на задворках памяти...

Но потом магический взгляд чародея опять нашел его и обрушил на Гордого Лиса такую сокрушительную атаку, что боль пронизала каждый кусочек тела человека-зверя.

Остальные оборотни в беспорядке заметались по мосту. Гордый Лис, через которого шло управление стаей, вертелся на месте, не отдавая никаких команд. Этим и воспользовался, оказавшийся между двух отрядов Конан.

Сообразив, что в стане врагов происходит что-то неладное, северянин подскочил к одному из всадников, ухватил за ногу и сдернул с лошади вместе с седлом. Бандит привстал и потянулся за клинком, но киммериец оказался проворнее, всадив в живот разбойника острие меча. Потом ткнул окровавленным мечом в сторону ближайшего оборотня. Тот недовольно заворчал. Конан ткнул снова. Тварь угрожающе зарычала, шерсть на загривке встала дыбом.

Варвар продолжал дразнить зверя. Волк изготоился к прыжку. Киммериец, не растерявшись, подскочил к чудовищу и ударил концом меча Прямо по оскаленной морде. Терпению оборотня настал конец, и он ринулся в атаку. Конан ловко отпрыгнул в сторону, при этом его меч описал лугу и оказался в непосредственной близости от зазевавшегося верхового. Разбойник вытер со щеки брызги крови, слетевшие с лезвия меча северянина. Теперь уже тварь рычала и на Конана, и на всадника.

Остальные разбойники, во главе с Кривым Когтем, до того с интересом следившие за проделками варвара тревожно отступили. Конечно, они знали, что под личиной оборотней на мосту сгрудились их товарищи. И недоуменно взирая на возникшую паузу, в целом оставались спокойны: оборотнями управляет маг, и если ему вздумалось помучить варвара перед смертью, то — пожалуйста. Но вот лошадям этого не объяснишь, кони не слушались седоков и со страхом косились на снующих у них под ногами огромных серых волков.

Кривой Коготь, до которого наконец дошло, чего именно добивается варвар, рявкнул, стараясь перекричать рычание зверей и конский храп:

— Осторожно, он хочет натравить их на нас! Ни в коем случае не ввязываться в драку. Назад! Назад! Очистите мост!

Последний приказ относился к разбойнику с каплями крови на щеке. Головорез, не спуская глаз с озлобленной твари, нехотя подчинился.

Но приказ этот услышал не только всадник, но и Гордый Лис. Превозмогая боль, он налитыми кровью глазами смотрел на Когтя. Мысль о том, что его неминуемое и окончательное поражение произойдет на глазах его вечного соперника, показалась настолько горькой, что, собрав последние силы, оборотень пошел в атаку на разбойничьего вожака.

Кривой Коготь не ждал нападения. Он решил, что тварь просто хитрит, дабы оказаться у варвара за спиной. И слишком поздно понял, что ошибается. Гордый Лис прыгнул. Конан с удовольствием наблюдал за этой неожиданной атакой. Значит план его удался, с небесной ли помощью или чьей другой.

Варвар пригнулся и пропустил длинное темное тело зверя у себя над головой. В следующий миг оскаленная пасть оборотня оказалась напротив искаженного ужасом лица человека.

Скорее инстинктивно, нежели осознанно Конан выбросил вперед руку с кинжалом. И почувствовал, как нож, пробив шкуру зверя, вонзился во что-то мягкое и трепещущее. Но это полное отчаяния движение оказалось не в силах остановить волка: тело твари с клинком в груди совершило полет, и челюсти чудовища сомкнулись на горле человека.

Под ноги обезумевшей лошади упали два мертвых тела. Сначала разбойники не сводили глаз с мертвецов. Потом стали подозрительно коситься в сторону серых тварей. Те, потеряв вместе со своим вожаком всякий контроль со стороны чародея, выстроились полумесяцем, не скрывая зловещих намерений.

Оказавшись между двух огней, Конан вскочил на лошадь Когтя и рубанул мечом ближайшего разбойника. Учуяя рекой хлынувшую кровь, оборотни ринулись вперед.

В страшной свалке оказались обезумевшие от ужаса кони, волки и люди. В лунном свете сверкали клинки и клыки чудовищ, горели багровым пламенем глаза оборотней. И посреди этой кровавой бойни то тут, то там возникала могучая фигура варвара, сея вокруг себя смерть и усиливай всеобщее безумие.

Не понимая происходящего, из пещеры за побоищем на мосту наблюдали Козим и Ремина.

Оба дрожали от страха и неосознанно жались друг к другу. В тени скалы, где прятались беглецы, было темно. Но за границей, очерченной мрачными базальтовыми утесами, лунный свет рассеивал ночь, отражаясь в прозрачных водах реки.

Помыслы девушки были всецело на стороне Конана, и она молилась всем богам, которых знала, чтобы они даровали киммерийцу победу.

Чаяния карлика были связаны прямо с противоположным ходом событий. «Неужели на свете нет справедливости, и проклятый варвар снова выйдет сухим из воды!» Так, скав кулаки, думал коротышка, наблюдая за этой бойней. По его искаженному гримасой отчаяния лицу можно было легко догадаться, на чьей стороне сегодня удача. Вот над Конаном нависла опасность, и тогда карлик подавался вперед и задерживал дыхание. Вот проклятый варвар чудом вывернулся из-под нацеленных в него мечей, и еще один разбойник, валится в дорожную грязь, чтобы тут же быть разорванным на куски обезумевшей стаей. Козим тяжело вздыхал и с надеждой ждал следующего удобного случая.

Ремина держала арбалет наготове и благословляла темноту, которая не позволяла увидеть Козиму бледность ее лица и полные слез глаза. Гордая баронесса скорее бы умерла, чем вольно или невольно выдала свой испуг, тем более коротышке, за которым тоже надо было присматривать. И если у Конана и в мыслях не было доверять Козиму, то девушка была почти убеждена в искренности карлика. К тому же, стоило ей только представить, что она оказалась бы здесь одна, в этом жутком, пугающем месте в такое страшное время, как холодная дрожь сотрясала все ее хрупкое тело. Так что она была рада даже такой компании, как Козим.

Скала, под которой они нашли убежище, набилась недалеко от дороги, а до моста от нее выло не более двухсот шагов. Шум битвы, крики людей, конское ржание и рычание оборотней, хотя и приглушенные расстоянием и плеском речного потока, тем не менее долетали до слуха Ремины и карлика, заставляя в страхе сжиматься сердца. Козим не сомневался, что Конана убьют, и размышлял над тем, как ему вести себя дальше. Ремина всей душой надеялась, что киммерийцу удастся прорваться и уйти от погони. В противном случае ей останется только броситься со скалы в реку, лишь бы не попасть в руки ненавистного мага.

Потом внезапно наступила тишина. В тяжелом душном безмолвии медленно потекли минуты, отмеряемые лишь ударами сердца.

— Все, — подвел черту Козим.

Это короткое слово хлестнуло баронессу словно удар кнута.

— Надо выходить, — продолжал карлик, нетерпеливо ерзая на камне, будто сидел на раскаленном сковороде. — Здесь мы слишком близко от них. Найдут в два счета.

— А Конан? — прошептала Ремина.

Коротышка издал звук, что-то между хмыканьем и смешком. Безразличие к судьбе киммерийца прозвучало довольно явственно, и Ремина сразу насторожилась. Еще до того как Козим ответил, девушка для

себя решила, что и сама с места не сдвинется, и карлику этого не позволит. Пусть только попробует!

— Нет больше твоего киммерийца! — в голосе карлика мелькнуло злорадство. — Как только бандиты придут в себя после схватки — а опомнятся они быстро! — сразу бросятся нас искать. Оставаться тут просто глупо!

— По-моему, гораздо глупее метаться по ночному лесу, — подчеркнуто холодно и твердо заявила баронесса, давая понять коротышке, что не намерена спорить по этому поводу.

Козим вззизгнул, почувствовав сквозь ткань камзола легкий укол.

— Конечно, я не стану возражать, ведь у тебя в руках арбалет, а это именно тот аргумент, против которого устоять невозможно. Но поверь мне, госпожа, мое предложение вызвано исключительно заботой о тебе и твоей безопасности. После, гх-м... смерти варвара я остался единственным человеком, душой и телом преданным твоей милости.

— Конан придет, — в голосе девушки звучала непреклонная убежденность. — Мы будем ждать его здесь. Ты сам слышал, что он сказал.

— Что ж, если ты остаешься, тогда и я, как верный твой слуга, вынужден подчиниться, — оскорбленно заявил Козим.

Карлик обиженно сопел, но девушка уже не обращала на него внимания. Если Конан жив, он найдет их здесь.

Если же киммериец погиб, то бежать не имело смысла...

«Дотянуть бы до утра, — думал Козим. — Что Идет меня, если нас найдут?» Коротышка зябко поежился, слишком живо представив себе, как Шрам, беспомощно разводя руками, будет рассказывать Яхм-Коаху о его трагической гибели.

Баронесса внезапно вздрогнула и вскинула арбалет, до боли в глазах взглядываясь в темноту. Из-за скалы бесшумно скользнула человеческая тень. Контуры ее казались размытыми — с такой быстротой двигался этот пришелец. Козим и испугаться не успел, как Конан был уже рядом.

Ремина с радостным криком устремилась к своему спасителю.

Когда-то черная грива волос стала грязно-рыжей от крови, киммерийца шатало, и чтобы не упасть, он опирался на огромный двуручный меч. У варвара хватило сил лишь слабо улыбнуться в ответ. Не терпящим возражения голосом девушка сказала:

— Все! Ты должен отдохнуть!

Козим настолько уверовал в сверхчеловеческие способности северянина, что ожидал протес-га с его стороны, дайте, мол, только встряхнуться, и я снова готов отправляться в путь. Но Конан, к его

удивлению, на сей раз согласился с Реминой:

— Отдых, так — отдых. Только уйдем подальше, здесь нас легко обнаружат.

* * *

Солнце стояло уже высоко, когда Конан, очнувшись от сна, открыл глаза. Варвар всегда спал

чутко, даже отдыхая в безопасности, на удобном ложе, за крепкими стенами. Рыщущие по всей окружности бандиты, от которых беглецы спаслись только чудом, в любой момент могли наткнуться на крошечную лужайку, где заговорщики остановились до утра. Киммериец, щедро наделенный природой огромной силой, обладал еще и невероятной выносливостью. Короткого сна ему вполне хватило, чтобы вновь почувствовать себя бодрым и отдохнувшим. Первым делом Конан взглянул на то место, где, как он помнил, улегся Козим. Коротышка был тут: скорчившись в неудобной позе, он еще крепко спал, почти невидимый в высокой траве. На его остроносой и обычно кислой физиономии застыло безмятежное, кроткое выражение, словно он прислушивался к чему-то, и сейчас Козим напоминал того мальчишку-циркача, каким был когда-то.

Варвар, разумеется, не был настолько наивен, чтобы полагаться на слово карлика и не связать его на ночь. Ведь кинжал в руках пусть даже маленького человека всегда останется кинжалом... Лишь заступничество Ремини остановило киммерийца. Козим буквально умирал от усталости, и засыпал на ходу.

Юная баронесса тоже еще спала. Взгляд Конана невольно задержался на нежном девичьем лице. Тяжелые испытания последних дней и страшное напряжение душевных и физических сил, которое пришлось испытать девушке, не прошли бесследно: на бледном лице, носившем следы пережитых мук, застыло неизгладимое выражение боли, тонкие черты еще более заострились, и стали какими-то угловатыми, щеки ввалились, а пол глазами четко обозначились синие круги. И все равно, лицо Ремини было прекрасно. Киммериец знал толк в женской красоте: к его могучей груди прижимались многие чаровницы, среди которых были принцессы, и рабыни, блистающие утонченной и опасной красотой восточные танцовщицы и горластые, дешевые проститутки из портовых кабаков Аргоса и Зингары.

Конан шумно вздохнул. Этого оказалось достаточно, чтобы Ремина

проснулась, вздрогнув всем телом. Тонкие длинные пальцы девушки непроизвольно стиснули арбалетное ложе. Мгновением позже, встретившись с улыбающимися глазами с варвара, Ремина успокоилась и села на траве.

— Все спокойно? — спросила она, возвращая киммерийцу улыбку.

— Как в гробнице, — откликнулся Конан. Баронесса поморщилась.

Посмеиваясь, варвар поднялся на ноги. Привычно тронул рукоять меча, провел ладонью по Опутанной гриве иссиня-черных волос. Прищурившись, взглянул на солнце.

— До обеда еще далеко, — Конан недвусмысленно похлопал себя по впалому животу. — А есть почему-то очень хочется, — задумчиво добавил он.

— Надо идти! — Девушка решительно встала И потянулась точно кошка, разгоняя по жилам кровь.

— Конечно, — согласился северянин. — Но сначала нужно перекусить, если мы не хотим добраться до замка высохшими от голода, как стигийские мумии. Тогда Яхм-Коаху достаточно будет подуть на нас, и плакали мои три тысячи золотых!

— Ты так любишь деньги, Конан? — усмехнулась Ремина. В ее вопросе не было осуждения. Она уже стала привыкать к грубоватым шуткам варвара. Как правильно заметил Козим, род Орландо был не слишком богат. Несмотря на рыцарский дух, которым казалось, были пропитаны сами стены старинного замка, юная баронесса довольно рано узнала, что такое нужда. Благодаря впитанным с молоком кормилицы строгим семейным правилам, Ремина научилась презирать золото, но отнюдь не людей, которые пытались заработать, более или менее честным путем.

Конан не ответил, просто не обратил внимания на вопрос. Мысли его были заняты иным. Прислушиваясь, варвар вытянул шею, пытаясь, что-то разглядеть среди высокой травы. Ноздри киммерийца с шумом втянули воздух.

— Ветчина... — глухо пробормотал он.

— Что? — не поняла баронесса. Неожиданно Конан прыгнул. Огромное тело варвара с тигриной грацией приземлилось в нескольких шагах от нее, там, где подозрительно тихо лежал Козим.

Киммериец нагнулся и выпрямился, держа за шиворот, безвольно обмякшее в его руках, тщедушное тельце карлика.

— Так! — угрожающе прорычал варвар. — Решил сон себе подсластить?

— М-м-ык! — неразборчиво промычал коротышка. Более внятно Козим говорить не мог по той причине, что рот его был забит здоровенным куском копченого окорока, восхитительный аромат которого и побудил Конана продемонстрировать озадаченной Ремине свою ловкость.

Козим, укладываясь спать, сунул себе под голову заплечный мешок с провизией. Проснувшись, он первым делом вспомнил о восстанавливающем силы и укрепляющем дух содержимом мешка.

Но проклятый киммериец не дал укрепиться духу Козима, а силам, которых в немощном теле карлика и так было немного, восстановиться в полной мере, поймав его с поличным за уничтожением съестных запасов.

— Я привяжу тебя к дереву с недоеденной ветчиной, как поступают владыки Вендии с ленивыми рабами. И когда мы уйдем, на запах мяса придет голодная пантера. Или медведь, но тоже очень голодный. Возможно, они съедят только ветчину, а возможно... — мрачно пообещал Конан позеленевшему от ужаса коротышке.

— Оставь его, Конан, — сказала Ремина, подходя к киммерийцу. Девушка с трудом сдерживала смех. — Еды в мешке на всех хватит.

— Я и говорю! — завопил Козим, наконец, проглотив злополучный кусок. — Нельзя же быть таким жадным! — укоризненно обратился он к варвару. — Или это в крови у киммерийцев?

— В крови у киммерийцев — не жрать под одеялом, — огрызнулся Конан, отпустив коротышку. Козим плюхнулся на четвереньки и уткнулся носом в раскрытый мешок.

— Можешь доедать, — разрешил северянин.

— Спасибо, — ответил карлик. — Мне уже что-то не хочется.

— Отойдем отсюда на лигу-другую, — обратился киммериец к Ремине. — Когда не плечах висит погоня, не стоит надолго задерживаться на одном месте.

Девушка согласно кивнула.

— Я знаю эти места. Недалеко отсюда есть развалины старой крепости.

— Присматривай за карликом. Если он вздумает улизнуть, стреляй без сожалений, — громко, чтобы его слышал Козим, сказал Конан, закинув мешок на плечо.

Коротышка обреченно вздохнул.

С тоской взглянул на плотную стену леса, у подножия высокой горы, и поплелся следом за Конаном, который широким, легким шагом уже ушел далеко вперед.

Время близилось к полудню, и солнечные лучи, с утра теплые и

ласковые, понемногу становились палящими. В тени деревьев их обжигающее прикосновение почти не ощущалось, но вскоре путники стали страдать от духоты. После недавнего дождя земля парила, во влажном лесу дышалось тяжело, одежда насквозь пропиталась потом. В распадке оказалось болото, заросшее высоким, в человеческий рост тростником, но варвар, не меняя направления, пошел прямо через него. К удивлению Конана, дно оказалось твердым и ровным. Складывалось впечатление, что под ржавой болотной водой скрывается пробитая в незапамятные времена дорога через горы.

— Дурное место, — вполголоса сказала Ремина. — Сюда почти никто не заходит.

— Почему? — не оглядываясь, буркнул Конан. — Из-за пиявок? Козим изменился в лице.

— Пиявок? — переспросил он дрожащим голосом. — Этих маленьких мерзких тварей?

— Больших, жирных и скользких — здесь водятся только такие, — невозмутимо отозвалась баронесса.

— Не-на-ви-жу! — взвыл коротышка и рванулся вперед, обгоняя киммерийца. Далеко он не ушел. Неожиданно глубина резко увеличилась, и карлик ушел под воду почти по грудь.

— Тону! — завопил он, молотя по воде руками и поднимая тучу брызг.

Северянин остановился рядом и молча взирал на карлика. Гигантукиммерийцу вода доходила едва до колен.

— Конан, помоги ему! — крикнула Ремина.

Варвар устало вздохнул и протянул коротышке руку. Тот вдруг перестал барахтаться и с подозрением уставился на киммерийца.

— Я не просил о помощи, — шмыгнув носом, гордо заявил он и быстро стал продвигаться к берегу, до которого было уже недалеко.

Похочатывая, Конан пошел за ним следом.

Шагов через пятьдесят киммериец с девушкой выбрались на сухое место, где уже в позе выпавшего из гнезда птенца, широко разведя руки в стороны, стоял Козим, тщательно осматривая свою вымокшую одежду.

— Как пиявки нашли твою кровь, Козим? — на ходу бросил Конан.

Карлика от этих слов передернуло.

— Я им пришелся не по вкусу, — прошипел он. — Не то, что ты! — злорадно добавил коротышка, указывая пальцем на ногу варвара.

Киммериец посмотрел вниз, ухмыльнулся и щелчком сбил с колена пристроившуюся там пиявку.

— Теперь понятно, что ты за человек, раз твоей кровью даже пиявки

брезгуют, — беззлобно заметил северянин.

Впереди долина горбилась зелеными шапками невысоких холмов. На фоне громадных гор, неприступными серыми стенами вздымающимися со всех сторон, они выглядели как-то жалко, хотя и радовали глаз весенним цветением. Мягкие, округлые вершины, поросшие густым кустарником, едва виднелись над лесом.

Ремина уверенно шла вперед. Было ясно, что девушка хорошо знает дорогу. Беглецы перебрались через низкий гребень и спустились в тенистую лощину, по дну которой бежал небольшой ручеек с кристально чистой водой.

Баронесса, не останавливаясь, стала взбираться на противоположный берег лощины.

— Сейчас поднимемся на вершину холма, — на колу пояснила она. — Там развалины крепости, о которых я говорила. Место тихое и спокойное, сюда почти никто не заходит, даже охотники, потому что дичь в этих местах если и была, то давно исчезла. Наверное, тут какая-то магия. Там дальше есть озеро, можно остановиться на берегу. В детстве я как-то раз здесь заблудилась и случайно набрела на него. Оно очень красивое, вот увидите...

— Тихо! — Конан внезапно вскинул руку, озираясь по сторонам.

Ремина и Козим послушно замерли. Киммериец медленно наклонился, подобрал с земли увесистый камень и вдруг резко бросил его в густое переплетение ветвей.

Пролетев локтей тридцать, камень с шумом исчез за зеленою завесой. Следом за ним стремительно несся Конан.

Ремина открыла рот: она никогда не видела, чтобы люди так быстро бегали.

Киммериец скрылся в кустарнике. Девушка только сейчас вспомнила о своем арбалете, а Козим на всякий случай упал в траву. Кусты жалобно затрещали, и на поляну вышел довольный варвар, держа в руке большую птицу с черно-красным оперением.

Козим успел сползти вниз по склону чуть ли не до самого ручья.

— Вот наш обед! — воскликнул северянин. — Эй, Козим! Тебя жажда замучила или умыться решил?! Что ты делаешь у ручья?

— Но как ты ее заметил? — поразилась Ремина, разглядывая добычу варвара.

— Желудок, наверное, подсказал, — пожал плечами Конан.

На плоской, как стол, вершине холма действительно сохранились остатки старинной постройки — то ли дозорной башни, то ли форта —

блоки фундамента и руины стен, не превышавших высоты десяти локтей. Конан обошел развалины, прислушиваясь к своим чувствам, но не нашел ничего подозрительного. На своем веку он повидал множество старинных замков и заброшенных городов, куда более мрачных и подавляющих своей былой мощью, чем эта разрушенная временем цитадель.

— Где же озеро? — спросил он. — В такой жаркий день неплохо бы освежиться.

— Сначала я! — решительно заявила баронесса. — Не волнуйся за меня, я быстро.

— Что ж, иди. Только будь осторожна. Козим, о чём задумался? — Конан с сочувствием посмотрел на несчастного коротышку. — Давай-ка, берись за дело: выщипывай перья из этой птицы, а я займусь костром.

Козим сгорбившись сидел на огромном валуне, погрузившись в невеселые мысли. Издалека он был похож на большой сморщившийся гриб, источенный червями. Пух и перья кружили вокруг коротышки, вымешивающего злость на несчастной птице.

«Маг меня в паука превратит, — горестно вздыхал он. — Я не справился с киммерийцем. А попробуй с ним справиться! Как вспомню, что он па мосту учинил, так до сих пор мурашки по спине бегают. Но разве мог я ему помешать? Девчонка с меня глаз не спускала, а арбалет она держит так, будто всю жизнь с ним не расставалась. Что же мне сказать Яхм-Коаху в свое оправдание? Да он меня и слушать не станет. Нет, Козим, точно, быть тебе мерзким пауком!

А Конан в самом деле непрост. Не будь столь жесток чародей на расправу с предателями, пожалуй, я бы поставил на киммерийца. Того и гляди, так он и правда сумеет до замка добраться. Прав был жрец, нельзя недооценивать этого варвара. Но с хозяином ему не справиться. Господин его в пыль сотрет... эх, и меня заодно.

Козим так глубоко задумался, что не сразу услышал, как кто-то тихо, но настойчиво зовет его.

„Козим. Эй, Козим! Да ответь же, болван!“ Карлик, словно его ужалили, подскочил с камня и воровато огляделся по сторонам.

— Хозяин! Это ты? Где вы, я вас не вижу! — шепотом спросил коротышка пустоту.

„И не увидишь, дуралей, я говорю с тобой из замка. Чем забита твоя глупая голова? Я никак не мог до тебя докричаться“.

Голос мага глухо гудел в голове коротышки, будто жрец вещал из могилы, и карлик зябко поежился, испугавшись, что он мог прочесть его мысли.

— Прости, повелитель, я тут немного лишнего наговорил... Я думал о Конане.

„Варвар рядом?! Где вы? Девчонка с вами?“

— Не знаю, хозяин. Тут правда есть какие-то развалины... Спаси меня, господин, я у них как заложник!

„Скажи поточнее, где вы находитесь? И прекрати скучить“.

— Ну... тут еще озеро рядом есть! — радостно вспомнил карлик.

„Ага, кажется, я знаю это место. Где сейчас варвар?“

— Здесь, рядом. Но не беспокойся, мастер, он нас не слышит.

„Если ты перестанешь говорить вслух, тебе и вовсе нечего будет бояться“.

„Хорошо, повелитель. Умоляю, вытащи меня отсюда!“

„Молчи и слушай меня внимательно, маленький хитрец, — вкрадчиво молвил жрец. — Ты должен задержать их, пока я не прибуду со своими людьми“.

„Но как, как я смогу это сделать, не рискуя собственной шеей!? Варвар мнителен и осторожен. Его невозможно обмануть! — взмолился Козим, понимая, что маг толкает его на верную гибель“.

„Мне безразлично, какими средствами ты выполнишь мой приказ. Кстати, как вам удалось уйти от погони?“

— Катастрофа, мастер, чудовищная катастрофа! — оживился коротышка, не заметив, как снова заговорил вслух. — Коварный северянин стравил стаю оборотней с людьми, которых вел Коготь. Нужно было видеть, как они рвали друг другу глотки!

„Проклятый Лис! — взорвался в мозгу карлика крик Яхм-Коаха. — Как я в нем ошибся. Ладно, с Конаном делай, что хочешь. Мне нужна только девчонка, запомни, живая баронесса Орландо! Иначе... — иначе ты ответишь мне за все головой!“

— Слушаюсь, повелитель! — забыв, что жрец его не видит, Козим низко поклонился. — Повелитель? Хозяин, где ты?

Молчание было ему ответом.

Козим в сердцах крепко выругался и сел на камень. Яростно почесал заросший колючей щетиной подбородок.

„Придется прибегнуть к крайним мерам, — лихорадочно соображал коротышка. — Давай, Козим, сейчас как раз подходящий момент...“

...Сучьев вокруг оказалось достаточно. Найдя укромный закуток в развалинах, Конан одним ударом кремня о кресало запалил пук сухой травы. И через миг в небольшой нише под древней стеной уже весело плясали языки пламени.

Справившись со своим делом, Конан вернулся к Козиму. Коротышка примостился на базальтовом валуне и с унылым видом ощипывал птицу. Пух и перья летели в разные стороны, но подхваченные ветром возвращались назад, оседая в складках его одежды, отчего карлик стал похож на большого сварливого ворона. Рядом с камнем лежала винная баклага, которую Конан прихватил у Понтикуса. Киммериец поднял ее, поболтал и, хмыкнув, бросил обратно. Козим, по затянувшемуся молчанию почувствовал недоброе, и стал оправдываться быстрой скороговоркой:

— Один маленький глоток, один глоток, Конан! Он был мне необходим, я весь промок с головы до ног! Что может быть хуже простуды, особенно в середине весны? Я не хотел подвергать риску все наше предприятие из-за того, что могу чихнуть в самый неподходящий момент!

— Ладно, — буркнул киммериец, — шевелись быстрее, а то вместо обеда нам придется ждать ужина.

Видя, что варвар настроен благодушно, карлик заговорил о том, что занимало его мысли после разговора с магом:

— Послушай меня, Конан, вам ни за что не справиться с Яхм-Коахом? Он найдет вас повсюду.

Конан просто пожал плечами, надеясь, что карлик от него отстанет. Ничего иного от Козима варвар и не думал услышать. Сейчас он находился в том приподнятом состоянии духа, которое так ценят бывалые воины, чья жизнь — сплошная череда битв и походов. Но коротышка продолжал приставать.

— Ты как-то скверно выглядишь. Может ты ранен. Хочешь, я могу посмотреть. Не подумай дурного, я, правда, умею.

— Отстань, это просто усталость, — отмахнулся Конан. — Усталость и голод. Заканчивай мучить птицу.

Козим часто закивал головой.

— Я так и знал, что ты скажешь нечто подобное. Ответь мне честно, сколько ты намерен получить со старого барона, если думаешь, что эта безумная затея закончится для нас успешно? А ведь есть способы заработать в десять раз больше! И без всякого риска. Присядь, выпей вина, а я тебе расскажу, как можно их достать. Да мы с тобой богачами станем! Ты, понимаешь, о чем я tolkую?

Конан внимательно посмотрел в маленькие, бегающие глазки Козима. Внешне варвар остался спокоен, но темно-синие глаза северянина вспыхнули мрачным огнем.

— Понимаю, — медленно выговорил он. Во всем его облике чувствовалась угроза. — Но лучше бы ты помолчал.

— Хочешь, чтобы я замолчал, пожалуйста, — тут же согласился карлик. — Язык мой меня погубит. „Сейчас, наверное, меня будут бить!“ — с ужасом подумал он.

— Я достаточно скитался по свету, — негромко, словно самому себе, сказал Конан. — Кажется, ко всему привык. Ты из тех людей, которые легко клянутся, а затем, с той же легкостью забывают слова данной клятвы.

— Не продолжай, — остановил его карлик, — я догадываюсь, что ты хочешь сказать. Но ты ошибаешься насчет меня, киммериец. Вспомнишь еще... Ведь я хотел как лучше, но если ты считаешь, что проще разбить Яхм-Коаху голову — что ж, идем крошить черепа! Время покажет, кто из нас прав!

— Не думай, что тебе удастся меня переубедить, — сказал Конан.

— А я и не думаю. — Карлик тяжело вздохнул, по белому, как мел, лицу его градом катились крупные капли пота. — Придет тот час, друг киммериец, и ты поймешь, что я желал тебе только добра. Я — твой счастливый талисман, как ты этого еще не понял? Благодари судьбу, что свела нас в Овражке! С моей и только с моей помощью вы сможете одолеть злобного Яхм-Коаха. Сядь, успокойся, мой могучий друг, выпей вина и послушай умудренного житейские опытом человека.

— Ты величайший болтун на свете, — от души рассмеялся Конан.

Он наклонился, поднял баклагу с вином, выбил пробку и поднес горлышко к губам, не замечая напряженного взгляда Козима.

Карлик затаил дыхание: „Этот бродяга-стигиец клялся всеми богами, что одна капля свалит даже льва! Мошенник обманул меня! Но я, наверное, сам виноват, не нужно было с ним торговаться. Пей, пей, северянин, ты еще пожалеешь, что смеялся надо мной!..“

Конан вновь поднес баклагу к губам и отпил еще несколько глотков. Опустив сосуд, он вдруг поморщился и сплюнул.

— Странно, сначала вроде ничего, а сейчас будто жабу проглотил... тухлую...

Киммериец икнул, хотел что-то добавить, но пересохший рот и онемевшие губы отказались повиноваться. Баклага выпала из обессилевших пальцев, ноги подкосились, и Конан покачнулся как подрубленный дуб.

Внезапно он все понял. Собравшись с силами, варвар повернулся к Козиму.

— Ты... — продолжение фразы утонуло в свистящем хрипе.

Козим проворно вскочил.

Убедившись, что снадобье действует, он вновь обрел былую

уверенность.

— Догадался? Но теперь это тебе не поможет! Думал шутки шутить с Козимом? Измывался над ним, угрожал, оскорблял! Теперь сам побудь в моей шкуре!

Ярость придала Конану сил. На заплетающихся, непослушных ногах он сделал шаг, другой... Поднял руку — и тут же со стоном уронил ее. Сознание киммерийца оставалось ясным, он все отлично понимал, зрение и слух не утратили своей остроты, но тело — большое, сильное тело вдруг отказалось ему служить.

Козим важно, мелкими шажками подошел к северянину, который едва стоял на ногах и тщетно пытался произнести хотя бы самое простое проклятие. Карлик ткнул его пальцем в живот. Конан рухнул на спину так, что по земле пошел гул, сильно приложившись затылком о подвернувшийся камень. Одно утешение — тело его совсем онемело, и боли он не почувствовал.

Так варвар и остался лежать, вращая глазами от бессильной злобы и беззвучно шевеля губами. Коротышка стоял над ним, внимательно наблюдая за столь невыразительной мимикой.

— Так, вижу, умирать ты не собираешься! — разочарованно протянул он. — Опять я обманут! Впрочем, может быть это и к лучшему. Ведь маг обещал за тебя награду. За такого большого варвара я потребую много золота. Лежи, отдохай, а я пока утешу баронессу.

...Купание освежило и тело и душу, будто и не было треволнений минувшего дня. Одеваясь, Ремина неожиданно для себя обнаружила, что тихонько напевает незатейливую песенку, услышанную еще давно в детстве. Зловещий призрак Яхм-Коаха, который повсюду преследовал девушку, не исчез, но как бы потускнел, отдалился и уже не так угнетал ее.

Одевшись, она потянулась всем телом — навстречу солнцу, каждой клеточкой своего молодого гибкого тела, ощущая его живительное тепло.

— Все будет хорошо, — громко сказала Ремина. — Все должно быть хорошо!

Глубоко вдохнув терпкий запах залитого солнцем леса, баронесса быстрым, упругим шагом взбиралась на холм. Купание, разогнав усталость, пробудило в ней давно забытое чувство голода.

При одной мысли о птице, подрумяненной на углях, у девушки потекли слюнки.

Невольно мысли ее перешли к человеку, который эту птицу добыл. Ремина отдавала себе отчет, что именно присутствие киммерийца питает ее надеждой. Без Конана она была абсолютно беспомощна, и рано или поздно

неминуемо угодила бы в лапы жреца. В северянине чувствовалась Сила — дикая первобытная мощь, способная сокрушить любую преграду, — уверенность, ясный ум, и редкостное умение владеть оружием, а именно такой человек ей и был сейчас нужен. К тому же имя Конан было уже знакомо юной баронессе Орландо. Когда-то так звали знаменитого пирата, который в царствование старого короля Фердруго безраздельно хозяйничал на Западном море.

Возможно, что этот Конан и есть тот легендарный человек. Девушка была почти уверена, что это он, и от волнения сердце ее забилось так сильно, что Ремина была вынуждена на несколько мгновений остановиться. Еще бы! Не всякий может похвастаться тем, что делил кусок хлеба с человеком, сыгравшем столь выдающуюся роль в судьбе Зингары!

Романтика, неразлучная спутница юности, не обошла своим вниманием и семнадцатилетнюю баронессу Орландо. В этот момент она забыла, кем являлся Конан на самом деле. Сейчас северянин виделся ей одним из величайших героев древности, предания о которых она так любила.

А что может сделать Конан один, когда столкнется с черным колдуном Яхм-Коахом, клыками оборотней и клинками разбойников?

Не слишком ли они самонадеянны?

Предательская мысль змеей ужалила в сердце Ремина тряхнула головой и постаралась выбросить ее из головы.

— Госпожа баронесса! Госпожа баронесса! — вдруг донесся до нее крик Козима.

В голосе карлика слышался неподдельный ужас. Ремина мигом достигла вершины, вскинула к плечу арбалет, готовая сразиться со всей армией Яхм-Коаха. Но стрелять было не в кого... Козим суетился над распростертым телом киммерийца. Страшное предчувствие надвигающейся беды железной рукой сжало сердце. Отбросив бесполезный арбалет, Ремина бегом кинулась к Конану.

Упав на колени возле варвара, она взглянула в его лицо и с облегчением увидела, что он жив. Синие глаза, сейчас казавшиеся черными от невыразимой муки, в упор взглянули на нее. Ремина даже отшатнулась.

— Что случилось? — в отчаянии приступила она к коротышке.

— Наверное, это удар, — с состраданием ответил Козим, возводя полные скорби глаза к небесам. — Точно так же умерла моя тетушка, да успокоит Митра ее мятежную душу!

Девушка вернулась к Конану.

Синие глаза кричали, молили ее: „Обернись!“ И тут она, наконец,

поняла, но оказалось слишком поздно. Ремина не успела даже оглянуться, как сильный удар по затылку поверг ее землю. В голове баронессы нестерпимым сиянием вспыхнуло солнце и рассыпалось водопадом искр.

Глава V

Очнулась Ремина внезапно, будто чья-то грубая рука сильным рывком выдернула ее из темноты забвения. Застонав от боли, девушка открыла глаза, и тут же пожалела об этом: над ней склонилось ненавистное лицо Яхм-Коаха. Ей захотелось вновь нырнуть во мрак беспамятства. Навсегда.

— Больно? — с сочувствием спросил жрец. — Потерпи, сейчас станет легче.

Яхм-Коах поднес руки к вискам девушки и, прикрыв глаза, что-то зашептал. Боль, действительно, стала слабее, но Ремина с благодарностью не спешила, даже отвернулась в сторону, всем своим видом демонстрируя презрение.

Нисколько этим не смущенный, Яхм-Коах поднялся с колен и, не обращая больше внимания на баронессу, обернулся к стоящему рядом Козиму.

Тут же переминались с ноги на ногу Шрам и полдюжины разбойников.

— Ударь ты чуть посильнее, размозжил бы девчонке голову, — суроно бросил жрец коротышке. — Тебе повезло. Ты знаешь, что она мне нужна живая?

— Ты, наверно, хотел сказать, повелитель, что это ей повезло? — угодливо улыбнулся Козим. — Я всегда стараюсь быть ласков с женщинами.

— С теми, что торгают собственным телом за медяки? — маг лукаво хихикнул. — Здесь тебе не Овражек.

— Но ведь все кончилось хорошо? — потупил глаза Козим. — Великий Яхм-Коах не гневается на своего преданнейшего слугу?

— Нет, — жрец благодушно махнул рукой. — Ты заслужил награду... А что ты сделал с киммерийцем?

Яхм-Коах неспешно подошел к Конану, который по-прежнему неподвижно лежал на земле, и с холодным любопытством уставился в его синие глаза.

Шрам также проявил к варвару больший интерес. Главарь разбойников с силой пнул Конана сапогом под ребра.

— Киммерийский пес! — прошипел он сквозь зубы. — Ты за все мне заплатишь!

— Похоже, ты его чем-то опоил, — задумчиво проговорил Яхм-Коах.

Козим злорадно захихикал:

— Всего несколько капель, мой господин, и варвара можно было брать голыми руками. Это был очень рискованный трюк. И очень опасный!

— Дай-ка мне сюда свое снадобье.

Козим с плохо скрываемой неохотой протянул жрецу маленький флакончик из темного обсидиана. Яхм-Коах осторожно вытащил пробку и потянул носом его содержимое.

— Ясно, — кивнул он, возвращая пузырек коротышке. — Настой белены, туна, цветков черного лотоса, спорыньи... Он может провалиться так целый день.

— И не умрет? — спросил Шрам.

— Встанет здоровее, чем был.

— Не встанет, — зловеще произнес разбойник. Ноздри предводителя «волков» раздувались от несдержанной злости, а рубец на лице стал лиловым.

Яхм-Коах покосился на него и пожал плечами.

— Порой даже я тебя опасаюсь.

— Так варвар — мой? — кровожадно оскалился Шрам, и в этот миг он был похож на настоящую волку.

— Жаль потерять такого воина. Он бы мне пригодился. Но я знаю варваров, с ними трудно

договориться. Хорошо, можешь оставить его себе.

— Нет! — громкий крик пролетел над холмами, и лошади разбойников испуганно вздрогнули.

Яхм-Коах и Шрам резко обернулись. Первый — в недоумении, второй — в ярости. Ремина твердым шагом подошла к жрецу и взглянула прямо ему в глаза.

— Если с головы Конана упадет хотя бы волос, свадьбы с герцогом никогда не будет!

Шрам злобно захохотал, но на лице жреца не дрогнул ни один мускул. Козим счел момент благоприятным, чтобы незаметно отойти в сторону, и полюбоваться сказочным видом цветущей долины. Дело, по его мнению, принимало скверный оборот и решать его следовало в семейном кругу, тем более, что брошенный в темницу барон в последнее время стал говорчивее. Шрам — дурак, зря веселится, а он, Козим, знает, как много значит для Яхм-Коаха эта свадьба. Не захочет жрец осложнений. И кто знает, что еще взбредет на ум этой девчонке? "Как поступит маг, если вдруг она потребует мою голову?!" Козим не питал никаких иллюзий по поводу своей неприкосновенности. Если Яхм-Коаху будет выгодно, он только мигнет Шраму и тут же забудет о существовании маленького человечка.

— Баронесса, — спокойно сказал чародей. — Ты, верно, забыла, что твой отец...

— Я этого никогда не забуду! — властно прервала его Ремина.

Яхм-Коах помолчал и с отеческой укоризной покачал головой.

— Значит, вот как, — задумчиво обронил он.

— Значит, так! — смело встречая взгляд мага, ответила Ремина. — Ты меня знаешь, жрец! Если позволишь Конану свободно уехать, то, клянусь, я выйду замуж за Ренальда, если нет, то ты от этого лишь проиграешь.

— Не слишком ли много условий? — Яхм-Коах в задумчивости потер подбородок. — Но к твоим словам я обязан прислушаться. В моих планах нет места для киммерийца. Что будет, если он вопреки всему попытается тебе помочь?

— Он не сделает этого, — с трудом выговорила Ремина. — Я попрошу его...

— Боюсь, этого будет мало. Он должен поклясться, что уберется из провинции, из Зингары, и навсегда забудет само имя Орландо.

— Он поклянется, — глухо отозвалась Ремина.

— Ты все решила за него? Неплохо бы спросить, что он сам думает по этому поводу. — Маг праздновал в душе победу, хотя внешне оставался невозмутим.

Яхм-Коах наклонился над варварам.

— Послушай, киммериец, я могу вернуть тебе твое тело. Но ты должен дать мне слово, что не будешь хвататься за меч. Моргни один раз, если ты согласен.

Ни слух, ни зрение Конана не пострадали от зелья Козима. Он слышал все, что говорила Ремина, и что ответил ей Яхм-Коах. Киммериец весьма сомневался, что жрец в самом деле отпустит его, а маячившая за плечом мага перекошенная от злости физиономия Шрама вообще не оставляла места сомнениям. Уж этот-то не собирался выпускать добычу из лап.

Тем не менее, Конан медленно закрыл и открыл глаза. Умирать лежа — нет, это не для него! Пусть проклятый колдун вернет ему силу, а потом посмотрим...

Яхм-Коах удовлетворенно хмыкнул и, протянув руку, положил ладонь на лоб северянина. Медленно, нараспев, он произнес несколько слов, и огромное тело Конана вдруг свело болезненной судорогой. Ремина закусила губу и отвернулась. Когда она вновь решилась взглянуть на варвара, Конан уже сидел на траве, и растирал онемевшую шею.

Лицо жреца побледнело, дыхание стало прерывистым, хриплым.

Конан, шатаясь, встал, обвел присутствующих ледяным взглядом и

презрительно усмехнулся. Его, безоружного, окружал частокол обнаженных клинков.

— Итак, Конан, — заговорил Яхм-Коах, морщась и потирая затылок. — Ты все слышал, но я повторюсь, чтоб избежать недоразумений. Прекрасная Ремина поставила мне условие, от которого я не могу просто так отмахнуться, и я вынужден, предложить тебе сделку. Я знаю, что варвары честно соблюдают условия договора, так что дело только в тебе. Для тебя, северянин, возможны лишь два пути. Либо ты исчезаешь из Зингары в самое короткое время, забыв все, что тут видел и слышал, или же ты умрешь. В первом случае я возвращаю тебе оружие, даю коня и деньги... разорви меня Сет, Конан, я дам тебе много денег! Во втором — ты ничего не получишь, кроме трех локтей стали в живот. Выбирай.

Конан выслушал Яхм-Коаха с подчеркнутым безразличием и, когда тот замолчал, перевел взгляд на Ремину.

— Видно, ставки в игре высоки, — варвар небрежно кивнул в сторону жреца. — Оружие, лошадь, золото! Признаться, не рассчитывал на такое. Думал, что в самом благоприятном случае, меня погонят из королевства, да еще и уши обрежут.

— Ты прав, — Яхм-Коах, растянул губы в неком подобии улыбки. — Сейчас для меня важнее согласие баронессы. Решай быстрей, киммериец, времени на раздумья у тебя нет.

— Благодарю тебя за щедрое предложение, колдун, — в голосе Конана слышались и издевка, и горечь, — но я обещал госпоже свою помощь. Сожалею.

— Я тоже, — Яхм-Коах больше не улыбался. — Твой отказ огорчает меня, киммериец. Но я-то это как-нибудь переживу, а ты, боюсь, уже не увидишь рассвета. Жаль, но ты выбрал.

— Стойте! — Ремина на глазах у всех бросилась к Конану. — Я освобождаю тебя от данного слова!

Глаза киммерийца внезапно полыхнули огнем, но только на миг. Спустя мгновение лицо его вновь стало непроницаемым. Пристально наблюдавший за варваром Яхм-Коах усмехнулся.

Жрец отлично понимал, что творится в душе северянина. Даже самый мужественный человек, готовясь умереть, испытывает трепет, когда ему предлагают жизнь, при этом, не требуя ничего взамен. Конан не боялся смерти, но это не мешало ему любить жизнь. Ремина, теряя все, спасала киммерийцу и жизнь, и честь.

— Благодарю тебя, — голос Конана звучал глухо — Но я ступил на этот путь и должен пройти его до конца. Не волнуйся, девочка, —

киммериец вдруг весело улыбнулся. — Мне почему-то кажется, что это не последняя моя битва.

Мягко, но решительно отстранив Ремину, гигант-северянин шагнул вперед.

— Эй, жрец! Я обещал не браться за меч и сдержу слово! Для того, чтобы наказать твоих псов, мне хватит этой хворостины!

Киммериец нагнулся и поднял с земли увесистый сук.

Жреца, очевидно, это нисколько не обеспокоило, как раньше не задели угрозы, варвара.

По рядам разбойников прошло движение.

Шрам облегченно вздохнул: он уже думал, что варвар от него ускользнул. Щурясь от удовольствия, чуть не мурлыча, главарь медленно потянул меч из ножен.

Он уже предвкушал, как его клинок входит, круша кости и плоть, в широкую грудь северянина... нет, лучше ударить в живот, а потом смотреть, как мучается киммериец, как жизнь медленно капля за каплей, оставляет это громадное тело...

Но тут Ремина встала на пути гиганта, готового и с голыми руками броситься на врагов.

— Нет, Конан, нет! — в отчаянии вскрикнула она. — Я не позволю тебе умереть! Остановись и выслушай меня! Вы, все! Яхм-Коах! Дайте мне сказать ему пару слов наедине!

Жрец, с любопытством наблюдая всю эту сцену, кивнул и дал знак. Разбойники, ворча, отступили.

— Послушай меня, — горячо зашептала Ремина. — Не страшно погибнуть в бою, но много ли чести погибнуть напрасно. Ты умрешь зря, а Яхм-Коах останется и все равно добьется от меня того, чего хочет. Оставшись жить, ты, зная его тайну, сумеешь найти способ помочь мне. Если... — она запнулась, подыскивая нужное слово, — если я для тебя что-то значу.

Конан промолчал, но брови его оставались нахмурены.

— Ты — единственный, кто сможет это сделать, — убежденно продолжала девушка. — Но главное не это. До свадьбы еще есть время, и за это время многое может случиться. Я верю, я предчувствую, что сейчас мы расстанемся, но расстанемся не навсегда, — горячо закончила Ремина.

Ничто не производит более сильного впечатления, чем слова, идущие из глубины сердца. Ремина видела, что Конан колеблется, видел это и Яхм-Коах, хотя и меньше чем девушка, заинтересованный оставлять в живых варвара.

— Ты должна знать, госпожа, — медленно сказал Конан, — что, однажды дав слово, я не беру его обратно. Кто-то подсказывает мне свыше, что делать этого я не должен.

— Одумайся, Конан! — почти выкрикнула баронесса. — Если погибнешь ты, то умру и я! Уехав, ты дашь мне, по крайней мере, надежду.

Варвар опустил голову и долго молчал. Кром, суровый бог киммерийцев, презирал трусов, но и не принимал в небесную обитель бессмысленных жертв. Быстрым взглядом Конан окинул толпу «волков» и чуть слышно вздохнул; разбойников много, а он безоружен, и, несмотря на гигантскую силу и звериную ловкость, шансов у него не было.

Конан в сердцах отбросил бесполезный сук, засунул руки за широкий кожаный пояс и, гордо вскинув подбородок, сказал, глядя поверх голов:

— Яхм-Коах, я принимаю твои условия.

— Отлично, — жрец не смог сдержать облегченного вздоха и благоразумно решил не затягивать сцену прощания. — Итак, ты свободен.

— Ты отпускаешь его?! — завопил Шрам, потрясая в дикой ярости мечом. — Ты отпускаешь этого... этого... Но ведь ты отдал его мне!

— Хочешь оспорить мое решение? — негромко спросил Яхм-Коах и Шрам смертельно побледнел под холодным взглядом жреца. Разбойник не раз видел, что случалось с теми, кто шел наперекор воле мага. Бормоча проклятия, Шрам отступил. — Как я сказал, так и будет! Возьми свое оружие, киммериец. Искренне желаю, чтобы оно принесло тебе много побед, но где-нибудь за пределами Зингары. Можешь выбрать любого коня.

Конан молча закинул меч за плечо, поправил на боку кинжал и, грубо расталкивая плечами толпу сцепивших от злости зубы «волков», пробился к ближайшей лошади.

— Вот и деньги, — напутствовал его чародей, протягивая варвару мешок с золотом столь солидных размеров, что Козим, увидев его, едва не лишился чувств. — Обычно я не вожу с собой крупных сумм, но для тебя я сделал исключение. Может, когда-нибудь ты это оценишь.

Конан на мгновение заколебался, потом махнул рукой и взял тугу набитый кошелек. Небрежно сунул его в седельную сумку, и, вставив ногу в стремя, вскочил в седло.

— Прощай, киммериец, — бросил Яхм-Коах.

Конан долгим взглядом посмотрел на Ремину. Девушка стояла, бессильно уронив руки, и глядела на северянина с какой-то отчаянной, почти безумной надеждой.

Киммериец подобрал поводья. Сейчас он был вооружен, сидел верхом на коне и, Кром свидетель, руки у него так и чесались! Дать коню шпоры,

разметать разбойников, подхватить Ремину и... Да, они могли бы уйти. Но он дал слово! Конану захотелось завыть, как волку.

* * *

Ремина смотрела вслед удаляющемуся киммерийцу, пока он не скрылся за склоном холма. Конан не обернулся, а она так надеялась, что вот сейчас, пусть даже в последний раз, она встретит его гордый, решительный взгляд этих бездонных синих глаз, из которых девушка черпала силы и мужество в последние дни. Но варвар не оглянулся. Он ехал не спеша, осунувшийся и неприступный, будто внутри него шла борьба между честью и голосом сердца. Вот уже и замерли ветки акации, сомкнувшиеся за его спиной, уgomонились потревоженные им птицы.

— Нам пора, баронесса, — напомнил ей терпеливо ожидающий рядом жрец, осторожно прикасаясь к ее плечу, и поспешно отдергивая руку.

Резким движением Ремина смахнула с глаз набежавшие слезы и гордо вскинула голову.

Пусть эта чернь не думает, что она смирилась со своей судьбой, она не выкажет перед ними слабости и не позволит упиваться своей победой. Никто не увидит ее слез. Дочь Сантоса Орландо будет достойна доблестного имени своего отца, о храбрости и мужестве которого в Зингаре ходят легенды.

— Не смей ко мне прикасаться, жрец! Клянусь, в другой раз ты горько пожалеешь об этом! Едем! — и девушка стрелой взлетела в седло, подхлестнула коня, сорвавшегося с места в галоп, оставив позади и жреца и разбойников, так что последним пришлось попотеть, прежде чем они нагнали беглянку.

Бешеная скачка отрезвила Ремину. Хлещущий в лицо ветер, высушил слезы, и лишь на сердце осталась печаль, но, видно, от нее ей уже никогда не избавиться. Повинуясь какому-то внутреннему порыву, Ремина внезапно перешла на рысь, совсем не беспокоясь, что ближайшие преследователи едва не налетели на нее. Кто-то пронесся мимо, кто-то, грязно ругаясь, осаживал своих скакунов, норовящих подняться на дыбы. А лошадь этого мерзкого коротышки Козима, так резко встала, что карлик не удержался в седле, и, пролетев через голову кобылы, совершил немыслимый полет и плюхнулся в дорожную грязь.

Причитая и жалобно скуля, он с трудом поднялся на ноги, зло сверкая глазами по сторонам. Грязь залепила ему лицо, вода ручьями стекала с

плеч. Разбойники покатывались со смеху, раскачиваясь в седлах, глядя на жалкого, всклокоченного коротышку, сейчас похожего на оскорбленного воробья, и Ремина смеялась вместе с ними, с ужасом осознав, что торжествует в душе.

— Благодарю тебя, баронесса, за это маленькое дорожное развлечение. Моим людям требовалась разрядка, — без тени улыбки сказал поравнявшийся с девушкой жрец. — Но обещай мне впредь вести себя благоразумно. К чему это глупое ребячество?

Смех замер сам собой, Ремина с вызовом взглянула в холодные глаза мага и опустила взгляд, прочтя в них неумолимый приговор.

— Мы выступаем! — громко крикнул жрец. — Козим, догоняй нас! И приведи себя в порядок, а то своим видом ты распугаешь всех гостей в замке. Знать не жалует оборванцев.

Разбойники снова заржали и неспешно повернули коней, пустив их шагом вслед за магом и баронессой.

— Как! — запричитал плаксивый голос Козима за их спинами. — Неужели ты ее не накажешь! Эту взбалмошную девчонку!.. Она обидела меня!

Яхм-Коах, не останавливаясь, обернулся в седле.

— Козим, Козим, да разве же она виновата, что ты так мал и твои ноги не достают до стремени боевого коня. Скорее в том повинны боги, попробуй обратиться к ним. Но чтобы не было обид, я обещаю, вернувшись в замок, выбрать тебе в стойлах осла. Надеюсь, этот скакун придется тебе по росту.

Возмущенные крики Козима утонули в дружном хохоте разбойников, и процессия двинулась дальше, оставив причитающего и топающего ногами карлика в одиночестве.

* * *

Узкая, разбитая дождями дорога медленно поднималась в горы. Широколиственный лес из величественных буков и грабов вскоре уступил место меловым скалам и отвесным' кручам, среди которых раскинулись мягкие ковры зеленеющих лугов, так и манящие уставших путников прилечь и отдохнуть в их объятиях. День еще только начался, а пастухи уже гнали на выпасы свои отары, белеющие на склонах, словно опустившиеся с небес облака. В узких горных долинах, где с отвесных утесов срывались вниз прозрачные звенящие ручьи, раскинулись

знаменитые зингарские виноградники и цветущие апельсиновые сады. Солнце уже высоко поднялось над скалами, и снежные шапки и ледники горных пиков сверкали в его ласковых лучах, словно неугасающие костры, разложенные богами. Птицы на все голоса приветствовали трелями новый день, прячась в густой, свежей зелени. Прозрачный воздух, казалось, так и звенел от бесчисленных насекомых, деловито перелетающих с цветка на цветок. В бездонной синеве небес, гордо расправив крылья, парил орел, словно пловец, борющийся с волнами среди безбрежного океана.

Проследив взглядом за величественным полетом птицы, Ремина горестно вздохнула.

"Как мы похожи с ним, — подумала она, — и такие же одинокие в целом свете. Никто не сможет мне помочь. Даже этот синеглазый гигантварвар, оставил меня".

От жалости к себе на глазах юной баронессы вновь простили слезы, и сердце сжалось от тоски, но она решительно подавила набежавшую минутную слабость и заставила взять себя в руки, хоть это и стоило ей огромных усилий.

— Не печалься, госпожа моя, не думай об одиночестве, — вкрадчиво и как-то даже по-отечески обратился к ней Яхм-Коах, словно прочтя мысли баронессы. — Любая зингарская девушка знатного рода, почтет за честь быть супругой герцога Ренальда — этого храбрейшего человека, прославившего грозой диких пиктов. Смирись с неизбежным, боги сделали свой выбор, и не нам, смертным, судить их.

Ремина в ужасе отшатнулась от мага, будто увидела рядом с собой ядовитую змею.

"О, Митра! Он видит насквозь мои мысли!"

Сделав глубокий вздох, чтобы не выдать волнения и страха, она ответила ровным спокойным голосом:

— Не стоит и пытаться разжалобить меня своею болтовней. Я презираю и ненавижу тебя. Боги накажут тебя за предательство, и ты еще сполна ответишь за свое вероломство.

— Боги всегда на стороне сильных, — назидательно молвил маг. — Да и кто отважится тягаться со мной? А... я, кажется, догадываюсь. Ты, верно, все еще думаешь об этом киммерийском варваре? Не его ли ты видишь карающим мечом в руках богов?

— А хоть бы и его! — с вызовом вскрикнула Ремина и до крови прикусила губу, досадуя на свою вспыльчивость.

— Ах, вот оно что! Значит, я попал в точку. Удачливый смелый варвар-красавец. Лучше забудь о нем! Поверь мне, он сейчас только и мечтает

добраться до постоянного двора и залиться вином на то золото, за которое я купил его слово.

Ремина ничего не ответила, отвернувшись в сторону, всем своим видом выражая презрение к собеседнику. Жрец усмехнулся и придержал коня, оставив девушку наедине со своими мыслями. Так они ехали весь день, почти не останавливаясь, но только к вечеру достигли замка.

Закатное солнце позолотило вершины гор, когда замок Орландо черной громадой вырос на скалистом склоне, словно расправивший крылья дракон. Угрюмые бастионы мрачными молчаливыми стражами нависали над долиной, и грозные дозорные башни пронзали вечеряющее небо, будто острые клыки хищников. С ближайших отрогов в долину сползали белесые языки тумана. В этот час родной замок показался Ремине ужасной тюрьмой, где суждено ей томиться до конца своих дней. Она с надеждой и тоской оглядывала высокие башенные шпили, но кроме знамени с гербом барона не заметила ничего. Значит, герцог еще не в замке и ей не в ком искать защиты — вокруг лишь равнодушные лица врагов и предателей. Нет, видно и в самом деле, ей придется смириться со своею судьбой.

Шрам поскакал вперед, громко окликая стражников на стенах.

— Эй, кто там еще кричит! — Чья-то всклокоченная голова высунулась из-за башенных зубцов, всматриваясь в уже сгустившийся у подножия стен полумрак.

— Живо мост опускайте, псы! — свирепо откликнулся разбойник, успокаивая свою лошадь, нетерпеливо танцующую под седоком.

— Это ты, Шрам?! А мы вас только завтра ждали.

В башне возникла суeta, загремели железные цепи, заскрипели петли, и подвесной мост стал медленно, словно нехотя, опускаться. Отряд въехал в ворота замка, приветствуемый криками стражников и осыпаемый градом вопросов. На мага и Ремину переодетые в воинов разбойники с цветами и гербом барона поглядывали с опаской, словно боялись их. И не напрасно: Яхм-Коах, смертельно устал от дороги, весь день проторяясь в седле, а вместо заслуженного отдыха здесь его ожидали неотложные дела и этот скучный и беспокойный посланник герцога, да и от девчонки можно всего ожидать... надо бы устроить ей встречу с отцом — это умерит ее строптивость. Ремина, безучастная к происходящему вокруг, позволила двум негодяям из шайки Шрама помочь себе спуститься с лошади.

— Тебе следует умыться и переодеться с дороги, госпожа моя, — примирительно обратился к ней маг. — А затем я представлю тебя посланнику герцога. Веди себя подобающим образом, не заставляй меня причинять боль твоему отцу.

Девушка ничего не ответила, лишь одарила мага таким пронзительным взглядом, что он почел за благо отвернуться, делая вид, что занят другими делами.

Молча, словно бездушный призрак, Ремина последовала в свои покой, сопровождаемая дюжим стражником. Жрец отдал все необходимые указания, и устало повернулся к Шраму, преданно ожидающему за его спиной.

— Я доволен тобой, — благосклонно сказал маг. — Ты и твои люди достойны награды. Идем, я расплачусь с тобой. Тысяча золотых всем и пятьсот тебе, думаю, будет вполне достаточно.

— Вы как всегда щедры, мой господин, — прижал руку к сердцу, ответил разбойник. Дайте мне тысячу золотых, чтоб бросить кость моим головорезам, а мою долю оставьте себе.

— Тебе что, этого мало, мошенник! — маг в удивлении вскину брови. — Назови свою цену!?

— О нет, господин! — поспешил откликнуться Шрам. — Вы более чем щедро оценили мои скромные заслуги.

— Чего же ты тогда хочешь? Говори быстрее! — Яхм-Коах стал терять терпение.

— Мой господин, отдайте мне варвара! — горячо заговорил Шрам. — Кровь убитых им воинов взывает к отмщению!

— Ну, нет! — срывающимся голосом взвился жрец, так что все, кто находился поблизости, невольно обернулись на его крик. — Ни в коем случае! Мне вовсе не нужны неприятности! Ступай прочь, больше не желаю терять с тобой время.

— Как прикажете, господин, — покорно склонился перед магом разбойник и счастье Яхм-Коаха, что он не видел его горящих ненавистью глаз.

Недовольно бурча себе что-то под нос, маг покинул замковый двор. Скрылся в башне и Шрам со своими людьми. Чутко прислушивающийся к их разговору Козим покрутил головой, будто не в силах решить для себя какой-то сложный вопрос, сплюнул под ноги и поплелся за главарем шайки. Коротышка был сердит на весь подлунный мир и мечтал сорвать на ком-нибудь злость. Вопреки приказанию мага, он не стал приводить себя в порядок, а, забившись поглубже в кусты, тщательно пересчитал заработанные им монеты. Правда, потом, рискуя жизнью, ему пришлось догонять кавалькаду, но увесистый мешок золота блаженно согревал его сердце, и Козим не ведал опасности.

Жрец, мучаясь одышкой, тяжело поднялся по ступеням крутой

винтовой лестницы и оказался перед маленькой, обитой медью, дверцей. Видимо заслышав его шаги, чернокожий невольник распахнул дверь перед своим господином и согнулся в раболепном поклоне, попуская жреца внутрь помещения.

Яхм-Коах шагнул в комнату, с удовольствием оглядел роскошное убранство библиотеки барона, теперь уже как свои личные апартаменты, и небрежно обгился к слуге:

— Как дела, Вакаши? Все ли в порядке в замке?

— Все покойно, господин, — с готовностью откликнулся раб, помогая магу снять с плеч насквозь пропыленный плащ.

— А что посланник герцога Ренальда? Надеюсь, он не очень скучал, в наше с бароном отсутствие? — спросил Яхм-Коах, рассмеявшись собственной шутке. И не дожидался ответа, продолжил свою мысль: — Ну, ничего, мне удалось поймать девочку... Увидев ее красоту, посланник сразу позабудет о печали. И все же. Следует принять меры чтобы избежать неприятных сюрпризов. Больше отсюда никто не сбежит... Вот что, Вакаши, вели позвать Птенчика и пусть подогреют воды, я желаю умыться.

— Вода же готова, господин. Я велеть слугам весь день держать огонь в очаге, — сообщил невольник уже с порога.

"Вот, если бы все мои слуги были так расторопны, — с удовольствием подумал маг. — Скоро, очень скоро это мое желание сбудется".

Пока шемитские рабыни умывали жреца и растирали его тело благовониями, в дверь тихонечко постучали.

— Входи Птенчик, входи, — откликнулся Яхм-Коах, отпуская шемиток небрежным взмахом руки. — Ты заставляешь себя ждать.

— Прошу прощения, мастер, — разбойник протиснулся в дверь, и встал с повинно опущенной головой перед магом, неловко переминаясь с ноги на ногу, — но там, — он смущенно запнулся, — делили деньги.

— Вот как? — жрец неподдельно удивился. — Тебя все еще тешит блеск золота?

— Нет, мастер, высшая награда для меня — служить вам, — разбойник всем телом подался вперед и от избытка чувств пал перед магом на колени.

— Ну, встань же, — Яхм-Коах самодовольно улыбнулся. — Я вовсе не сомневаюсь в твоей преданности. Но сейчас как раз настал тот момент, когда мне нужна ваша служба. Я слышал, этот Конан убил Клыкача: ты потерял друга, а лишился преданнейшего человека. Верь мне, на сердце моем лежит искренняя печаль.

— Приказывай, повелитель! Наша жизнь и смерть принадлежат

тебе! — ревностно выкрикнул Птенчик, оставаясь стоять на коленях.

— Надо наказать презренных селян с того хутора, что следят за подземным ходом, — закипая злостью, выпалил маг. — Они осмелились помочь баронессе, и за это их ждет расплата.

— Прикажешь убить их? — бесстрастно спросил разбойник.

— Да, всех до единого! Включая детей и женщин! Пусть знают силу моего гнева!

— Будет исполнено, повелитель, — торжественно ответил Птенчик, и лицо оборотня расплылось в зловещей улыбке.

— Ступай, у меня еще много дел. Оставайтесь на хуторе и пуще глаза стерегите вход в подземелье.

Низко кланяясь, Птенчик вышел из кабинета.

— Что ж, по крайней мере, за это я могу быть спокоен, — жрец удовлетворенно потер руки. — Теперь посланник. Эй, Вакаши!

Не прошло и мгновения, как чернокожий раб стоял, склонившись перед господином. Маг даже вздрогнул от неожиданности.

— Готова ли баронесса? — недовольным тоном спросил Яхм-Коах.

— Да, господин, она ждет в нижней зале.

— Чудесно, я спускаюсь к ней.

Ремина неподвижно стояла у узкого зарешеченного окна, всматриваясь в уличную темноту, и, прислушиваясь к плачу ветра в камине, когда в зал быстрым шагом вошел Яхм-Коах.

— Прекрасно, баронесса, замечательно. Я вижу, мы договорились. — Маг окинул девушку цепким взглядом с ног до головы и поцокал от удовольствия языком.

Платье нежно-фиолетового цвета плотно облегало ее стройную фигуру, тщательно уложенные локоны светлых волос ниспадали на плечи, из всех украшений девушка выбрала лишь одно — жемчужное ожерелье, оставшееся ей в память о матери. Ни на появление мага, ни на рассыпаемые им комплименты Ремина не реагировала.

— Не хочешь говорить? — обиженно молвил жрец. — Я противен тебе? Но может, так ты станешь со мной разговорчивей?

Посыпалось какое-то шипение, и голос до боли родной и близкий ласково позвал ее:

— Дочка, милая, иди же ко мне.

Ремина порывисто обернулась. Посреди зала стоял барон Сантос и с нежностью протягивал к ней руки. Барон широко улыбался и шагал ей навстречу, намереваясь прижать к родительской груди.

— Отец! — выдохнула Ремина, и первым ее желанием было броситься

в эти объятия и выплакать все, что наболело в душе.

Но внимательно присмотревшись, она с ужасом и негодованием заметила, что глаза идущего ей навстречу человека были иного цвета, нежели у ее отца. Преодолевая отвращение и боль в разбитом сердце, она заставила себя приблизиться к магу, но вместо ожидаемых им объятий залепила ему звонкую пощечину.

— Не смей так шутить со мной! с яростью выплеснула она. — Неужели ты думал, что я попадусь на твою уловку.

— Ты об этом еще пожалеешь, девчонка! — прошел жрец сквозь зубы, потирая покрасневшую щеку. — Делай, что я велю, иначе, клянусь своим посохом, я лично вытяну все жилы из барона.

— Ты не посмеешь этого сделать!

— Хочешь при этом присутствовать?! — зашипел Яхм-Коах, грозно надвигаясь на испуганную баронессу.

— Ладно, — сдалась Ремина, прижатая жрецом к стене, — что тебе нужно от меня?

— Вот так-то лучше, — маг позволил себе расслабиться. — Сейчас мы пойдем в главный зал, там ждет нас посланник. Будь полюбезней с ним, ну и со мной, конечно. Да, и улыбайся, улыбайся, баронесса, улыбка так тебе к лицу.

Пройдя анфиладой комнат и коридоров, они попали в главный зал — огромное, полупустое помещение с высокими сводчатыми потолками. Дюжина толстых свечей едва рассеивала мрак в помещении. Когда-то здесь шумели пиры, играла музыка и танцевали гости; между столами сновали слуги, обнося пирующих яствами; под ногами вертелись охотничьи псы, выпрашивая подачки у бражников. Вспомнив эти счастливые дни, Ремина чуть не расплакалась, но зорко следивший за ней Яхм-Коах, заметил неладное и больно ушипнул ее за руку.

У пылающего камина в человеческий рост стоял высокий молодой господин, скрестив на груди руки, задумчиво следя за пляской огня.

Подтянутость и выпрявка, строгий зеленый костюм, лишенный всяких изысков, мягкие сапоги для верховой езды, неброская перевязь с длинным мечом и тонкий кинжал за поясом, выдавали в нем воина, а не напыщенного придворного кавалера. Молодой человек повернул голову на звук их шагов, холодно посмотрел на барона, но когда он повернулся к юной баронессе, взгляд его сразу смягчился. Приятная, располагающая улыбка осветила его красивое с тонкими, правильными чертами лицо, и он торывисто шагнул им навстречу.

— Барон, я счастлив видеть вас, — сказал он мягким бархатным

голосом, от звуков которого у Ремини вдруг бешено заколотилось сердечко. — Достаточно ли легок был ваш путь?

— Благодарю вас, господин Кабраль. Весь путь мы наслаждались видом гор и не заметили, как добрались до замка, — чопорно ответил Яхм-Коах, вызывая удивление у Ремини: прежде она не замечала наличие светских манер у жреца. Между тем маг продолжал: — Позвольте вам представить мою dochь — баронесса Ремина Орландо. Дочка, это господин Кабраль, поверенный в делах герцога Ренальда.

Кабраль галантно поклонился. Ремина ответила легким кивком головы.

— Не вы ли, господин Кабраль, вели полки герцога на штурм крепости Адена ла Банта и первым водрузили его знамя на стенах? — очаровательно улыбаясь гостю, спросила девушка. — Слава об этом подвиге прогремела на всю Зингару.

— Ну что вы, баронесса, пощадите! — искренне запротестовал юноша. — Разве мог я один совершить столь великий поступок. В том честь и слава ратников герцога — храбрейших воинов во всей Хайбории.

— О, если все воины его светлости так же мужественны и скромны, как и вы, любезный господин Кабраль, то я могу представить, каков же сам герцог Ренальд, — влез в разговор лже-барон.

— И смею вас заверить, непременно ошибетесь, — не замедлил с ответом посланик — Нет на земле той меры, чтоб по достоинству оценить ум, храбрость и добродетели моего господина.

— Велик тот государь, кому служат люди подобные вам, — восхищенный ответом, поклонился маг. — Ведь герцог Ренальд доводится двоюродным братом нашему королю?

— Истинно так, господин барон, — подтвердил его слова юноша.

— Для меня великая честь породниться с братом короля, — не унимался жрец, стараясь привлечь к себе внимание посланника, ибо взгляд того был буквально прикован к Ремине.

— Честь не в титулах и родстве, ее с мечом в руках добывают на бранном поле или трудами на мирной ниве, — довольно холодно ответил Кабраль, наконец, обернувшись к барону. — Однако я вынужден спросить: все ли готово к обряду, мой друг?

— Я лично все проверил, и смею утверждать, что к свадьбе все готово, — поспешно заверил его жрец. — Когда нам следует ожидать прибытия его светлости?

— Мой господин должен появиться здесь утром, если не случиться непредвиденных задержек в дороге.

При этих словах Кабрала кровь отхлынула от лица Ремины.

"О, Митра! Неужели уже завтра!" А она так надеялась, что у нее есть еще какое-то время, и может боги пошлют ей помочь.

— Тогда не будем откладывать это приятное дело в долгий ящик и в тот же день поженим молодых, — предложил Яхм-Коах. Сердце баронессы упало.

— Со своей стороны я возражений не имею, — кивнул головой посланник. — Но мне хотелось побеседовать с вашим жрецом о деталях. Где, кстати, он?

— Прошу прощения, господин Кабраль, — не задумываясь, соврал лже-барон. — Яхм-Коах — мудрый и ревностный служитель Митры, но никудышный наездник. День, проведенный в седле, буквально свалил его с ног. — Видя тень неудовольствия, промелькнувшую на лице посланника, маг поспешно добавил: — Но он обещал к нам спуститься, чтобы оказать честь столь высокому гостю. Позвольте, я схожу за ним.

— Сделайте милость, — охотно согласился юноша. — А за меня не беспокойтесь, в обществе такой очаровательной дамы я просто не сумею заскучать.

Барон откланялся и вышел, напоследок метнув в сторону девушки весьма красноречивый взгляд.

Кабраль приблизился к Ремине и с поклоном подал ей руку. Девушка в недоумении захлопала ресницами:

— О, не пугайтесь, баронесса. Я просто хотел предложить вам прогуляться по залу. Для меня день, проведенный без движения, подобен тяжкому недугу, — рассмеялся юноша.

Ремина не могла удержаться от ответной улыбки и церемонно приняла приглашение. Его рука была крепкой и твердой, привыкшей более к грубой коже рукоятки клинка, чем к нежным женским локоткам.

— Вы видели когда-нибудь герцога? — неожиданно спросил он.

— Нет, — честно призналась девушка, — но много слышала о нем лестного. Однако я вынуждена признать, что ваш вопрос сильно взволновал меня.

— В самом деле, но отчего же?

— По прихоти богов, как бы в насмешку, порою средоточием добродетелей чаще бывают люди ущербные телесно, лишенные физической красоты, — с трудом подбирая слова, чтобы не обидеть этого приятного юношу и его господина, которому, по всему было видно, он был предан душой и телом, пояснила баронесса причину своего внезапного беспокойства.

— Ах, вот вы о чем, — юноша вновь тихо рассмеялся и нежно коснулся свободной рукой ладони Ремини, в миг раскалившейся до кипения крови.

— Смею вас уверить, герцог Ренальд, исключение из этих правил. Уж поверьте мне на слово.

От слов юного кавалера у Ремини потеплело на душе. Ей вдруг смертельно захотелось довериться этому человеку и открыть ему страшную тайну и тот великий обман, что творился в их замке. Но прежде она спросила:

— Скажите, господин Кабраль, много ли прибыло с вами людей и сколько воинов в свите герцога.

Теперь настала очередь удивляться посланнику.

— Чем объяснить ваш вопрос? — Юноша даже замедлил шаг. — Со мной лишь несколько медиков. Да и с герцогом будет немного, не больше полусотни воинов.

Незаметно за разговором они прошли зал насквозь.

От досады и разочарования Ремина закусала губу. И все же решила признаться:

— Выслушайте меня, господин Кабраль, — горячо зашептала она, взяв юношу за руки, но договорить не успела. В тот самый миг, когда слова признания уже готовы были сорваться с уст девушки, рядом с ними с шумом распахнулась дверь, и в зал ворвался запыхавшийся Яхм-Коах в истинном своем обличий.

— Что с вами, любезный? — вопросительно взглянул на него посланник. — У вас такой вид, будто вы бежали сюда всю дорогу. Кстати, ос-подин барон отправился на ваши поиски.

Наблюдения юноши были недалеки от истины. Покинув зал, жрец быстро побежал по коридору и свернул в неприметную боковую нишу. Альков заканчивался глухой стеной грубой кирпичной кладки. Отсчитав третий слева кирпич, маг уверенно надавил на него рукой, и перед ним распахнулась маленькая дверь, ведущая куда-то в темноту. Но жрец без страха шагнул за порог, лишь вздрогнув, когда дверь за ним плотно закрылась. Здесь у него был приготовлен огарок свечи и огниво. Добывая огонь, Яхм-Коах потратил несколько драгоценных мгновений, но все же вышел победителем из этой борьбы. Освещая себе дорогу свечой, он бегом бросился по тоннелю, огибающему зал по широкой дуге, проклиная строителей замка, барона Сантоса и всех его предков.

Жрец боялся надолго оставлять баронессу и этого юного рыцаря, втайне ненавидя его за молодость, честность и преданность своему

господину. И видно успел он как раз вовремя: судя по тому, как побледнела девушка и с какой поспешностью выпустила она руки Кабрала, между ними шла доверительная беседа.

Недовольная гримаса на лице рыцаря, застывшая с появлением мага, тоже красноречиво свидетельствовала в пользу этой догадки. Ну, на девчонке он еще отыграется, а сейчас главное — отвлечь внимание герцогского посланника.

— Прошу прощения, — расплылся в притворной улыбке жрец, — с приходом старости человек становится мудрее, но она же отнимает у него силы. Мы, верно, разминулись с господином бароном. Однако если он разыскивает меня, стало быть, вы пожелали меня видеть?

— Вы правы, почтеннейший Яхм-Коах. Я бы желал обговорить некоторые мелочи, касающиеся завтрашних торжеств.

— С радостью, мой господин, — засветился улыбкой жрец. — Но, думаю, наш разговор будет скучен баронессе. Позвольте ей уйти. Ночь перед свадьбой — великое таинство. Взгляните, как она бледна, бедняжка так устала с дороги.

— Но... — возразил было Кабраль, однако не нашел веской причины просить баронессу остаться.

Ее слова встревожили юношу, и он страстно желал продолжить прерванный разговор.

Взглянув на Ремину, он ужаснулся ее мраморной бледности, приняв на веру объяснения мага и не заметил мольбы в глазах баронессы.

— Вынужден согласиться с вами, — неохотно признал юноша. — Льщу себя надеждой, навестить вас еще перед сном. Вам следует хорошенько отдохнуть, иначе волнения дня могут запросто свалить вас в постель.

— Нет, нет, нет — громко запротестовал Яхм-Коах, изображая из себя ревностного служителя культа, и даже для убедительности замахал руками. — Эту ночь девушка должна провести в молитвах, общаясь с Митрой. А для светских бесед у вас еще будет время.

Маг одарил Ремину испепеляющим взглядом, и бедная девушка скжаслась от ужаса и едва смогла взяточно ответить посланнику, пожелавшему ей доброй ночи.

На непослушных ногах она покинула главный зал. Отчаяние и страх переполняли ее душу.

Последние надежды рушились. Завтра приедет герцог, весь день в замке будет царить суeta, и ей не удастся улизнуть из-под надзора стражей, чтобы переговорить с этими мужественными воинами и вызволить из

неволи отца. И как подтверждение ее горьких мыслей, от стены, точно привидение, отделилась огромная тень. Ремина вскрикнула от ужаса и спрятала лицо в ладонях. Приведение сверкнуло безукоризненной белозубой улыбкой и обернулось чернокожим Вахаши.

— Моя провожать тебя, — коротко бросил он. — Чтобы твоя больше не убегать. Так приказывать господин.

— Моя ненавидеть твой вонючий господин, — передразнила раба Ремина. — И тебя тоже, — добавила она, немного подумав.

Улыбка мигом сползла с лица гиганта, и он жестом приказал Ремине идти вперед.

Глава VI

Козим бесцельно бродил по замку. Настроение его нисколечко не улучшилось, хотя он и надавал подзатыльников слуге, небрежно вычистившему его сапоги. Причиной скверного состояния духа послужил несправедливый, с точки зрения коротышки, дележ золота. Шрам щедро одарил всех своих людей, никого не выделяя особо, но когда очередь дошла до Козима, решительно и грубо оттолкнул карлика от стола.

— Ты уже получил свою долю, — с издевкой отрезал разбойник.

— Но разве я не такой же член вашей шайки! — возмутился Козим. — Разве я не поймал киммерийца! — негодовал он, поедая глазами громоздившуюся на грязном столе кучу золота.

— Скорее варвар поймал тебя и всех нас в дураках оставил! — окрысился на него Шрам.

— Послушай, Шрам, ведь мы же с тобой друзья, — сбавил в тоне коротышка. — Ну что тебе стоит со мной поделиться? Всего каких-нибудь десять монет. А я при случае замолвлю за тебя словечко перед хозяином.

— Вы только поглядите на этого горе-защитника! — расхохотался Шрам ему в лицо, призывая в свидетели своих товарищей. — Что стоит твое слово для жреца!? Прочь отсюда, и не показывайся мне больше на глаза!

Втянув голову в плечи, под градом насмешек, Козим поплелся восвояси. Так он оказался во дворе. На небо выкатилась полная луна, и мириады звезд усыпали алмазами шёлковый ночной ковер. Карлик с трудом забрался на коновязь и с самозабвением стал рассматривать узоры в поднебесье, вытканные богами. Он мечтал подняться за облака, чтобы бродить среди звезд, казавшихся ему самоцветами, и собирать их в большой мешок. О, он бы не пропустил ни одной, даже самой маленькой звездочки. Козим так размечтался, что не сразу заметил, как на двор вышли «бешеные». Разбойники о чем-то негромко разговаривали между собой и весело смеялись собственным шуткам, направляясь к воротам замка. Лошади беспокойно заржали, когда бандиты проходили мимо конюшни. Козим вжался в стену и впервые пожалел, что он не маг, а то бы, в сей же миг, стал невидимым. Карлик панически боялся и недолюбливал «бешеных» и не хотел оказаться с ними один на один на пустынном дворе. Разбойники знали об этой его слабости и не упускали случая поиздеваться над ним. Особенно старался этот верзила Клыкач, чтоб его демоны на том

свете рвали!.. Спасибо небесам, киммериец проткнул паршивца, храни Митра этого твердолобого варвара.

На этот раз Козиму повезло, «бешеные» его не заметили, торопясь по каким-то своим делам. Хотя какие у них дела — как всегда людям глотки резать. Приятные мечты и пережитый страх, навеяли на карлика сон. Козим сполз со своего насеста и на заплетающихся ногах поплелся в общую залу, где раньше жили воины барона, а теперь безраздельно хозяйничали «волки». Коротышка уже потянулся к дверной ручке, когда дверь резко распахнулась, припечатав его к стене, и кто-то осторожно выглянул во двор.

— Вроде все тихо, — произнес чей-то голос, так невнятно, что Козим не узнал говорящего, но слова рассыпал.

— Хорошо. Идем в башню, подальше от лишних глаз.

Карлик вздрогнул, голос Шрама он знал хорошо. Сквозь щель в дверях коротышка видел, как несколько разбойников крадучись выбрались на улицу и с оглядкой вдоль стены направились в башню.

Любопытство пересилило страх.

Шрам явно что-то затевал, и Козим не мог упустить возможности быть в курсе всех событий в замке. "Э, да тут пахнет заговором", — быстро смекнул коротышка и словно мышь юркнул в густую темноту.

Незаметно проследовать за «волками» было для него парой пустяков. Громилы Шрама озирались по сторонам и совсем не обращали внимания, что творилось у них под ногами. На четвереньках карлик шустро двигался вдоль стены, не замечая, что руки часто увязали в лошадином деръме, ведь двор теперь никто не подметал.

Решетку, преграждавшую вход в башню, забрал Клок Шерсти для своих машин. Разбойники гуськом втянулись внутрь. Последним, оглянувшись на сонный двор, и не заметив ничего подозрительного, в лаз скользнул Шрам. А подозрительное было тут как тут, превратившись в глаза и уши.

— Все, стойте здесь! — скомандовал главарь.

— Лучину надо бы запалить, — предложил сиплый голос.

— Не надо, свет заметят.

— Говори! — поторопил его кто-то.

— Я так думаю, — начал Шрам. — Киммериец убил наших братьев, прими Митра их души. А сам живой ходит, да еще и с тугим кошельком.

— Правильно! Нельзя этого так оставлять! «Волки» мы или кто?!

— Вот и я о том же! Варвара надо убить!

— Но ведь ты сам говорил, что жрец строго-настрого запретил его

трогать, — раздался чей-то опасливый голос.

— А почему, по-твоему, мы забились в эту дыру, а, Молчун? — ядовито спросил главарь. — Магу об этом знать ни к чему.

— Да, я чего, как решим...

— Заткнись! — резко оборвал его Шрам. — Кинем жребий, кто пойдет.

— Лучину надо запалить, — с укоризной промолвил сиплый.

— Не нужен жребий, все пойдем.

— Верно сказал!

— Нет, всем не с руки, уйдем все — заметят, — повысил голос Шрам
— Может кто сам хочет вызваться?

В башне повисло напряженное молчание, только слышалось глухое сопение разбойников.

— Я пойду! У меня на варвара руки чешутся!

— Еще кто, кроме Шила? — спросил главарь, и для поднятия духа добавил. — Деньги, что возьмете у варвара, — ваши, делить не будем.

— Коли так, я согласен!

— И я пойду!

— Все! Вы трое, — подвел черту вожак. — Конана сонным берите, варвар будет мертвецки пьян.

— Откуда ты знаешь, что он наберется? — недоверчиво спросил Молчун.

— А что по-твоему он с золотом делать станет? — вопросом на вопрос ответил Шрам.

— И то верно, — согласились все.

— Теперь расходимся. А вы скачите, не мешкайте, "У Понтикуса" его ищите.

Затаив дыхание, Козим ловил каждое слово из этого разговора и едва успел спрятаться за углом, когда разбойники потянулись из башни.

Мозг карлика напряженно работал. «Волки» разошлись кто куда, а он уже знал, какую выгоду возможно получить в этом деле. И если дело сулило прибыль, то даже боги опускали руки перед терпением и упорством, с которым Козим шел к намеченной цели. Дождавшись, когда двор опустел, и сонный замок затих в ожидании утра, коротышка выбрался из своего укрытия и вприпрыжку бросился на конюшню.

Лошади недовольно хранили и подозрительно косили на карлика большими умными глазами, когда он скорым шагом проходил мимо стойл. Здесь содержались великолепные иранистанские кони и быстроногие аквилонские рысаки, но на этих благородных животных Козим даже не

задержал свой взгляд. Ему было нужно нечто особенное, такое, что без труда преодолеет трудности горной тропы, пусть не быстрое, но сильное и выносливое животное.

И, наконец, он нашел то, что искал, остановившись перед стойлом со старым мулом, удовлетворенно цокая языком.

— Я буду звать тебя Удача, если ты, лошадка, поможешь мне, — Козим ласково похлопал мула по морде.

Мул нервно постриг ушами, но ласку принял, тяжело вздохнул и позволил себя оседлать. Козим под уздцы вывел мула на двор, с трудом взобрался в седло, воспользовавшись высокой коновязью и, не спеша направился к воротам.

— Стой, назови себя! — приказал строгий голос стражника у подвесного моста.

Воин высоко поднял факел над головой, пытаясь разглядеть, кого еще тут несет на ночь глядя.

— Это я, Козим! — откликнулся карлик.

— И верно, Козим, — согласился разбойник, подойдя поближе. — Что за ночь сегодня?! — посетовал он. — Все шастают туда-сюда кому не лень. Чего не спится людям?

— Приказ Яхм-Коаха, — доверительно сообщил ему коротышка, наклоняясь почти к самому уху стражника. — Давай открывай, дело срочное.

— У кого оно нынче не срочное? — недовольно ворча, стражник навалился на ворот решетки.

— Погоди, приятель, вот завтра будет суэтный денек, — пообещал ему Козим, не подозревая, как близко к истине его пророчество.

— Это правда, — повздыхав, согласился ворчун. — Удачи тебе. Но, пошел!

"Да, удача мне явно понадобится", — подумал про себя коротышка, и пустил своего скакуна легкой рысью, мерно потрусиив по залитой лунным светом дороге.

Городок мирно спал, погрузившись в ночную мглу. В который раз выскочивший на двор по нужде горшечник, заметил, что звезды померкли, а значит близилось скорое утро. С блаженной улыбкой освободив взбунтовавшийся желудок, гончар уже натягивал штаны, да так и замер, когда по улице, нещадно нахлестывая лошадей промчалось трое верховых, направляясь к таверне Понтикуса.

"Похоже, кто-то из «волков», — подумал перепуганный мастер. — Лихая нынче выдалась ночка. Сначала этот коротышка... теперь, вот,

разбойники... Неладное что-то в Овражке творится".

Продрогнув от холода, горшечник вспомнил о причине, по которой попал на двор, и, поправляя штаны на бегу бросился к дому.

* * *

Шаркая по полу, Понтикус в длинной ночной сорочке, зевая на ходу, спустился в общий зал, недовольно прислушиваясь к настойчивому стуку в дверь.

"Будь проклята эта работа! — думал он, пытаясь угадать, кто скрывается за этим стуком. — Судя по нетерпению, с которым гость ломится в дом, несмотря на столь ранний час, должно быть, это кто-то важный. Если так, налью себе чарку вина, я ее заслужил. А если это какие-нибудь голодранцы?!" — с ужасом представил Понтикус, но эта мысль настолько пришла ему не по вкусу, что он тут же выкинул ее из головы.

Аккуратно поставив масляную плошку, с плавающим на дне горящим фитилем, на крайний стол, Понтикус звякнув бронзовой щеколдой и распахнул дверь перед ночным посетителем. При этом, чтобы не слазить себя, он даже зажмурил глаза, не забыв растянуть опухшую от сна рожу в приветливой сладкой улыбке. А когда открыл, то чуть не вскрикнул от обиды — за дверью никого не оказалось. Досада и разочарование застыли на ставшем вмиг несчастным лице хозяина постоянного двора.

— Кого ты там увидел, жирный боров? — беззлобно спросил Козим, оглядываясь в темноту. — Не предложишь войти?

— Ах, господин Козим! — подпрыгнул до небес от счастья Понтикус, с обожанием глядя на маленького человечка у себя под ногами. — Какая удача! Какая честь для меня! Вот никак не ожидал! Проходите, проходите! Вы всегда здесь желанный гость!

— Чего это ты раскудахтался?! — подозрительно спросил коротышка, удивленный столь радушным приемом.

— Не поверите, господин Козим, как я рад... — захлебываясь от восторга, стал рассказывать хозяин, но был бесцеремонно прерван маленьким человечком, решительно шагнувшим за порог.

— Вот тут ты прав, не поверю, — согласился Козим. — Скажи-ка, любезный, в какой комнате я могу найти варвара? Я видел его лошадь на конюшне.

— Но он просил его не беспокоить, и щедро заплатил за молчание, — сразу как-то замкнулся хозяин, в котором вдруг проснулась

профессиональная гордость.

— Да полно тебе, — попробовал урезонить его Козим. — Конан — мой друг и, уверяю, будет рад со мной встретиться.

— Ну что вы, господин, я хорошо помню вашу последнюю встречу, — ехидно захихикал Понтикус.

Карлик поморщился и полез в карман.

— С тех пор слишком много воды утекло, — философски заметил он, подбрасывая на ладони золотой. — Монета твоя, если скажешь мне, где киммериец.

— Гм... — алчно облизываясь, пошел на попятную хозяин. — Он сейчас не один...

— А с кем еще? — удивленно вскинул брови коротышка.

— Не знаю, удобно ли?..

— Говори, что ты мамлишь! — вскипал Козим.

— Он наверху, с женщиной! — выпалил Понтикус, и почувствовал глубокое облегчение.

Без слов карлик бросил ему монету, взял масляный светильник и решительно направился к лестнице.

— Я бы на вашем месте не рисковал, — бросил хозяин в след, но тот как будто и не слышал его слов, уверенно взбираясь по ступеням.

Найти комнату варвара не составило труда. Дверь была настежь распахнута, на пороге валялся сапог киммерийца и черепки разбитого об косяк кувшина. Именно они и заставили Козима замедлить шаг.

"Сразу войти или постучать? — так и эдак прикидывал он. — Кажется, варвар не в духе. Второй сапог по-прежнему с ним, стало быть — риск велик... А была, не была!"

Козим с быстротой атакующей кобры ворвался в комнату и огляделся в поисках укрытия. Слишком поздно он вспомнил, что обстановка спален на постоялом дворе "У Понтикуса" могла поспорить с убранством пещер аскетов.

Но карлик не растерялся, ничком рухнув на пол, шестым чувством уловив опасность. Проделал он это весьма вовремя: кувшин из-под вина со свистом пронесся над его головой и, пролетев через дверь, с шумом разлетелся на куски в коридоре.

— Кто тебя сюда звал, мерзкий прыщ?! — нетрезвым голосом прогудел киммериец. — Пошел прочь, иначе я вышвырну тебя в окно!

— Конан! Это же я, Козим! — отчаянно запричитал коротышка.

— Я вижу. Что с того? Ты, верно, думал, что я прижму тебя к сердцу?

— Было бы неплохо, — вполголоса буркнул карлик.

Краем глаза Козим заметил, что рука варвара шарит под кроватью в поисках сапога. Это подхлестнуло его к решительным действиям, сильнее варварских угроз. Карлик подскочил, как укушенный ядовитым пауком, и, выставив вперед руки с раскрытыми ладонями, и скороговоркой заговорил:

— Не делай этого, Конан! Ты должен меня выслушать! Клянусь, ты не пожалеешь об этом!

— Единственное, о чем я жалею, что не убил тебя сразу!

Нагой варвар лежал на скомканной постели едва прикрытый простынями.

На его могучей груди покоилась чернокудрая девичья головка, с задорно вздернутым носиком. Но сейчас этот носик морщился от неудовольствия, и жгучие зеленые глаза с ненавистью глядели на карлика.

— Прогони его скорей, милый! — капризно выкрикнула девица.

Киммериец, наконец, нашупал сапог. Козим уже искренне сожалел, что так опрометчиво пришел сюда, но отступать было поздно.

— Послушай, Конан, неужели ты не поможешь несчастной Ремине? — пустил в ход всю свою хитрость карлик. — Разве это достойно мужчины, бросить девушку на произвол судьбы? Отдать ее за пару золотых в руки этого ужасного человека?

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурился киммериец, не выпуская сапога. — Да и кто ты вообще такой, чтобы иметь право судить меня?!

— О ком он говорит, дорогой? Кто такая Ремина? — ревнивым голоском пристала девица к варвару.

— Замолчи! — грубо оборвал ее Конан. Девушка обиженно надула губки и попыталась оттолкнуть от себя киммерийца, но с тем же успехом она могла пытаться сдвинуть с места гранитную скалу.

Козим вздохнул с облегчением, несколько мгновений драгоценной жизни он выиграл. Но надо быть осторожным — одно неверное слово и...

— Кто я? — карлик поник головой, и продолжал с подкупющим слушателей раскаянием. — Я — лишь пыль под ногами. Так считают люди. От них ничего не скроешь. Оступиться всегда легче, чем потом исправить ошибку.

Конан со злостью отшвырнул сапог в сторону и задумался над словами Козима. Глубокая морщина залегла у него между бровей. Коротышка примолк, упиваясь этой маленькой победой над яростью варвара.

— Ты, верно, забыл — я связан договором, — медленно цедя слова, будто каждое из них приносило нестерпимую боль, выдавил варвар.

— Поэтому я и здесь! — оживился коротышка. — Я могу избавить

тебя от данного слова.

— Говори! — строго приказал киммериец, впервые, с начала разговора, с интересом взглянув на Козима. Даже хмель из его головы, казалось, выветрился.

— Не при ней, — не без злорадства кивнул карлик в сторону красотки. — Отошли ее прочь, и я открою тебе одну тайну.

Без лишних слов Конан выудил из-под кровати кошелек, взял руку девушки и выссыпал на ее ладонь целую горсть золотых.

Козим едва не поперхнулся слюной.

— Купи себе новое платье и ленты, — мягко молвил варвар. — Ступай, оставь нас одних.

Девица, лишенная дара речи от такой щедрости киммерийца, и не пыталась протестовать. На это золото она могла безбедно жить в течение нескольких месяцев.

Подхватив с пола платье, она стрелой вылетела из спальни, боясь, как бы варвар не передумал и не отобрал золото обратно.

— Ну, теперь говори! — теряя терпение, потребовал Конан.

Козим, проводивший девицу сладострастным взглядом, мечтательно облизнулся и вернулся на землю.

— Напрасно ты так неразумно растратаешь деньги, — укоризненно сказал он.

— Не твоя забота, — огрызнулся варвар, поднимаясь с постели в поисках недопитого кувшина вина.

— Сперва нам нужно обсудить условия сделки, — осторожно намекнул Козим.

Конан, наконец, нашел кувшин и шумно отправил его содержимое в глотку.

— Я должен знать, за что плачу, — оторвался он от кувшина. — Иначе как назначить цену?

— Пожалуй, это справедливо, — неохотно признал Козим. — Но только цену я сам назначу!

Конан демонстративно бросил на кровать все еще тугу набитый кошелек. Козим не мог отвести от него взгляда, поэтому заговорил, не глядя на киммерийца.

— Ремине требуется твоя помощь. Она совсем одна, голубка, как позабытый в поле колосок, — карлик даже слезу пустил для убедительности. — Я понимаю, ты дал слово — поступил честно и благородно, но прислушайся к голосу сердца. Разве оно не требует справедливости?! Разве не честь для воина помогать беззащитным и

слабым?!

— Короче! — резко оборвал его киммериец и глубоко задышал. Слова Козима разили точно в цель.

— Короче? Изволь, — согласился карлик. — Жрец обманул тебя! Он хотел за твоей спиной, когда ты уезжал с поляны. Знаешь, каким был его первый приказ? Он поручил людям Шрама убить тебя и забрать кошелек. И если бы не я, твой преданный друг, лежать бы тебе сейчас с распоротым брюхом.

— И ты думаешь, я поверю твоим наговорам? — скривился в презрительной усмешке варвар.

— На слово можешь не верить, — невозмутимо ответил Конан, — ну уж глазам своим, верно, не откажешь.

— И что же ты собирался мне показать? — в Конане проснулось любопытство.

— Соблаговоли пойти со мной и сам все увидишь.

— Ладно, веди. Но если ты вздумал шутки шутить, Кром свидетель, ты станешь короче еще ровно на голову.

Конан быстро оделся и перебросил за спину меч. Козим побежал вперед, усердно освещая киммерийцу дорогу. Они вышли на двор, где уже занималась заря, и коротышка потянул варвара к курятнику. Не доходя сарая, Конан остановился.

— Неужели куры Понтикуса несут золотые яйца?

— Причем здесь куры? — не понял шутки Козим. — Взгляни-ка лучше сюда.

Конан нехотя повиновался.

— О, Кром! — невольно вырвалось у него. — Что за колдовство?!

Прямо за земляным порогом курятника рядом лежали трое громил из шайки Шрама. Лежали абсолютно неподвижно, и лишь глаза их бешено сверкали злобой. Зато карманы были вывернуты наизнанку и кем-то тщательно обысканы.

— Что-то мне это смутно напоминает, — усмехнулся Конан. — Твоя работа?

— Моя, — с гордостью подтвердил Козим, — Вот эти три ублюдка намеревались убить тебя.

— Как же ты справился сразу с тремя? — развеселился Конан.

— Ну, у каждого свои секреты, — пос克ромничал Козим. — Пусть это останется моей тайной.

Киммериец быстро нагнулся к крайнему из бандитов и легко приподнял его за воротник.

— Жить хочешь? Если хочешь, моргни, — бросил Конан ему в лицо и тут же получил утвердительный ответ. — Вас послали меня убить?

На этот раз разбойник замешкался с ответом, и варвару пришлось хорошенько его встряхнуть. И тут бандит так часто заморгал, что киммериец побоялся, как бы глаза его не выскочили из орбит. Конан выпустил бедолагу и встал, отряхивая руки.

— Что ж, ты меня убедил, — сказал он и полез за кошельком.

— Постой-ка! — остановил его карлик. — Это только первая часть нашей сделки. Как ты собираешься попасть в замок.

Конан равнодушно пожал плечами.

— Я готов продать тебе тайну подземного хода, через который бежала Ремина, — заговорщически предложил Козим. — Никто не ждет тебя оттуда, ты появишься внезапно. А внезапность — залог победы. Кому, как не тебе, это знать.

— Пожалуй, я куплю твой товар, — подумав, согласился Конан.

Захлебываясь, счастливый Козим в деталях поведал варвару свой секрет, за разглашение которого Яхм-Коах поклялся вырвать язык вся кому.

— За сколько времени я туда доберусь? — спросил карлика киммериец.

— Поспешишь, доскачешь к полудню. Ну, а теперь пришла пора расплатиться. Две тысячи золотых, думаю, цена справедливая.

Конан не стал утруждать себя пересчитыванием монет.

Сдернув шапку с одного из злодеев, он высыпал в нее половину содержимого кошелька, не беспокоясь, что там могло оказаться и гораздо больше. Слушая ласкающий звон золотых, Козим с трудом мог дышать.

— Куда ты теперь? — спросил его киммериец.

— Как Куда? — удивился карлик. — В замок, конечно. Разве я могу пропустить твоё выступление.

— Что ж, там и встретимся. А что делать с этими? — Конан небрежно кивнул на обездвиженную троицу, глазами полными страданий и мольбы, следивших за их разговором.

— За них не беспокойся, — зловеще хихикнул Козим. — Я позабочусь и прослежу, чтоб им было удобно.

Варвар с сомнением посмотрел на карлика, по-дружески хлопнул его по плечу, чуть не сломав ключицу, и быстро вышел из сарая.

* * *

Козим вернулся в замок до полудня. Спустившись с гор в долину, и достигнув торной дороги, он дал свободу утомленному мулу и безмятежно задремал прямо в седле. Несмотря на бессонную ночь, ему снились дивные сны.

Карман его приятно оттягивало золото киммерийца, и настроение у карлика было прекрасным. Впереди его ожидало еще одно рискованное предприятие, но если уж он сумел справиться с варваром, то все иные дела просто меркли перед этим.

Во сне он видел себя принцем крови, или нет, даже самим королем. Купался в роскоши и богатстве великолепного мраморного дворца, воздвигнутого на высокой скале. Прогуливался по аллеям чудесного сада, среди цветущих олив и гранатов, где без страха перед людьми рыскали дикие звери, находясь в окружении томных красавиц, готовых на все за его благосклонность. А зеленоглазая проститутка из таверны Понтикуса натирала его тело ароматными маслами. Смущало карлика только одно, воины, которых водил он в походы, все как один они были похожи на проклятого киммерийца, громившего врагов не мечами и копьями, а грязными сапогами.

— Эй, Козим, ты где пропадал? Все с ног сбились, разыскивая тебя! Жрец вне себя от гнева!

Карлик чуть не скатился с седла от неожиданности, испуганно захлопав глазами по сторонам. Мул, остановленный стражниками, покорно замер в воротах замка. Козим приветливо улыбнулся стражникам, но разбойники были настроены не столь дружелюбно.

— Что, неужели герцог уже приехал?! — заволновался коротышка.

— Нет еще, но ждем каждый миг. Тебе что, гонец на дороге не встретился.

— Нет. Я так устал, выполняя приказ Яхм-Коаха, что прилег отдохнуть на обочине, и проспал все на свете.

— А по твоему мулу не скажешь. У него такой вид, будто его волки гнали целые сутки, — заметил один из громил.

— Какое мне дело, как выглядит эта дохлая кляча! — возмутился Козим. — Выполнить приказ господина — вот первый долг для меня.

— Ладно, проезжай. Верно сам жрец чего-то напутал.

Козим ударил мула пятками и, наклонившись к самому его уху, ласково прошептал:

— Не обижайся, Удача, поверь, так было надо. Клянусь, ты получишь столько овса, сколько влезет в твою утробу.

По чисто выметенному двору бегали разбойники с выпущенными

глазами, рабы переносили мебель, беспрестанно хлопали двери кладовых и погребов. Стальная Глотка — бывший наемник, невесть как попавший в банду к «волкам», муштровал по-праздничному вырядившихся бандитов для встречи почетным караулом его светлости герцога Ренальда. От этой суеты и шума у Козима разболелся зуб, и карлик поспешил убраться со двора, не забыв выполнить обещание, данное им удаче. Спросив у пробегавшего мимо слуги, где находится Шрам, и не получив вразумительного ответа, коротышка направился сам его разыскивать.

Он нашел вожака в винном погребе, скучающего в одиночестве. Видно, Шрам пребывал не в лучшем состоянии духа, поэтому не выказал ни капли радушия при появлении Козима.

— Ты что же, шпионишь за мной? — спросил Шрам вместо приветствия уже изрядно нетрезвым голосом.

— Для этого могли и кого попроще послать, — не скрывая презрения, ответил Козим. — Я пришел за своей долей.

— Долей? — переспросил главарь «волков» и хрюпло захохотал. — Ступай за ней прямо к Сету!

— Ты не дослушал, — ледяным тоном продолжал коротышка. — А ведь когда-то мы были друзьями...

— Убирайся! — истерично завопил Шрам. — У меня от твоей трескотни голова болит!

— Не от нее, а от вина! — Козим сам поразился собственной смелости. — Напряги свои мозги, если они еще остались в твоей голове. Ты отправил людей отомстить киммерийцу, нарушил приказ Яхм-Коаха. Как думаешь, какую казнь он выберет тебе в наказание? Ему нравится заживо жарить людей. Но я готов молчать, если мы договоримся.

Слова Козима, словно пощечина, привели Шрама в чувство. Он мелко задышал, глаза налились кровью, и попытался встать на ноги. Из этой затеи, кроме опрокидывания и битья посуды, ничего не вышло.

— Ты угрожаешь мне, Козим? — абсолютно трезво спросил он.

— Нет, Шрам, предлагаю сделку. Молчание — золото.

Разбойник угрюмо поник головой, полез за пазуху и швырнулся в карлика увесистым кошельком.

— Мы проливали за них кровь, а тебе они достаются даром, — со зловещим прищуром он посмотрел в глаза коротышке. — Бери и подавись, здесь триста золотых! Но с этой минуты берегись, недомерок! Клянусь, я найду способ обрезать тебе уши, и даже твой маг тебя не спасет.

— Я буду помнить об этом, Шрам, — довольный исходом беседы ответил карлик и счел для себя не зазорным, поднять с заляпанного грязью

поля заветный мешочек. — Счастливо оставаться! Недолго живет тот, кто точит зуб на Козима!

Он вышел на свежий воздух и вздохнул с облегчением. Пощупал золото в кармане, но почему-то всегда приятная его тяжесть сейчас не радовала Козима. Шрам шутить не любил, он вообще был человеком без чувства юмора, и наверняка попытается выполнить свое обещание.

А куда от него укроешься? Везде найдет, на то они и «волки». Коротышка наморщил нос, представив себе эту безрадостную перспективу, но тут вспомнил, что его ищет жрец. И решение пришло само собой — простое и очень верное, одним махом, избавляющее его от всех проблем.

Жизнь снова показалась ему прекрасной, и на душе стало легко и покойно. Весело насвистывая, Козим направился прямо к магу.

На стук открыл чернокожий Вакаши, смерил карлика проницательным взглядом и молча посторонился. Жрец нервно ходил по комнате, опираясь на резной посох с замысловатым набалдашником в виде двуглазого зверя. Он облачился в свой торжественный наряд, но выглядел в нем как-то нелепо и чересчур помпезно. Просторные шелковые одеяния, расшитые золотом, висели на нем мешком, длинный шлейф цеплялся за каждый угол, и уже весь был в сальных пятнах, высокая тиара подпрыгивала на острой макушке мага, постоянно сползая ему на глаза.

— Где тебя носит, бездельник?! — брызгая слюной, набросился на него Яхм-Коах, едва заметив Козима.

— На службе моему повелителю, — не замедлил с ответом хитрец, кланяясь до земли. — Прости, господин, но я принес тебе важные вести.

— Что может быть сейчас важнее приезда герцога?! — грозно надвигался на него чародей, и карлик сжался в предвкушении побоев.

По счастью, шлейф тоги зацепился за край стола, намертво закрепив мага. Жрец то краснел, обливаясь потом, то начинал ужасно сквернословить, пока Козим и Вакаши не пришли ему на помощь.

— Ну что вы возитесь, безрукие болваны! — разорялся маг. — О, Митра, с кем мне приходится иметь дело! — закатывал он глаза к потолку.

— Один момент, мой господин, — сутился Козим, намеренно мешая Вакаши.

— Да скоро ли?! — кипел ярость жрец. — Вот-вот прибудет герцог, а я торчу здесь как галера на приколе.

— Уже почти готово, повелитель! — услужливо тараторил карлик. — Но герцог может задержаться в пути, а вот разъяренного киммерийца, уж точно ничего не остановит.

— Чего ты там бормочешь, мошенник! — насторожился Яхм-Коах. —

С Конаном у меня договор. Северянин никогда не нарушит слово!

— Оно бы верно так и было, великий, — наивно продолжал Козим, освободив, наконец, жреца из ловушки. — Но кое-кто из твоих слуг посмел нарушить приказ. Не рискну назвать имя ослушника, но он очень, очень влиятельный человек. Ему не стоит ничего раздавить такую букашку как я, а мне слишком дорога моя шкура.

— Шрам! Это он?! — маг схватил коротышку за плечи и впился взглядом в его побелевшее от страха лицо. — Что ты разнюхал, плут? Говори!

— О, нет, господин! — жалобно запричитал Козим. — Убей меня, я буду нем как рыба. Испепели огнем, преврати в паука, я с радостью приму любую от тебя кару! Но этот человек будет резать меня на куски, и хохотать, глядя, как жизнь с каждым вздохом станет покидать это слабое тело!

— Презренный раб! Ты просишь легкой смерти? — ледяным тоном заговорил Яхм-Коах. — Я подвешу тебя за ноги и велю Вакаши сделать на твоем теле надрезы. Длинные и очень тонкие, чтобы кровь из них сочилась по капле, как это делают с предателями на его варварской родине. Ты будешь умирать долго, так долго, что смог бы научиться молить о пощаде на всех мыслимых языках.

Козим невольно стрельнул взглядом на Вакаши и тут же пожалел об этом. Белозубая улыбка на широком лице невольника, напоминала оскал самой смерти.

— Не надо, господин! Не позволяй ему делать этого! — искренне взмолился карлик, почувствовав, что пожалуй перегнул палку. — Я верен только тебе, и пусть Небо обрушится мне на голову, если лгу! Да — это Шрам, это он презрел твою волю!

— Вот как?! — Яхм-Коах устало облокотился о стол. — И что же сделал этот осел?

— Жажда мести и кровь собратьев затуманила ему рассудок. Он послал трех людей убить варвара! — Козим резко замолчал и потупил взор.

— Ну, что дальше? Что было дальше?! — подскочил от нетерпения жрец.

— Мой господин, я так многим рисую, — сложил в мольбе руки коротышка. — Я весь дрожу от страха.

— Прекрати трястись и продолжай! — строго приказал маг. — Я обещаю, что ни один волос не упадет с твоей головы.

— Благодарю, благодарю, мой повелитель! — карлик мелко закланялся и продолжил: — Я всю ночь не сомкнул глаз. Тысячи раз моя жизнь висела

на волоске, когда я карабкался по скалам, спускался по предательским осипям и тайно крался за «волками», рискуя каждый миг быть замеченным и разорванным на куски...

— Какое это имеет отношение к делу? — недовольно скривился жрец, нетерпеливо постукивая костяшками пальцев по крышке стола.

— Я думал, что заслужил скромное вознаграждение... — нерешительно молвил Козим, застенчиво пряча лукавые глаза.

— Ах, вот ты о чем! Я мог бы и сам догадаться. Вакаши, подай мой ларец! Рассказывай же, что было дальше!

Хитрые глазки Козима масляно заблестели, карлик судорожно облизнул пересохшие губы, но продолжил рассказ не раньше, чем горсть драгоценных камней, каждый величиной с лесной орех, не оказалась у него в руках.

— Это же целое состояние! — задыхаясь, прошептал он, не в силах верить собственным глазам, но Яхм-Коах по губам прочел его слова и расплылся в снисходительной улыбке.

— Для того, кто собирается владеть сокровищами целого мира — это лишь капля в океане богатств. Итак?..

— Да, да! — заторопился Козим, не глядя на мага, а ведя задушевную беседу с переливающимися всеми красками самоцветами: — Я отправился вслед за «волками» и стал свидетелем их позора. Они рассчитывали найти Конана мертвейки пьяным и взять его голыми руками. Именно таким его и нашли на постоялом дворе "У Понтикуса", что нисколько не помешало варвару свернуть шеи двум из них и вытряхнуть тайну подземного хода из третьего, прежде, чем размозжить ему голову. Теперь в любой момент он может здесь появиться.

— Так, так, так! — жрец, нервно потирая подбородок, заходил по комнате, размышляя вслух: — Шрам мне ответит за это собственной шкурой! Но не сейчас, в замке много его людей. Сейчас важнее свадьба баронессы. А после я найду способ с ним посчитаться. Конан — большая проблема, но он не знает, какой его ждет сюрприз, — маг криво усмехнулся.

— И какой же, мой господин? — не сдержал любопытства Козим.

— Я послал «бешеных» на тот хутор. Конан сам угодит в засаду! — Жрец торжествовал.

Козим с уважением посмотрел на мага, но все же не преминул заметить:

— Осталось напомнить, повелитель, варвар с ними уже встречался. И храбрейшие из твоих воинов, не лучшим образом проявили себя.

Яхм-Коах резко остановился и сверху вниз посмотрел на согнутую спину коротышки.

— Ты прав! — согласился он и задумался. — Но посыпать подкрепление уже поздно... Что ж, я устрою ему встречу в замке! — просиял он, приняв это решение. — Покиньте зал! А ты, Козим, ступай в подвал, и пусть глаза стереги барона. Я больше не могу никому доверять. Да, и пусть сюда придут с десяток людей, но войдут не раньше, чем я позову их!

Вакаши и карлик, низко кланяясь, выскользнули за дверь. Оставшись в одиночестве, Яхм-Коах подошел к заветной стене с тайной дверцей с видом хищника, подкрадывающегося к добыче.

Жрец уверенно повернул алебарду, и древний механизм немедленно отозвался металлическим скрежетом. Маг тут же вернул оружие в прежнее положение, и дверь застыла в распахнутом виде. Эту тайну он разгадал, потратив долгиеочные часы, и сейчас колдун позволил себе улыбнуться, довольный своим открытием. Яхм-Коах осторожно заглянул в темноту, шумно потянул носом спертый воздух подземелья, насыщенный плесенью и тленом и запахом земляных червей: грубая каменная кладка стен в ржавых подтеках воды, гнилые балки перекрытий и край металлической лестницы, теряющейся во мраке. Яхм-Коах удовлетворенно хмыкнул и шагнул за железную дверь.

Он закрыл глаза и резко вскинул голову вверх. Руки жреца покоились на двуглавом чудовище, венчающем его посох. Губы шептали слова заклинания, но ни один из смертных не мог бы понять этих слов, ибо язык этот сгинул с великим народом, исчезнувшим в океане еще в незапамятные времена. Маленькая каморка за дверью наполнилась призрачным светом, подобно волнам разбегающимся от мага кругами. Вот свет коснулся стен, и камень плит словно ожила, превратившись в живую кипящую лаву. Блестящие бисеринки пота усыпали лицо жреца, а вокруг него шло неведомое превращение, будто невидимые мастера из самой преисподней перекладывали стены кирпичик к кирпичику.

Заклинание оборвалось внезапно и магические струи света, словно вспугнутые кошкой мыши, попрятались в щели между каменных плит. Яхм-Коах открыл глаза, и устало огляделся по сторонам. Грудь жреца тяжело вздымалась, громоздкие душные одеяния пригибли его плечи к земле. Все вокруг выглядело вполне обыденно, будто и не было чудесных превращений. Но острый взгляд чародея, проникающий в суть предметов, с удовлетворением отметил, что капкан насторожен и поджидает свою добычу. Жрец отступил в зал и аккуратно вернул дверь на место.

Здесь он позволил себе расслабиться.

— Эй, вы там, за дверью! — громко крикнул маг. — Можете войти!

Разбойники, прячась друг за друга, повиновались и сгрудились плотной толпой в проходе.

Жрец холодно окинул взглядом их лица и презрительно поморщился. Настоящие головорезы, ни одного приличного человека, хоть и наряжены в черно-белые туники воинов барона. Никого из них жрец не знал. Сомнительно, что эта свора смогла бы остановить киммерийца.

— Кто из вас главный? — высокомерно спросил Яхм-Коах.

— Я, господин, — неуверенно выступил вперед один из громил, с обезображенными следами какой-то болезни лицом, отчего оно казалось изрытым канавами. — Я здесь, вроде, за главного. Ямой меня зовут.

— Тогда ты мне и ответишь головой, если кто, кроме меня, войдет в эту комнату и останется цел! Это ясно?!

— Да, по-ве-литель! — запинаясь, выкрикнул разбойник, невольно приседая.

Яхм-Коаху хотелось нагнать на эту кучку оборванцев еще большего страха, ему нравилось наблюдать за их заячьим трепетом, но в это время над замком одиноко захрипел сигнальный рог, предупреждая о скором приближении кортежа герцога.

— Не подведи меня, Яма, — зловеще бросил маг уже на ходу. — Я должен идти.

Жрец подхватил на руку длинный шлейф и опрометью бросился за дверь. Его сандалии громко топали в пустынном гулком коридоре.

Он уже собирался выскочить во двор, но тут вдруг вспомнил, что не сменил личину — по обычаю, жениха должен встречать родитель невесты. К счастью, рядом находился чуланчик для дров, и маг решительно повернулся туда, а спустя миг, из кладовой вышел барон Сантос Орландо в расшитом жемчугом наряде и непокрытой головой, с развевающимися на ветру седыми локонами, поредевшими на макушке.

Ворота были гостеприимно распахнуты, тщательно выметенный двор резал глаза непривычной девственной чистотой. Даже молодцы Шрама, выстроившиеся для встречи знатного вельможи, казались аккуратными и подтянутыми. Маг остался доволен мимолетным осмотром и скорым шагом направляясь к посланнику герцога.

— Утро доброе, господин Кабраль! — еще издали приветствовал его Яхм-Коах.

— Оно действительно дивное, барон, — ответил юный рыцарь. — Будто день этот отмечен милостью самих богов. Взгляните, как прекрасен

восход.

— О, да! Жалко я не родился поэтом... — поддержал его жрец, рее внимание которого было сосредоточено на воротах.

На мост ворвалось несколько свирепого вида всадников в полном боевом облачении, окруженных сворой громадных мохнатых псов. В гробовом молчании верховые разъехались по двору, придирчиво заглядывая в каждый угол, с подозрительным прищуром окинули оробевший и притихший караул. Собаки, между тем, расселись по периметру двора, и мало бы сыскалось храбрецов, рискнувших приблизиться к его светлости. Один из всадников направил коня к открывшему от удивления рот барону, неуклюже поклонился, не покидая седла.

— Все ли благополучно в замке, господин? Вопрос был в большей степени адресован Кабралю, и маг едва сдержал гнев, но смолчал.

— Ты можешь ничего не опасаться, Гланже. Скачи и сообщи его светлости, что все готово к его встрече, — ответил рыцарь.

Воин удовлетворенно кивнул и подал знак остальным.

Сигнальщик протрубил трижды, и вскоре все услышали на дороге шум приближающегося отряда. По двое в ряд ворота въехали десять воинов, за ними слуги и ловчие с соколами, три фургона с подарками для невесты, снова воины, и лишь за ними появился штандарт его светлости и сам герцог Ренальд в окружении блестящей группы придворных. Рядом с герцогом катила двухколесная повозка, запряженная парой низкорослых лошадок, управляемая человеком в сером плаще, облик которого не вызывал сомнений в его ремесле. Маг был целиком погружен в себя и не обращал внимания на карусель из пестрой мишурь окружающую герцога.

Яхм-Коах настороженно прищурился, оценивая оглядывая придворного чародея, но тот был слишком занят своими мыслями, и пока не представлял никакой угрозы. Широкий замковый двор едва вместил весь свадебный кортеж. Жрец терпеливо ждал, обычай не позволяли ему приблизиться к высокому гостю и первым его приветствовать. А солнце уже припекало, и разбойники в плотном строю сердито пыхтели и обливались едким потом, растревав весь свой бравый вид. Герцог заметил их плачевное состояние и поспешил избавить от мук. Он легко соскочил с коня и, бросив поводья в руки набежавших со всех сторон слуг, пружинистым твердым шагом направился к барону. Ренальд был высок и крепок в кости, весьма привлекателен внешне; массивный волевой подбородок слегка выдавался вперед, свидетельствуя о решительном и крутом нраве своего обладателя.

— Барон Сантос, позвольте мне обнять вас! — громко приветствовал

он хозяина замка и заключил жреца, ткнувшегося носом в его плечо, і стальные объятия.

— Ваша светлость, — едва смог выдохнуть лаг, — я так тронут.

— Привет, Кабраль! Я вижу, ты тут зря времени не терял?

— О, да, мой господин. Мы ожидали только вас.

— Хорошо, но о делах чуть позже, — отмахнулся герцог. — Давайтє-ка, барон, отпустим этих молодцов, изнемогающих под тяжестью кольчуг.

— Им это только на пользу, — злорадно ответил жрец. — К сожалению, годы берут свое, и руки уже до всего не доходят. Но, если вы настаиваете...

Они прошли перед строем измученных жарой и тяжестью снаряжения разбойников, осипшими полосами и нестройным стуком железных перчаток о щиты приветствовавших герцога и барона, л приняли рапорт сотника. После чего караул промаршировал через двор и рассеялся по всему замку.

— А теперь, дорогой барон, когда мы выполнили свой долг, я хотел бы познакомится со своей невестой, — дружески подмигнул магу герцог.

— Но, ваша светлость, это же против традиций! — неожиданно вмешался в их разговор Кабраль. — Проявите терпение, и уверяю, скоро вам будет завидовать вся Зингара. Не лучше ли пойти и немного перекусить с дороги. Таких тонких зин, как в погребе барона, вы не найдете во всей Хайбории.

Герцог метнул взгляд на рыцаря, дружески хлопнул его по плечу и громко рассмеялся:

— Что ж, не будем нарушать традиций. Ведите нас, господин барон!

* * *

Солано-пасечник жил с семьей на Дальнем хуторе и считал себя самым счастливым человеком на всем белом свете. С юных лет Солано, продолжая дело отца, работал с пчелами от зари до зари. Про себя он их называл не пчелами, а маленькими волшебницами, о которых так много рассказывалось в старинных сказках. Своих «волшебниц» Солано понимал как никакой другой пасечник, поэтому и мед с его ульев никогда не искал покупателей, наоборот, покупатели искали случай приобрести его у владельца Дальнего хутора.

Жена Солано, Элисия, когда они поженились, слыла первой красавицей в этих местах — сам управляющий барона Орландо приезжал

свататься к ней. Да и сейчас былая красота женщины отнюдь не увяла. Дочери пасечника, ее звали Мира, шел пятнадцатый год, и уже было заметно: красой, да покладистым нравом девочка пошла в мать. Когда случались поездки на Овражный базар, на Мишу все окрестные парни заглядывались. Солано любил сравнивать дочку с песенкой — такая же легкая, веселая, нежная.

Работа по душе, любимая и любящая жена, красавица дочь — Солано все это имел. А что еще человеку надо, чтобы чувствовать себя счастливым? И стоит ли удивляться, что каждый новый день он встречал с улыбкой...

Каждый, кроме последнего. С самого утра Солано не находил себе места — его терзало дурное предчувствие. Предчувствие большой беды. В попытках отвлечься, он суетливо пытался себя чем-нибудь занять: принимался за покосившуюся дверь — надо поправить, не завершив, бросался перебирать нехитрые рабочие приспособления, собираясь в неурочное время идти на пасеку.

А когда появились бандиты, с намалеванными на лицах волчьими мордами стало до боли очевидно — это оно!

Солано вспомнил ненастную ночь, когда из подземного хода появилась Ремина, вспомнил рассказ баронской дочери о захвативших замок разбойниках, ужасную правду о предательстве Яхм-Коаха. Проводы бежавшей из родного дома принцессы и ее спутника были недолгими. Элисия, относившаяся к Ремине как к своей дочери, быстро собрала в дорогу мешок со снедью. Мира, прощаясь с подругой, то и дело вытирала слезы.

У Солано тогда промелькнула мысль, что помочь эта им еще может аукнуться, но не такой был пасечник человек, чтобы из-за угрозы возможной кары предавать доверившихся ему друзей. И вот день расплаты настал.

Солано окинул бандитов долгим настороженным взглядом. Чужаки о чем-то между собой пошептались и подъехали к хозяину хутора. Тот, что был первым, на верхней губе у него смешно топорщился светлый пушок, попросил напоить коня. Солано тотчас принес полное ведро. Конь, опустив голову к ведру, и жадно стал пить. У пасечника проснулась надежда, что может быть беда минует его дом. И в этот момент, посмотреть на заезжих выглянула Мира — гости на хутор заглядывали редко. Солано, повинувшись неясному чувству, повернулся, намериваясь крикнуть, чтобы она возвращалась к своему вышиванию.

Но было поздно. Еще раньше пасечнику приходилось слышать, что

человек в своей беспричинной жестокости гораздо страшнее дикого зверя. Однако то, что довелось испытать в этот день ему самому...

Должно быть, именно просыпающаяся, подобно созревающему бутону прекрасного цветка красота девочки, стерла у бандитов ту грань, отличающую человека от чудовища. Обнажив в ухмылке гнилые зубы, один из головорезов соскочил с лошади и кинулся к Мире. Солано, бросив ведро с остатками воды, отважно встал на пути разбойника. Солома, недолго думая, отпихнул пасечника в сторону и схватил девушку за волосы. Мира закричала. На крик дочери из дома выбежала мать. Бандиты, предвкушая потеху, оскалились и принялись грязными шутками подбадривать намерения своего приятеля.

Солома подмял девушку под себя и стал, довольно урча, срывать с нее платье. Он так увлекся этим занятием, что не услышал предупреждающего окрика Птенчика, пытавшегося дать приятелю сигнал о грозящей опасности.

Солано не был воином и не считал себя храбрецом, но когда на твоих глазах происходит такое... В руках у пасечника оказалась здоровенная палка от метлы. Подскочив к негодяю, он от души прошелся по широкой спине насильника.

Громила взревел от боли. Миру он на время оставил в покое, и девушка, свернувшись в комочек на пороге дома, тихонько заплакала. В глазах разбойника заплясали злые огоньки. Спешились остальные «бешеные». Птенчик хрюплю произнес:

— Тому, кто осмелился поднять руку на «волка», есть только одно наказание — смерть! И наказание это коснется всей семьи.

Солома, согласно кивая, пробурчал:

— Смерть должна быть долгой и мучительной!

В руках Чико появился кинжал, поигрывая которым он осторожно приблизился к пасечнику, в то время как его приятели с обнаженными мечами заходили ему со спины. Солано, догадавшись, что его пытаются обойти с разных сторон, вновь поднял палку, и с криком ярости бросился на ненавистного Солому. Разбойник отступил и, легко уклоняясь от удара, презрительно хмыкнул:

— Драться с этими мужланами совершенно неинтересно.

В этот момент в спину Солано вонзился кинжал Чико. Тяжело раненый, пасечник упал, однако нашел в себе силы встать на ноги и вновь пойти на разбойников. Тотчас он получил новый удар — кинжалом в бок. На этот раз у истекающего кровью мужественного человека сил подняться уже не хватило.

Но бандиты не собирались так быстро бросать забаву. Умирающего подняли за руки и, обмениваясь смешками, поволокли к дому.

Не в состоянии и дальше терпеть этот ужас, жена "самого счастливого человека на свете" со слезами кинулась на помощь мужу.

Солома, больно щипнув женщину за грудь, швырнул ее на землю, а еще живого Солано, воспользовавшись помощью приятелей, стал прибивать к входной двери найденными в сарае деревянными гвоздями. Прибивал палкой, которой, совсем недавно пытался их остановить пасечник. Гвоздей не хватило. Решение проблемы нашел Чико. «Волк» достал из ножен метательный нож.

— Это тебе за тот удар по спине!

И разбойник со всей силы всадил клинок в плечо несчастного. Тем временем Солома, с радостью обнаружив, что больше опасаться некого, снова навалился на Мишу. Девушка, на глазах у которой внезапно рухнул весь привычный для нее мир, даже не пыталась кричать и сопротивляться, лишь плотно закрыла глаза и тихонько поскуливалась от боли.

Не встретив отпора, Солома впился зубами в гибкую девичью шейку.

Элисия, увидев, что негодяй вытворяет с ее дочкой, ринулась к сплетенному клубку тел. Ее пытался остановить Чико. Он ухватил несчастную женщину за развевающееся на бегу платье и сильно дернул, желая свалить на землю. Не тут-то было. Желание матери спасти дочь оказалось настолько сильно, настолько отчаянным был ее порыв, что она вырвалась из рук разбойника. На беду не выдержала ткань платья, и женщина, запутавшись в обивших ноги лохмотьях, упала и покатилась по земле. При виде обнажившихся зрелых женских форм в глазах Чико вспыхнула похоть. Подскочив к голосившей от ужаса женщине, он несколько раз ударил ее по щекам. Элисия на мгновенье замерла и, заглянув в лицо бандита, увидела, что ее ожидает. Она выхватила из-за пояса оседлавшего ее изувера кинжал и всем телом навалилась на острие.

Чико, с разочарованием смотрел на бившуюся в агонии женщину, потом грязно выругался и, брезгливо огибая натекающую лужу крови, направился к Соломе, заканчивающему свои упражнения с дочкой пасечника.

Птенчик, наконец, разделался с Солано, слишком, по мнению «волка», цеплявшимся за свою жизнь, резким ударом кинжала по горлу, и недовольно заворчал — он оказался в очереди третьим. Продолжая ворчать, «волк» направился в сарай, надеясь обнаружить там что-нибудь съестное и знаменитое пиво Солано, сваренное на меду.

Именно это его и спасло. Во всяком случае, на время.

Солома удовлетворенно кряхтя поднялся с притихшей девчонки и ошеломленно замер. Над его головой пронеслось нечто вроде шмеля, и что-то теплое с металлическим привкусом забрызгало его с головы до ног. Солома в недоумении покрутил головой.

За спиной его, шатаясь, стоял Чико, из пустой глазницы которого торчал черенок арбалетной стрелы. Солома зло выругался, в бессильной ярости ища глазами невидимого противника.

Следующее ругательство так и застыло у него на языке. Из кустарника, росшего неподалеку от дома, появился Конан. В руках северянин держал заряженный арбалет.

Солома сцепил зубы. Он был готов драться с дюжиной пасечников и укротить столько же их дочерей, но никак не встречаться здесь с киммерийцем. Откуда взялся на хуторе проклятый варвар?! Разбойник до боли в затылке напрягал мозги над этим вопросом, но от природы был туп и ленив, поэтому все решения среди «Бешеных» принимал Птенчик.

Сейчас он оказался совсем растерянным и беспомощно озирался по сторонам, надеясь на подсказку приятелей. Но Птенчик куда-то пропал, а Чико, старый добрый весельчак Чико, валялся в грязи с пробитым глазом.

Солома, все еще не веря глазам, перевел взор на бездыханное тело приятеля, потом обратно на Конана. Варвар, тем временем, уже успел преодолеть половину разделявшего их расстояния.

Медленно, с величайшим трудом разбойник все-таки сообразил, что стоять столбом на виду северянина, в руках у которого арбалет, а в глазнице приятеля не хватает глаза, может быть довольно опасно. Солома метнулся к лежащей на земле Мире и рывком поставил девушку на ноги. Сама девчонка стоять не могла, и ему пришлось держать ее за волосы. Пожалуй, он несколько перестарался, когда развлекался с ней... Заслонившись телом, точно живым щитом, бандит почувствовал себя увереннее.

— Только выстрели, и ей конец! — с этими словами, Солома попятился к дому.

Упервшись в дверь, он пошарил свободной рукой у себя за спиной. Вот она — ручка. Еще усилие, и дверь, с прибитым к ней мертвым Солано была, наконец, отворена. Конан успел подойти совсем близко и остановился на расстоянии десяти шагов.

Соломы верно угадал, что киммериец не станет в него стрелять, боясь попасть в девочку.

Кодекс чести варвара противился хладнокровному убийству беззащитных женщин, детей и стариков.

Но бандит не учел другого: для предстоящего торга — жизнь против

жизни, требовалось соблюдение одного обязательного условия — Мира должна была быть жива.

Конан, будучи профессиональным воином, кое-что смыслил в этих делах, смыслил достаточно, чтобы обратить внимание на посиневшие губы несчастной и небольшие ранки на шее девушки, которые вдруг перестали кровоточить. По всей вероятности, сердце бедняжки не выдержало выпавших на ее долю испытаний, и она покинула этот жестокий мир.

Почуяв, что что-то идет не так, разбойник отступил к зияющей за его спиной черной дыре погреба. И тогда Конан плавно спустил рычажок.

Солома от ужаса широко распахнула глаза, и смотрел, как арбалетный болт устремился прямо к нему. Прекрасно понимая, что на таком расстоянии хрупкое тельце девушки его не спасет, он, тем не менее, от страха не в силах был пошевелиться, и молча наблюдал за приближением своей смерти.

Тяжелая стрела пронзила тело бедной девочки и, не задерживаясь, вошла в плоть разбойника, соединяя в смертных объятиях жертву и ее палача...

Откуда-то из-под земли раздался довольный голос Птенчика:

— Вот оно где! Думал, что самый хитрый, ан нет!

Голос звучал приглушенно — бандит, обшарив весь сарай и, ничего не найдя, спустился в погреб, где сразу обнаружил искомое.

Когда Птенчик одолел половину лестницы, на него, сверху рухнули два тела. Едва устояв на ногах, он выронил из рук бочонок с пьянящим напитком. Взгляд его скользнул вниз, и он с удивлением обнаружил, что одно из тел принадлежит Соломе.

Тогда Птенчик спустился обратно. Его товарищ дал кому-то пригвоздить себя к девке, с которой перед тем забавлялся. На душе у разбойника стало тошно: свой меч он оставил у люка, и как назло, у Соломы оружия тоже не оказалось. Птенчик тяжело вздохнул. Конечно, отправляться наверх невооруженным было опасно, но не оставаться же здесь навечно. Осторожно, ступенька за ступенькой, он стал потихоньку подниматься наверх. Вот, наконец, и люк. Птенчик воровато выглянул из-за крышки. И тут, как ему показалось, где-то внутри него запели медные трубы. Еще бы — прямо перед ним лежал топорик Соломы. Бандит потянулся к оружию, когда над его головой раздался чей-то знакомый голос:

— Лучше не делай этого! Одновременно шея Птенчика ощутила ледяное прикосновение стали. Рука торопливо отдернулась от топора, так, словно об оружие можно было обжечься.

Сверху снова зазвучал голос:

— Теперь медленно возьми топор и брось его в погреб.

Птенчик беспрекословно повиновался. Клинок сразу же убрали, но в шее осталось неприятное покалывание. Голос милостиво разрешил:

— Можешь вылезти и обернуться.

Когда разбойник подчинился и этому приказу, удивлению его не было предела: зажав в одной руке заряженный арбалет, в другой меч, на него, с печальной улыбкой, смотрел проклятый киммериец.

Первой мыслью «волка» было броситься на ухмыляющегося варвара и задушить его голыми руками. Но голос разума победил, и пока Птенчик решил с этим повременить, пока не разузнает, что нужно здесь северянин. Он с вызовом посмотрел на Конана.

— Ну и что ты намерен делать?

— Это зависит от того, насколько ты хочешь жить.

Птенчик кивнул. Он лихорадочно искал возможность выкрутиться из незавидного положения, в которое по собственной глупости угодил. Вот к чему приводит сытая жизнь в неприступном замке.

Проглотив досаду, разбойник криво улыбнулся и покосился на свой меч.

— Все твои люди мертвы, и если ты хоть пальцем пошевелишь, я, не задумываясь, помогу тебе встретиться с ними, — проследив за взглядом разбойника, сказал Конан. — Неужели тебе надоело жить?

— Естественно, я хочу жить. Но какой ценой?

— Во мне сейчас борются два желания. Первое — за устроенную здесь резню, — Конан кивнул на дверь, с прибитым к ней мертвым Солано, — меня так и подмывает немедленно отправить тебя следом за твоими друзьями.

— Не могу сказать, чтобы оно пришлось мне по вкусу. А второе?

Конан прикусил губу. Он не знал, сможет ли потом простить себе то, что собирался сейчас сделать, однако другого выхода у него просто не было.

— Мне нужны сведения о замке.

— Ты просто назвал другой способ убийства. «Волки» не прощают предателей.

Арбалет угрожающе дрогнул в руке киммерийца.

— Это твой окончательный выбор?

— Постой, постой!

Птенчик задумался. Было заметно, как в нем идет внутренняя борьба. В конце концов, одно из решений победило, и он с надеждой обратился к

северянину:

— У меня есть предложение, которое, возможно, устроит и меня и тебя.

— Говори.

— Я расскажу тебе все, что ты хочешь знать. А взамен я требую смертельного поединка.

Птенчик на мгновение замолчал, ожидая отказа, но варвар промолчал. Тогда «волк» неуверенно продолжил:

— Там, около двери, я оставил свой меч. И после того, как мы закончим здесь говорить, я хочу с его помощью получить шанс отомстить за своих друзей.

Согласие киммерийца означало бы для варвара верную смерть. Не родилось еще человека, который смог бы победить Птенчика в поединке на мечах. Кривой туранский клинок становился во время схватки продолжением его руки, и разбойник никогда с ним не расставался.

Последний случай был исключением из этого правила, и «волк» до сих пор не мог простить себе эту ошибку...

Время, потраченное Конаном на обдумывание предложения, показалось Птенчику целой вечностью.

Наконец напряженную тишину нарушил голос киммерийца, от волнения звучавший с чуть заметной хрипотцой:

— Я согласен. Но если я почувствую, что ты мне лжешь, застрелю как бешеную собаку.

Стараясь сдержать бушевавшую радость, — тупоголовый варвар проглотил приманку! — Птенчик поспешил уверить сидевшего напротив него ничего не подозревающего северянина:

— Каждое мое слово будет правдиво до... бесконечности!

Зачем, спрашивается, ему врать, если собеседник все равно не получит для себя никакой выгоды от его рассказа?!

Беседовали они долго. Конан расспрашивал его обо всем, и разбойник с охотою отвечал, лишь удивляясь порою, зачем могут понадобиться человеку столь незначительные подробности, которые впору знать, разве что баронскому ключнику.

Но Птенчик был верен слову и терпеливо обрисовывал киммерийцу укрепления замка и башен, расположение подвалов и комнат, словно варвар собирался брать замок штурмом. На многие вопросы «волк» просто сам не знал ответа, в силу того, что не забивал себе голову подобными пустяками. Вот о чем северянин его не спросил, так это о численности гарнизона и несении караульной службы, будто считал эти вопросы второстепенными.

Киммериец поддакивал, кивал головой и, кажется, остался доволен ответами. Затем он поднялся и направился к двери.

— Теперь настала моя очередь сдержать слово.

Птенчик, опасливо косясь на арбалет, бочком направился к выходу. Поймав взгляд разбойника, киммериец подчеркнуто медленно отложил самострел в сторону, отбросил кинжал, дабы, тем самым, уровнять шансы.

Едва они вышли во двор, Птенчик одним прыжком оказался рядом со своим мечом. В следующий момент «волк» замер в бойцовской стойке, выставив руку с оружием чуть вперед. И снова в глазах варвара сверкнул тот самый неприятный огонек.

Птенчику стало не по себе. В прежних схватках его успеху способствовало блестящее владение оружием и железная выдержка. Но в этом поединке его противник в не меньшей мере обладал тем и другим. Этот варвар ощупывал его холодным настороженным взглядом и, казалось, что знает все действия соперника наперед. Настал черед четвертого выпада.

В итоге трех молниеносных атак, Птенчик не сумел нанести противнику даже царапины.

Клинки ни разу не столкнулись, нарушив праздным звоном стали могильной тишины обезлюдевшего хутора. Меч разбойника разил пустоту, а ухмыляющийся варвар оказывался где-то рядом.

Даже когда Птенчик перехватил меч левой рукой и попытался достать киммерийца, северянин выскоцил из-под удара и тоже встал в левостороннюю стойку.

И вот тогда, пожалуй, впервые в жизни "матерому волку" по настоящему стало страшно, и захотелось бежать отсюда, по-собачьи поджав хвост. Но разбойник знал, что стоит ему повернуться спиной, и широкий клинок северянина настигнет его быстрее, чем он успеет сделать хотя бы шаг.

"Волк" приготовился к выпаду, как вдруг северянин, попал ногой в лужу крови, расплывшуюся вокруг жены пасечника, поскользнулся и потерял равновесие. Птенчик, не желая упускать самими Богами ниспосланный шанс, устремился на киммерийца.

Дальше, как ему показалось, время замедлило ход. Птенчик так и не понял, как это произошло... был головокружительный полет, затем падение и мимолетная темнота в глазах.

Когда ход времени, восстановился, разбойник лежал на земле и чувствовал приятное тепло, разливающееся внизу живота и нарастающую тошноту, вызванную странным пьянящим дурманом. «Волк» попытался подняться, но почему-то не смог вытащить из-под себя руку с оружием. И

тут он понял!

Его угораздило приземлиться на острие собственного меча!

Птенчик тоскливо взглянул на лежащий неподалеку, уже остывший труп женщины, и ему стало невыносимо холодно.

Конан одним движением оказался на ногах и теперь с неподдельным сочувствием смотрел на умирающего «волка». Блуждающий взгляд разбойника натолкнулся на киммерийца. "Проклятый варвар!" На Птенчика снизошло просветление.

— Это ведь не было случайностью, правда? — спросил он и заскрежетал зубами: "Будь проклята эта жалостливая улыбка!"

Конан кивнул.

Птенчик перевалился на бок и нечеловеческим усилием вырвал из раны меч. Наверное, он снова потерял сознание, потому что, открыв глаза, увидел перед собой варвара, играющего кинжалом. Разбойник заставил себя сесть, стараясь держаться прямо и независимо, но боль в животе была такой нестерпимой, что согнула его до земли.

— Окажи мне последнюю услугу, северянин... закончим бой... твой удар последний, — прохрипел он, борясь с кровавой пеленой перед глазами.

Конан спрятал кинжал и холодным, бесстрастным взглядом посмотрел на разбойника.

— Ты мне помог, и я мог... — варвар запнулся, потом вдруг неожиданно спросил: — Ваш маг умеет целить раны? Пожалуй, я дам тебе еще один шанс...

— Что ты еще задумал, киммериец? — подозрительно прищурился Птенчик.

— Хочу подарить тебе жизнь, — ответил Конан, растягивая слова, будто размышляя вслух сам с собой. — Я слышал, где-то здесь есть подземный ход, ведущий прямо в замок. Твоя жизнь будет зависеть от быстроты твоих ног: успеешь — может Яхм-Коах и спасет тебя, нет — сдохнешь как пес, истекающий кровью. Решай же, выбор за тобой.

— Хорошо, я согласен, — с трудом выдохнул Птенчик.

— Тогда вот это передай жрецу, и скажи ему, пусть ждет, я приду, — Конан швырнул, словно кость собаке, кошелек с остатками золота.

Разбойник свободной рукой поймал кошелек и поморщился от резкой боли.

"Неужели этот варвар настолько туп, что вот так, запросто, отпустит меня?! Еще и отдал свой кошелек, кретин! Это ли не лучшее лекарство от ран? Я дойду... дойду, ведь я теперь больше зверь, чем жалкий человек. О,

Яхм-Коах, будь трижды благословенно имя твое, за то, что сделал меня таким! А ты глупый варвар, еще пожалеешь, что бросил вызов самому повелителю! Посмотрим, как будешь ты ухмыляться, когда тебя начнут рвать щипцами на куски!"

С каждой капелькой алоей крови, сочащейся сквозь пальцы, силы покидали его, и Птенчик заторопился, превозмогая боль и подступающую тошноту. Он поднялся, застонал и едва не рухнул обратно. Голова предательски закружилась и если бы не стенка сарая, то вряд ли бы устоял на ногах. Первый шаг был подобен пытке, как будто он брел по колено в воде, и к ногам его привязали вериги, второй — дался еще с большим трудом, словно он босой ступал по горячим углям. Придерживаясь рукой за стенку, Птенчик скрипел зубами, но шел, невольно оглядываясь.

В глазах стояло кровавое марево. Киммериец молча следовал за ним. Мрачная ухмылка блуждала по его каменному лицу.

— Решил меня проводить? — пересохшими губами едва прошелестел «волк», — Благодарю... но я знаю дорогу.

— Ты меня успокоил, — беззлобно ответил киммериец, с улыбкой. — А я-то думал, чего это он поплелся вокруг сарая, ведь выход-то вроде бы рядом?

Ярость на миг развеяла пелену с глаз, и Птенчик с ужасом увидел, что от боли он потерял ориентацию и пошел кружить вокруг дома, хотя дверь была от него в двух шагах... Конан еще шире заулыбался, услышав скрежет зубов разбойника, с трудом повернувшего назад. Дважды он останавливался и отдыхал, бессильно привалясь спиной к сараю, но все же доковылял до погреба и в растерянности замер перед зияющей в полу дырой. Не стоило и мечтать, что он сможет спуститься по этим крутым ступеням.

— Кажется, волк поджал хвост? — раздались за его спиной насмешливые слова киммерийца, словно нож резанувшие по самолюбию разбойника. — Не много же нужно мужества насиовать женщин и пускать кровь беззащитным крестьянам.

Птенчик втянул голову в плечи и в бессилии закатил глаза.

Ах, если бы не было этой проклятой раны, он бы бросился сейчас на варвара и зубами разорвал его глотку, ногтями бы выцарапал эти ненавистные улыбающиеся глаза. Но сил совсем не осталось. В последнем порыве отчаяния разбойник кинул тело вперед и головой вниз полетел прямо в черную пропасть подвала...

...Птенчик не знал, сколько прошло времени, пока он лежал без сознания — мгновение, день, или даже год. Влажный земляной пол

приятно холодил разгоряченное лихорадкой тело. Он приоткрыл глаза и прямо перед собой увидел огромную серую крысу.

Зверек сидел на расстоянии вытянутой руки и пристально смотрел ему в глаза. Первым чувством, вернувшимся к «волку», был лютый нечеловеческий голод и Птенчик, не задумываясь, выбросил вперед руку, намереваясь схватить любопытного зверька. Крыса в страхе шарахнулась в сторону, и пальцы Птенчика схватили пустоту, процарапав ногтями глубокие борозды на податливом земляном полу.

И тут он понял, что перестал быть человеком — в нем проснулся оборотень, хотя он и не изменил свой облик. Вместе со звериной сущностью вернулись силы. Осталась лишь тупая поющая боль внизу живота, но теперь он мог ее вытерпеть.

Птенчик поднялся на ноги, чувствуя лишь легкое головокружение, и посмотрел наверх.

Проклятый варвар все еще был здесь. Конан сидел на краю подвала и пристально наблюдал за ним. Глаза его больше не улыбались и были холодны как лед. «Волк» не стал больше тратить силы и время на пустые слова. Он повернулся спиной к варвару и быстро, насколько позволяла ему рана, скрылся в темноте тоннеля.

Конан проводил его долгим взглядом, пока тот не исчез во мраке. Можно было уходить, но киммериец почему-то медлил и сам не понимал почему. Он принюхивался к подвальным запахам, прислушивался к звукам, даже потрогал пальцами краешек кирпичной кладки. С виду ничего необычного, но все же что-то смутно тревожило варвара. Он чувствовал присутствие зла. Оно таилось где-то там, в темноте, там, где мгновением назад скрылся оборотень. Конан был почти уверен, что здесь замешано колдовство, иначе откуда у разбойника взялись силы? Так стоит ли совать нос туда, где варится магический котел, когда есть привычные земные пути?! С простым ответом на этот вопрос Конан бодро поднялся на ноги и, громко хлопнув крышкой люка, покинул злополучный хутор.

Птенчик невольно вздрогнул и часто задышал, когда где-то за спиной раздался громкий хлопок, и гулкое эхо пустилось вскачь по длинному извилистому коридору. Он подождал немного, восстанавливая дыхание, и, шатаясь от стенки к стенке, двинулся дальше. От быстрой ходьбы рана открылась, но он не обращал на нее внимания, упорно шагая вперед, пиная снующих под ногами крыс, обломки кирпича и перекрытий. Путь под землей превратился в вечность. Кровь уже не струилась, а выплескивалась сквозь пальцы из раны болезненными толчками и тянулась за ним непрерывной дорожкой. Крысы стаей трусили следом и с жадностью

лакали с земли еще теплую человечью кровь.

Тоннель полого пошел на подъем, и через сотню-другую шагов Птенчик оказался перед лестницей, ведущей к металлической дверце. Чуть ли не зубами цепляясь за ступени, «волк» втянул на площадку окаменевшее, ставшее обузой тело. Он подполз к двери, и потянулся к ржавому кольцу, вмурованному в стену. Длины руки не хватало, и Птенчик в отчаянии заскулил, его охватила паника. Разбойник выдержал паузу, собираясь с силами, уперся лбом в стену и сделал героический рывок.

Пальцы сомкнулись на стальном кольце, вес обессиленного тела рванул его вниз, приводя в движение скрытый механизм.

Птенчик устало улыбнулся, и тут же от нестерпимого света глаза его закипели, превратившись в пар, тело расплескало по всей каморке, последний крик так и застыл на губах, будто на человека обрушилась сверху вся масса расплавленных Рабирийских гор.

* * *

В зал, где угощались Яхм-Коах и герцог в обществе Кабрала, гремя доспехами, ворвался один из баронских стражников с вытаращенными глазами. Взгляды пирующих вопросительно обернулись на шум. При виде столь именитых особ, стражник нерешительно застыл в дверях, открыв от удивления и испуга рот. Он явно был из недавних крестьян и далеко не самых смышленых, и не знал, как себя вести. Поэтому в душе он проклинал Яму, за то, что тот послал его с этим заданием.

И все же он предпочитал находиться здесь, а не в ужасной комнате мага, где только что на его глазах человека, словно улитку, размазало по стене.

— Чего тебе, воин? — пришел ему на помощь жрец, почувствовав неладное.

— Воин? — с усмешкой переспросил герцог, поверх кубка лукаво устремив взгляд на барона.

— Из новобранцев, — нашелся с ответом Яхм-Коах, сжав губы, проглотив насмешку, и повторил вопрос, повысив голос: — Так что тебе нужно, солдат? Ты отнимаешь у нас время.

— Ваша милость, — наконец смог выдавить из себя стражник, — там без вашего присутствия никак не обойтись.

— Это где не обойтись без моего присутствия? — Яхм-Коах стал терять терпение.

— В ваших покоях, господин барон. Там вы велели нам охранять, — неуверенно промямлил солдат.

— В покоях? Вот как, интересно, — не преминул вставить едкое словечко Кабраль. — Поведайте нам, господин барон, кого вы так боитесь в собственном замке?

— Чуть позже, ваша светлость, я непременно вам все расскажу, — едва справляясь с собственным голосом, извинился жрец, порывисто поднимаясь из-за стола. — К несчастью я должен идти. Это очень срочное и важное дело.

— Что ж, вы здесь хозяин, и вы вольны поступать, как сочтете нужным, — благосклонно ответил герцог, — К тому же в кувшинах еще осталось вино, и нам с Кабралем не придется скучать.

Жрец неловко поклонился и стрелой выскочил за дверь, в шею вытолкнув перед собой нерадивого стражника. Он ураганом мчался по коридорам и лестницам, так что горе-воин едва за ним поспевал, задевая стальными латами за перила и стены.

Яхм-Коах словно разрушительный штурм ворвался в свой кабинет, даже не заметив, что опрокинул и разбил дорогую вазу китайской работы. Разбойники, толпившиеся у выбитой неведомой силой дверцы, ведущей в подземный ход, в ужасе расступились перед магом.

— Он все-таки пришел, да поразит Сет всех варваров на свете! — воскликнул жрец, потрясая кулаками. — Что стоите, бездельники?! Вы обыскали тело?

— Простите, мастер, — побелевшими от страха губами пролепетал Яма. — Но там нет никакого тела.

— Сам знаю! — досадливо отмахнулся маг, украдкой заглядывая в темный проход.

Он тут же пожалел о содеянном, ибо слабый желудок чародея не выдержал этого зрелища и выплеснул все содержимое прямо на стигийский ковер.

— Проверьте... Ведь что-то должно остаться: пряжки, пуговицы, оружие... — простонал Яхм-Коах, задыхаясь от спазмов. Глаза мага увлажнились от слез.

Более привычные к подобным картинам разбойники без особого рвения кинулись выполнять приказ.

— Вот — это все, что мы нашли, — доложил Яма.

Успев выпить стакан воды, жрец почувствовал себя немного лучше, и с любопытством взглянул на находку. Лицо его посерело, и к горлу вновь подкатился комок.

— Это что, печень или желудок? — процедил он сквозь зубы, закипая от гнева.

— Нет, господин! — поспешил откликнуться Яма, на всякий случай отступая на шаг. — Похоже, это кошелек.

— Вот как, уже интереснее! — жрец с брезгливостью разглядывал забрызганный кровью кожаный мешочек, не решаясь к нему прикоснуться. — Мне кажется, я его узнаю. Ну-ка, развязжи шнурок!

Яма неловко потянул за тонкий шнур, и на ковер посыпались монеты, целый дождь золотых монет.

— Да, этот кошелек я сам отдал в руки киммерийца! — торжествующе воскликнул Яхм-Коах. — Что же, одной проблемой стало меньше. Упрямый самонадеянный варвар, а ведь ты мог спокойно прогулять эти деньги в какой-нибудь грязной таверне, захлебнуться вином или потратить их на проституток. Но ты выбрал иное и получил по заслугам! — маг бесшумно рассмеялся. — Уберите там все, а золото оставьте себе, — распорядился он уже с порога.

В приподнятом расположении духа жрец отправился на женскую половину, решив лично сообщить Ремине о гибели киммерийца. Это известие должно превратить ее сердце в мягкую глину и окончательно сломит строптивость девчонки, через которую он шагнет в бессмертие.

Жрец нашел девушку в маленьком алькове, у распахнутого окна с видом на речную долину.

Ремина с бледным, словно выточенным из мрамора лицом, неподвижно сидела перед окном, а девушки-рабыни расчесывали ее волосы: одна держала перед баронессой круглое серебряное зеркальце, другая перебирала пышные белокурые локоны черепашьим гребнем. Маг окинул Ремину критическим взглядом и остался доволен.

"Перед ее красотой даже этот «железный» герцог не устоит! — ликуя, подумал он. — Все-таки удивительные существа женщины, даже будучи в заточении, они стремятся произвести впечатление на мужчин".

— Оставьте нас, — холодно бросил жрец, и девушки, подхватив свои нехитрые инструменты, поспешили выскользнули за дверь. — Добрый день, госпожа.

Ремина не удостоила его ответом, напряженно глядя за далекую линию горизонта, где острые пики гор качали на своих вершинах белоснежные облака. Маг зашипел от злости, и встал перед баронессой, загораживая вид в окне. Только тогда взгляд девушки медленно переместился на него и встретился со стальным блеском глаз жреца. Ремина мужественно выдержала их ледяной холод, и уязвленный маг первым отвел взгляд в

сторону.

— Что тебе нужно, Яхм-Коах? Ты вновь пришел смеяться и глумиться надо мной? — устало спросила она.

— О, нет! — наигранно запротестовал жрец. — Но, к сожалению, у меня лишь печальные новости. — Видя, что девушка не собирается отвечать, он продолжал: — Не знаю, насколько крепко судьба связала вас с киммерийским варваром, но думаю, тебе будет горько услышать, что с ним случилось большое несчастье.

— Конан! Что с ним!? — Ремина вскинула ресницы и с мольбой посмотрела на упивающегося победой жреца.

— Как не прискорбно мне об этом сообщать, но киммерийца больше нет! — выдохнул Яхм-Коах, едва сдерживая проявление радости. — Он пал жертвой собственной недальновидности и упрямства. — И тут уже, не скучаясь в красках и выражениях, маг вывалил на бедную девушку подробности ужасной смерти Конана. — Тебе лучше забыть о нем и смириться со своей судьбой. Герцог Ренальд уже прибыл в замок, сердце его разрывается от любви.

Известие о смерти Конана так глубоко потрясло Ремину, что девушка не слышала назидательных слов жреца. Глаза ее наполнились слезами, сердцу вдруг стало тесно в груди. Пока Конан был жив, он оставался единственным человеком, способным помочь ей в ее беде. Но теперь — все кончено.

Вместе с гибелью киммерийца исчезла и последняя надежда. Теперь она может рассчитывать только на собственные силы. Ремина медленно поднялась и встала перед магом с гордо поднятой головой и застывшим презрением во взоре.

— Будь ты навеки проклят, жрец! И твой герцог! Убей меня, можешь рвать по кускам, жги железом, но этой свадьбе никогда не бывать!

Яхм-Коах не сразу пришел в себя, так стремителен и яростен был напор девушки, но когда к нему вернулся дар речи, заговорил медленно, взвешивая каждое слово:

— Можешь не сомневаться, если потребуется, я без колебаний, сделаю это. Но сначала я хочу, чтобы ты увидела кое-что!

Он схватил ее за руку и грубо потащил за собой.

Ремина вырывалась и пыталась сопротивляться, но рука Яхм-Коаха, стальным кольцом сомкнувшаяся на запястье, и неумолимо тянула ее вниз по лестничным маршрутам, в подвалы замка.

— Куда ты меня тащишь, мерзкий слизняк! — упиралась Ремина, но маг лишь убыстрял свой шаг и крепла стальная хватка на руке баронессы.

Словно огромная старая жаба из сказки, похитившая принцессу, маг прыгал сразу через три ступеньки, увлекая за собой несчастную жертву. Все ниже и ниже опускались они в подвалы, пока не оказались в длинном и мрачном коридоре, по стенам которого потоками стекала вода, где пахло плесенью и тленом.

Маг вырвал из стены едва тлеющий факел и, не сбавляя шага, двинулся в темноту. Под ногами захлюпала смрадная жижа. Крысы притихли, с удивлением и беспокойством глядя на эту странную парочку. Маг ногой распахнул железную решетку в стене и втолкнул. Ремину под темный свод помещения.

Козим сидел верхом на столе и колол орехи щипцами для вырывания ногтей, когда в камеру влетела растрепанная, перепуганная Ремина, а следом вошел Яхм-Коах! Девушка остановилась у дверей, ожидая, пока глаза ее привыкнут к полумраку темницы.

Но прежде чем это случилось, надтреснутый, слабый голос окликнул ее из глубины помещения:

— Ремина, доченька! Как ты здесь... А это ты, злодей, привел ее сюда! — крикнул барон Сантос, заметив мага. — Клянусь, я выцарапаю тебе глаза, если хоть волос упадет с ее головы!

Худой, заросший до бровей барон, покрытый коркой засохшей крови и грязи, висел на громоздких цепях, прикованный к стене. Ремина видела, скольких усилий стоило ему поднять голову, и сердце девушки сжалось от боли и жалости. Слезы хлынули из ее глаз, и она бросилась на шею отцу.

— Дочка, зачем ты здесь? Что нужно от тебя этому негодяю? — барон слезящимися глазами с любовью смотрел на дочь, покрывающую поцелуями его искалеченные железом руки.

— Ты что-то слишком храбр сегодня, — недовольно заворчал Яхм-Коах, выступая из темноты. — Эй, Козим, я же велел, чтобы наш узник не скучал. А у тебя даже угли в жаровне погасли.

— Мастер, я уж и жилы из него тянул, и ногти рвал... Орет как резанный кабан, слышать не могу его криков, слух у меня очень тонкий, — стал оправдываться коротышка, предпочитая держаться во мраке.

— Правда? Хотел бы я послушать. Ну-ка, дай мне вон тот прихват, — хохотнул Яхм-Коах.

Козим с посеревшим от ужаса лицом молча повиновался. Маг поклацал ржавыми железными зубьями пыточного инструмента и удовлетворенно хмыкнул.

— Что может быть надежнее старых добрых клещей. Не так ли, господин барон? — с зловещей ухмылкой маг направился к окаменевшему

лицом Сантосу. — Ремина, девочка, позовь просить тебя отодвинуться в сторону.

При виде ужасного вида щипцов в руках Яхм-Коаха девушка чуть не лишилась сознания, но все же пересилила страх и повисла на руке улыбающегося жреца.

— Нет! — отчаянно выкрикнула она. — Только не это! Прошу тебя, пощади его!

— Пощадить? — удивленно пожал плечами жрец. — С чего бы мне это делать? Вот если... — он выжидательно посмотрел на юную баронессу, не опуская своего жуткого инструмента.

— Хорошо, я согласна, — обречено сдалась Ремина. — Я на все согласна.

— К чему принуждает тебя этот монстр? — встревожено спросил барон, звеня цепями. — Не соглашайся, дочка! Пусть лучше он выпьет всю мою кровь, каплю за каплей, но не услышит от меня даже стона!

— Что ж, я готов это проверить, — хищно оскалился жрец.

— Нет! — взмолилась Ремина, становясь между бароном и магом. — Отец, я не вынесу этого! Прости меня... Уйдем отсюда, жрец, — обернулась она к Яхм-Коаху, — нам еще многое предстоит сделать.

— О, эти речи мне больше по вкусу! — оживился колдун. — Обещай вести себя умницей, и с твоим отцом ничего не случиться.

— Слово чести! — кинула Ремина ему в лицо, уже не сдерживая рыданий.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Яхм-Коах, с отвращением отбросив прочь ужасные щипцы.

Он подхватил Ремину под руку и повлек к выходу из темницы, что-то ласково нашептывая ей на ухо. Барон Сантос еще долго бился в цепях, и долго гремели в подземелье его проклятия и мольбы, но древние стены замка оставались глухи к его словам, однако, кое-кто к ним все-таки прислушивался.

* * *

Яхм-Коах в своем истинном облике степенной походкой вошел в пиршественный зал и нахмурился, застав герцога за беседой с придворным чародеем. Заметив появление жреца, разговор их резко прервался, и взоры присутствующих обратились на мага. Кабраль равнодушно скучающим взглядом рассматривал его пышные облачения, герцог глядел с

любопытством, а вот глаза чародея Яхм-Коаху совсем не понравились. Было в них нечто пугающее, отчего веяло грозной силой, и жрец счел за благо не встречаться с ним взглядом.

— Мой господин, — он низко поклонился.

— Кто ты? — спросил его герцог.

— Это Яхм-Коах, — шепнул ему Кабраль, — служитель Митры в этом замке. Барон Сантос настаивал, чтобы именно этому человеку была оказана честь, провести свадебную церемонию.

— Должно быть, ты очень близко стоишь к богам, раз барон предпочитает тебя лучшим жрецам Кордавы? — Ренальд благосклонно склонил голову в знак приветствия.

Яхм-Коах позволил себе заглянуть в его чистые малахитовые глаза.

— Я лишь скромный служитель Митры, ваша светлость, но и ближайший друг барона, помогающий ему в делах вот уже на протяжении многих и многих лет. Я знаю все домашние обряды этого благородного рода. Можно сказать, что Ремина, дочь Сантоса, выросла на моих глазах, и было бы несправедливо, если кто-то другой совершил таинство церемонии.

— Разве обряд не будет проходить по установленным правилам? — железным голосом спросил чародей, и жрец почувствовал, что сердце его заходится от бешеної скачки.

— Позволь представить тебе, почтеннейший Яхм-Коах, моего чародея Витера. Он учился магии в Офире и Шеме и хорошо знает свое ремесло, — запоздало представил своего придворного мага герцог. — Ответь же нам на его вопрос.

— Буду счастлив, развеять все ваши сомнения. Конечно, церемония пойдет по установленному закону, — жрец впился пальцами в посох, чтобы собеседники не заметили, как предательски дрожат его руки. — Но в замке существует древний обычай, согласно которому, жених и невеста должны без лишних глаз предстать перед алтарем, а я молитвою скреплю их союз.

— Мне это не нравится! — откровенно заявил Битер. — В этом замке везде дремлет сила, природы которой я пока не сумел разгадать. Поэтому тебе не стоит рисковать, господин мой.

Яхм-Коах почувствовал, как пол уходит у него из-под ног. Еще бы миг и он грохнулся в обморок, и лишь благодаря тому, что позади его была стена, ему удалось остаться на ногах. Герцог и Кабраль с замешательством и тревогой смотрели на Витера, пылающий взгляд которого, казалось, так и сыпал искрами.

"Этот чародей опасен. Очень опасен, да сожрет его Сет! — лихорадочно соображал Яхм-Коах. — Он спутает все кости, если его не

остановить. Надо срочно что-то придумать!.."

— Воистину, велик твой талант и неизмерима мудрость, господин мой Битер, — елейным голо-

сом запел жрец. — Этот замок так стар и столько тайн связано с ним, что само время оставило в нем свой магический след. А история владельцев замка еще любопытнее... Известно ли вам, господа, что многие в роду Сантос были выдающимися чародеями?

— Для меня это полная неожиданность! — простодушно воскликнул герцог.

Кабраль сидел нахмутившись, исподлобья глядя на улыбающегося жреца.

— Я что-то слышал об этом, — задумчиво бросил Витер, наморщив лоб. — Вы хотите сказать, что это всего лишь след прежних хозяев замка?

— Вот именно! — подхватил Яхм-Коах. — Давно простиивший след и ничего более. Ваша светлость, прошу разрешить мне показать мастеру Битеру церемониальный зал. Если он сочтет это место опасным, тогда мы проведем ритуал в главной башне, и все останутся довольны.

— Думаю, это правильное решение, — одобрительно кивнул Витер, поднимаясь из-за стола. — Вы не против, мой господин?

— Еще бы мне быть против, — недовольно буркнул Ренальд. — Ты же знаешь, я ничего не смыслю в этих делах. Ступай, друг мой, мы с нетерпением будем ждать твоего решения.

Витер низко поклонился герцогу.

— Слушаюсь, повелитель. Веди меня, любезный жрец, мой господин не любит ждать, — строго обратился он к Яхм-Коаху.

Маг широким жестом руки пропустил его вперед и, подобострастно кланяясь герцогу, вышел следом. В голове у него уже сложился злодейский план.

Два чародея быстро шли пустынными полутемными коридорами замка. Яхм-Коах с факелом в руке освещал дорогу, то угодливо забегая вперед, то, отставая на несколько шагов. Суeta жреца под ногами раздражала Витера, и он никак не мог ни на чем сосредоточиться. Впрочем, когда они доберутся до места, он сумеет взять себя в руки. Пару раз ему показалось, что кто-то движется за ними следом, прячась в темноте стенных ниш. Но, оглянувшись в очередной раз, он опять никого не заметил, и счел это за болезненные фантазии, навеянные зловещей атмосферой замка. Витер выругался про себя. "Глупец, тебе уже кругом мерещатся призраки! Возьми себя в руки... Несносный жрец, он скоро выведет меня из терпения!"

— Ну, вот мы и пришли, — Яхм-Коах остановился перед высокой бронзовой дверью с чеканным изображением каких-то мистических чудовищ, на покрытой патиной поверхности. — Возьмите факел, господин, там довольно темно, и осторожнее, умоляю вас, сразу за дверью крутые ступеньки.

Жрец побренчал ключами на поясе, выбрал один и трижды повернул его в незаметном механизме замка. Створки распахнулись сами собой. Витер шагнул вперед и замер на пороге, пристально всматриваясь в темноту помещения.

Прошло несколько мгновений, прежде чем он понял, что комната абсолютно пуста. Яркий свет факела не доставал ни стен, ни потолка, ни даже пола.

— Где же ступеньки!? — Витер заморгал глазами в недоумении, и не сразу заметил, как чья-то тень метнулась к нему и сильные, жилистые, словно древесные корни руки сомкнулись на теле чародея. Грудь пронзила слепящая боль, послышался хруст ломаемых ребер, глаза чародея полезли из орбит. Витер хотел закричать, но эти руки, которые не могли принадлежать человеку, выжали из его легких весь воздух. Перед глазами придворного мага всплыло улыбающееся лицо жреца.

— Ты прав, мой друг, — с поддельным сочувствием сказал Яхм-Коах. — Наверное, я ошибся комнатой, а в этой действительно нет ступенек. Но извини, поправить ничего не возможно, даже если это колодец. Мне всегда хотелось узнать есть ли у него дно, — и жрец мерзко хихикнул. — Но я так никогда и не узнаю. Тебе же больше повезло. Надеюсь, падение будет долгим. Прощай, мой друг. Вакаши!..

Затухающим сознанием Витер почувствовал, как его ноги оторвались от пола, и дикий страх охватил чародея. Руки его были беспомощно прижаты к телу железной хваткой кушита, боль парализовала мозг, из памяти куда-то исчезли слова всех заклинаний. На миг он замер над пропастью. Сломанные ребра раздирали грудную клетку, а затем вдруг разом на него снизошло облегчение, и милосердные боги погасили остатки сознания...

— Восемнадцать, девятнадцать... Как думаешь, Вакаши, он уже приземлился? — Яхм-Коах осторожно заглянул за край колодца.

Чернокожий невольник сверкнул белозубой улыбкой.

— Разве он есть птица? Моя ломай ему кость, здесь, — кушит ударил себя в грудь кулаком. — Медуза падать — тоже неслышно.

— Что ж, измерим глубину в другой раз. Яхм-Коах закрыл дверь и не спеша отряхнул руки.

— Теперь я обернусь этим самонадеянным высокочкой и заверю герцога, что более опасаться нечего. Чисто сработано!

— О да, только Амра хитрей господина, — сверкающая улыбка не покидала широкой физиономии Вакаши.

— Сколько раз говорил, не смей сравнивать меня с твоими варварскими богами! Теперь ступай, следи за Реминой и ни на шаг не отходи от ее дверей!

Глава VII

Теплый, бархатный вечер опустился в долину, но если внизу уже сгустился мрак, окутав виноградники на склонах и лес в пойме реки, то пики гор еще сверкали в кроваво-золотых лучах заката, словно остро заточенные наконечники копий.

В дубравах стихли трели птиц, лес уснул, лишь невидимые цикады перекликались в траве стрекочущими голосами, да нескончаемый речной поток звенел и клокотал на перекатах. Раскалившийся за день воздух, благоухал ароматом цветов и медоносных трав, словно божественный нектар. Но камень и земля так быстро теряли свое тепло, что времени насладиться этим волшебным переходом от дня к ночи почти не оставалось. Студеное дыхание ледников неумолимо спускалось в долину, и вот уже в траве заблестела роса, а над рекою поднялись белесые космы тумана. Серебряный лик луны выглянул из-за невесомых разорванных облаков, и всю долину залило призрачным серебристым сиянием. Это была ночь полнолуния.

Конан передернул плечами от холода. Днем он обошел кругом замок, а остаток времени просидел в кустах, наблюдая за стенами и воротами цитадели. Мышцы затекли от долгой неподвижности, но теперь он знал все: когда меняют караулы, где стены ниже и доступней, с какой башни просматривается та или иная часть местности, он исследовал каждый овражек и каждую ложбинку на склоне и теперь мог незамеченным пробраться к самым замковым стенам. Будучи опытным воином и повидав множество укреплений и крепостей, Конан отдавал должное древним строителям этой крепости, искусно выбравшим для нее место — провести армию под стены скрытно от наблюдателей в башне, было практически невозможно. Но за спиной киммерийца и не было никакой армии, а одному человеку легко затеряться в неровностях и складках склона.

Оставался еще ров. Сейчас, в разгар лета вода в нем спала, и, угодив в него, человек попадал в ловушку, не доставая края рва с поверхности воды. Но и это препятствие преодолимо, особенно для того, кто родился и вырос в горах. Днем над зубцами главной башни взвился зеленый с золотом флаг, рядом с черно-белым полотнищем барона Орландо, из чего киммериец заключил, что герцог Ренальд прибыл в замок. Конан решил дождаться темноты, а уж тогда и проникнуть за стены, и терпеливо ждал весь день, скрытый листвой густого кустарника, не обращая внимания на полчища

кровожадных москитов, кружящихся вокруг.

Черная громада замка высилась на залитом лунным сиянием склоне. Флаги на башне едва полоскались под легким дуновением ветерка.

Изредка между зубцами стен мелькали факельные огни, и слышалась перекличка стражников. В неверном лунном свете стены казались еще неприступнее, а башни застывшими в дозоре великанами. Конан с надеждой взглянул на небо, может одна из туч наползет на насмешливый диск луны, но ничего кроме разочарования не испытал. Небо было чистое и бездонное, усыпанное самоцветами звезд. Только на севере небосклона виднелась полоска серых облаков, цепляющихся брюхом за горные кручки.

"К полуночи они будут здесь", — прикинул Конан и решил еще подождать немного.

И в этот миг над сонным замком прогремел гул набата, переполошивший лесных обитателей. Мощный голос медного гонга, словно гром небесный, ворвался в безмятежную долину, и горы вторили ему протяжным долгим эхом. Набат мог означать лишь одно — церемония в замке вот-вот начнется. Это подхлестнуло Конана к действию. Киммериец негромко выругался и бесшумно выскользнул из своего убежища.

* * *

— Пора, госпожа моя, — обратилась к Ремине одна из девушек, помогавших баронессе облачиться в свадебный наряд. — Ваш жених ждет вас в замковом храме.

— Ой, Ремина, ты должно быть такая счастливая! Я так тебе завидую! Говорят, что герцог — красавчик, — радовалась за подругу госпожа Филиппа, сверстница юной баронессы, товарищ детских игр и забав, отец которой верой и правдой служил барону Орландо и пал в одном из пиктских походов.

Ремина, отрешенная от всего земного, погруженная в горькие мысли, думала о своей несчастной судьбе и гибели киммерийца. Ничто теперь не связывало ее с этим миром, который она прежде так любила. Даже страдания отца, готового принять мученическую смерть, но не склониться перед жрецом, казались ей абсолютно напрасными.

Гибель варвара, к которому она прониклась доверием и испытывала странное неосознанное влечение, окончательно сломило ее. Киммериец казался ей героем из древних легенд, будораживших воображение девушки,

побеждающим злом и помогающим сирым и слабым. В своем пылком воображении она создала этот романтический образ и сама не заметила, как влюбилась в него. Это была наивная юношеская влюбленность, чистая и прекрасная. Поэтому, когда Филиппа произнесла эти невинные с виду слова, сердце баронессы взорвалось от боли, а боль выплеснулась в неосознанный гнев.

— Как ты смеешь так говорить! — выкрикнула Ремина, вырываясь из рук рабынь. Рука баронессы взлетела вверх, готовая отвесить пощечину этой глупой простушке.

Филиппа вся сжалась, с удивлением и страхом глядя на свою подругу. Рабыни застыли в оцепенении.

— Простите, госпожа! Умоляю, простите! Я не должна была так говорить о вашем женихе! — скороговоркой оправдывалась Филиппа, стараясь не смотреть в пылающие гневом глаза баронессы.

"О, Митра, что я делаю!?" — вдруг поняла Ремина. — Чем виновата бедная Филиппа? Ведь она ничего не знает ни обо мне, ни о Конане, ни о замыслах Яхм-Коаха. Милое, доброе существо, пребывающее в неведении. Не я, она счастливее меня во сто крат!"

Рука баронессы безвольно упала.

— Прости меня, дорогая Филиппа! — в порыве раскаяния воскликнула девушка и, чтобы хоть как-то сгладить свою вину, с нежностью поцеловала подругу, которая совсем растерялась от быстрой смены настроений, происходящей с баронессой.

— Наверное, всему виной волнение, — попыталась найти объяснение этим переменам Филиппа.

Обе девушки готовы были расплакаться в объятиях друг друга.

— Вас ждут, госпожа, — напомнила им рабыня.

— Да-да, — как эхо отклинулась Ремина, — идемте, я готова.

Служанки набросили ей на голову полупрозрачную, тонкую ткань, полы которой ниспадали до пят девушки и до времени скрывали лицо, и, взяв под руки, повели в храм.

Если бы Ремину спросили, какие чувства владели ее сметенной душой во время этого скорбного марша, что видели ее глаза, о чем она думала: девушка бы не нашлась, что ответить.

Еще не доходя до святилища, процессия с невестой услышала звуки торжественной музыки и хор нестройных голосов, прославляющих Митру. Когда Ремина и сопровождающие ее женщины ступили под низкие своды храма, уже оглушенные какофонией гремящих инструментов и пением охрипших голосов, юная баронесса чуть не лишилась чувств от смрадного

запаха горелой плоти жертвенных животных. В маленький не проветривающийся зал набилось множество народа, но девушка смотрела на собравшихся здесь людей и не узнавала знакомых лиц. На трех гигантских жертвенниках полыхали костры, сложенные из цельных древесных стволов. Жара и духота в храме могли легко свалить с ног здорового мужчину, не говоря уже о юной девушке, нервы которой и так находились на грани срыва.

Невидящий взгляд Ремини блуждал по стенам залы, смотрел сквозь людей и ничего не замечал, пока не натолкнулся на человека, неподвижно стоящего в центре помещения. Это был мужчина: высокий, стройный с пышной гривой иссиня-черных волос, ниспадающих на широкие плечи. Взгляд девушки застыл на этой мужественной фигуре. На миг ей показалось, что она ее узнает...

— Конан! — невольно вырвалось из ее уст и она порывисто шагнула в сторону своего кумира.

Несмотря на гром барабанов и визг флейт, мужчина услышал этот взмолнованный вскрик и обернулся. Юная баронесса застыла, словно натолкнулась на невидимую преграду.

На нее с изумлением и любопытством смотрели жгучие зеленые глаза, — и это не были глаза северянина.

В это время из-за жертвенников появилась другая фигура, облаченная в пышные златотканые одеяния.

— Подойди к своему избраннику, дочь моя! — торжественно провозгласил жрец.

Ремина не сдвинулась с места. Она не видела и не слышала ничего. По залу пополз зловещий шепоток. Тогда герцог сам приблизился к ней и осторожно взял за руку. От этого прикосновения девушка вздрогнула, но покорно позволила проводить себя на центр зала. Яхм-Коах, пристально следивший за ними, удовлетворенно кивнул и низким голосом обратился к Митре, открывая церемонию.

Все остальное Ремина видела точно во сне. Как жрец принес новые жертвы и бросил их в пылающий огонь: белую косулью, чтобы душа ее мчалась во все уголки земли и всем поведала о торжестве, серебристую рыбку, дабы не обиделись духи воды, и, наконец, белую цаплю, чтобы птица, поднявшись в небо, оповестила богов и других небожителей...

Следуя за жрецом, молодая пара несколько раз обошла вокруг храма, раздавая гостям золотые монетки, символизирующие Солнце...

Девушка очнулась только тогда, когда под сводами прозвучали торжественные слова Яхм-Коаха:

— Теперь, муж, ты можешь снять с этой девушки покрывало невинности. Отныне ее молодость, красота и тело принадлежат тебе. А ты, жена, взгляни на господина своего. Отныне он будет заботиться о тебе и защищать. Да осветит солнечный Митра ваш союз!

Ренальд, едва справляясь с волнением, нерешительно потянул за край покрывала. И вот ткань упала к ногам баронессы, и девушка робко оторвала от пола застенчивый взор. Герцог не удержался от восхищенного вздоха, словно к нему наяву явилась сама богиня любви.

В этот момент хор затянул новый гимн. Присутствующие загомонили и сталисыпать молодую пару лепестками цветов. Но теперь уже ничего на свете не замечал герцог Ренальд, не в силах отвести горящих любовью глаз от юной баронессы Орландо. И девушка, для которой все это торжественное представление было в новинку, не сдержала любопытства и впервые открыто посмотрела на своего избранника, теперь уже супруга. Ей понравился его гордый профиль, волевой подбородок и благородство. Красоте ее лъстили эти малахитовые глаза, которые смотрели на нее с обожанием.

Яхм-Коах выдержал долгую паузу, чтобы молодые смогли вдоволь наглядеться друг на друга, если такое вообще возможно для влюбленных, и бесцеремонно прервал их идиллию.

— Давайте же, пройдем в родовое святилище, дети мои. Покончим с ритуальной частью. А после в вашем распоряжении будет вся жизнь, полная наслаждений, нежности и любви.

Ремина, чуть не плача, вернулась в реальный мир и затравленно огляделась по сторонам. Только сейчас она заметила, что большую часть приглашенных составляли разбойники, наверняка скрывавшие оружие в складках одежды.

"Чудес не бывает", — с горечью подумала она.

А герцог уже вел ее сквозь расступающуюся толпу.

* * *

Словно юркая ящерица, варвар перебирался от укрытия к укрытию, оставаясь невидимым для врагов. Дикий зверь мог позавидовать его ловкости и сноровке. Он быстро добрался до рва и притаился в развалих камней. По краю стены прошел стражник. Даже отсюда, Конан заметил, что воин мертвеечки пьян. Одним прыжком киммериец оказался у зияющей в скале широкой трещины и перекинул тело через край. Он повис на руках

и медленно стал погружаться в холодную черную воду. Когда вода поднялась ему выше пояса, Конан разжал пальцы, и без всплеска с головой ушел в застоявшуюся грязную жижу. Вынырнув на поверхность, он сперва огляделся, а потом бесшумно, расталкивая мусор перед собой, поплыл к противоположному берегу. Достигнув середины канала, Конан услышал громкий всплеск позади себя, будто кто-то большой и грузный поднялся со дна. И без того холодная вода вдруг показалась киммерийцу ледяной. Мокрые волосы зашевелились у него на затылке.

Он резко обернулся и встретился взглядом с горящими зелеными глазами величиной с кулак взрослого человека, неподвижно наблюдающие за ним с поверхности воды.

Мышцы варвара напряглись, и руки сами потянулись к кинжалу на поясе. Зверь, кем бы он ни был, бесстрастно таращился на киммерийца, пока не выказывая враждебности. Почувствовав в руке твердость костяной рукояти, Конан слегка успокоился. Страх прошел. Он вновь поплыл к своей цели, не выпуская зверя из поля зрения.

Животное фыркнуло и с невероятным проворством последовало за ним. Конан замер, пытаясь унять бешеный ритм сердца. Зверь тоже остановился. Варвар никак не мог понять, что им руководило — голод, или может быть любопытство, но предпочел бы обойтись без драки — борьба в воде непременно привлечет внимание стражников.

— Эй, чего привязался? Плыви себе в другую сторону, — тихо проговорил Конан, плеснув водой в немигающие зеленые глазищи.

Животное обиженно хрюкнуло и подалось немного вперед. Варвар почувствовал, как гибкое сильное тело, покрытое роговой чешуей задело его обнаженную руку. А потом длинный шершавый язык лизнул северянина прямо в лицо.

— Прочь! Пошел прочь! — отплевывался киммериец. — У меня для тебя ничего нет. Иди поймай себе жабу.

Зверь тут же скрылся под водой. Конан с облегчением вздохнул и в несколько гребков достиг противоположного берега рва. Ощупав руками стену, он наткнулся на небольшую трещину, и стал подтягиваться. В этот момент киммериец почувствовал, как кто-то осторожно ухватил его за ногу и настойчиво потянул вниз. Конан напряг все силы и вырвался из хватки зверя, оказавшись на кромке рва.

Животное жалобным взглядом своих застывших глаз снизу вверх смотрело на человека. В огромной пасти с тонкими иглами зубов еще дергала лапами огромная толстая жаба.

— Ты что же это, мне ее принес? — Конан не удержался от улыбки. —

Спасибо, приятель, но лучше съешь ее сам.

Жаба тут же исчезла в пасти зверюги.

— Умный зверь, — похвалил его киммериец. — Мне нужно идти, но обещаю принести тебе большой кусок мяса. Согласен?

В первый раз с момента их встречи животное моргнуло, беззвучно разинуло пасть и исчезло под черной поверхностью вод. Едва веря в случившееся, Конан покачал головой, а потом повернулся и быстро побежал вдоль стены, огибая выступающий замковый бастион.

Для подъема он выбрал один из самых высоких участков; целиком полагаясь на неприступность укреплений, стражники здесь появлялись редко, к тому же в этот отрезок ночи стена находилась с теневой стороны.

Время выщербило камень кладки. Подножие тонуло в густых зарослях дикого винограда, цепляющегося за трещины в камне.

Киммериец коснулся стены, и кладка начала крошиться у него под рукой. С кривой усмешкой посмотрев наверх, где зубчатый край цитадели, казалось, упирался прямо в звездное небо, Конан взялся за дело.

Скалистые горы Киммерии служили варвару колыбелью, отвесные кручи укрывали от ветра. С детских лет Конан лазал по скалам: мальчишкой в поисках птичьих гнезд, а позже, став мужчиной, охотясь на горных козлов и снежных барсов.

Подняться по отвесной стене замка было для него так же просто, как вскарабкаться по голой гранитной скале в погоне за раненым зверем. Дыхание его оставалось чистым и ровным.

Конан спрятался за каменным парапетом и осторожно выглянул из своего укрытия. Прямо на киммерийца шел стражник, что-то недовольно бурча под нос. Все свое внимание он сосредоточил на том, чтобы твердо стоять на ногах и не подходить близко к краю стены. Казалось, беднягу ветром качает из стороны в сторону. Конан поднялся во весь свой могучий рост и смело шагнул ему навстречу.

— Чудесная ночка, приятель, — весело бросил он.

Стражник застыл как вкопанный, хмельными глазами вытаращившись на киммерийца.

— Ты кто? — с трудом ворочая языком, сумел выдавить он. — Разве сейчас не моя смена?

— Верно. Долг превыше всего — первая заповедь настоящего воина, — похвалил его Конан. — Но надо же и отдыху время знать.

С этими словами варвар слегка стукнул солдата по голове, и тот мешком рухнул к его ногам.

— Надеюсь, приятель, тебя нескоро хватятся, — сказал Конан вслух,

оттаскивая в тень бесчувственное тело стражника.

Потом, уже не скрываясь, он осмотрел с высоты весь двор и прилегающие к нему постройки. В большинстве окон замка горел яркий свет, мелькали раскрасневшиеся лица слуг в разноцветных одеждах. Конан вспомнил, глотая слону, что со вчерашнего дня ничего не ел, услышав ароматный запах жареного мяса.

Он спустился во двор и, двигаясь вдоль стены, добрался до главной башни, высокими каменными виадуками, связанную с большинством строений внутри стен.

"Храм находится глубоко под землей", — припомнил Конан слова Ремини.

Но чтобы попасть туда, ему нужно было незаметно пробраться во дворец. Стража у центрального хода в башню вела себя на удивление беспечно, развлекаясь игрой в кости и пустив по кругу кувшин вина. Киммериец прошел у них перед самым носом, но никто из воинов даже не взглянув в его сторону, увлеченные яростным спором, вот-вот готовым перерasti в драку. Никого не встретив на пути, Конан беспрепятственно добрался до моста, и тут боги вновь улыбнулись ему — луна скрылась за облаками и долина, горы и замок погрузились в непроглядную ночь. Но вот дальше киммерийца ждали серьезные трудности. Конан не задержался под аркой прохода и решительно толкнул дверь, оказавшуюся незапертой. За дверью перед ним открылся едва освещенный факельным светом полупустой зал, по-видимому, служивший хозяевам арсенальным помещением. Сейчас зал выглядел убого, как закрома безземельного фермера. Наверно, для владельцев замка настали тяжелые времена, но когда-то здесь было полно оружия и военного снаряжения, остатки которого в беспорядке валялись по пыльным углам.

Все это Конан машинально отметил, обежав глазами пустынную комнату, и замер на месте, встретившись взглядом с парой внимательных желтых глаз. Два огромных мраморной масти пса, каких используют местные горцы, перегоняя свои стада через Рабирийские перевалы, не скрывая враждебности, смотрели на незваного пришельца. Грозно зарычав, псы словно по команде, одновременно бросились на чужака. Не выпуская из поля зрения горящих яростью звериных глаз,

Конан вырвал из-за плеча клинок и приготовился к встрече с противником, решив действовать быстро и наверняка. Но собаки оказались умнее, чем думал варвар. Вид грозной стали в руках человека, сверкнувшей в отблесках огня, остановил их на полу пути. Не спуская с чужака внимательных глаз, один из псов уселся напротив Конана, а другой с

громким лаем бросился прочь из зала. Варвар выругался от досады. Сейчас сюда сбегутся слуги и стражники, и тогда ему придется прорываться с боем. Но ждать он их не собирался. Киммериец быстро огляделся по сторонам. Взгляд его просветел, когда он заметил висевший на стене щит, всего в трех шагах от себя. Конан сорвал его вместе с железным крюком, вмурованным в кладку, и, спрятавшись за ним, пошел прямо на собаку, угрожающе размахивая мечом. Пес реагировал быстрее, чем большинство людей, бросавших киммерийцу вызов. Он просто ушел с дороги человека, вид которого не предвещал веселой охоты. Конан с оглядкой скорым шагом пересек зал, и нос к носу столкнулся в проходе с заспаным слугой, которого за полу не подвязанной в спешке туники тянула за собой вторая собака. Могучая фигура варвара, выросшая перед ним точно из-под земли, лишила бедолагу дара речи. Рот его открылся в немом изумлении. Ни на миг не замедляя шага, Конан двинул горемыку в лоб рукояткой меча.

— Ох... — только и сказал тот, оседая на пол.

Пес успел проскользнуть между стеной и киммерийцем, оказавшись у него за спиной. Обе собаки замерли на пороге, демонстрируя варвару огромные желтые клыки. Со злорадной улыбкой Конан захлопнул дверь у них перед носом и обмотав ремень щита вокруг дверной ручки, намертво заклинил ее.

И тут где-то в глубине замка запел хор жрецов, воздавая хвалу солнцеликому Митре. Это значило, что свадебная процессия уже на пути к родовому святилищу, а опаздывать к началу церемонии в планы Конана никак не входило. Он бросился бегом по узкому темному коридору, ориентируясь на нарастающий звук голосов, забираясь вглубь строения. Все чаще и чаще на пути его встречались слуги и стражники, провожавшие чужака в необычном наряде удивленными взглядами. Но здесь, в самом сердце замка, никому из них даже в голову не пришло окликнуть или остановить этого странного воина, быстро и уверенно двигавшегося по коридорам.

Конан достиг лестницы, спускающейся к величественному порталу древнего капища, и поспешил укрыться за углом. Бронзовые створки дверей были плотно закрыты, а небольшое помещение и маршевые ступени заполнила плотная толпа солдат с оружием наготове.

"Нужно искать другой вход, — подумал Конан, задумчиво почесав подбородок. — Здесь и мухе не пролететь".

В том, что в храме должно быть несколько выходов, киммериец не сомневался и без промедления взялся за поиски. Он выбрал один из боковых коридоров. Шагов через тридцать в стене

открылось черное отверстие прохода. Аккуратной стопкой рядом высилась гора кирпичей.

Конан, не задумываясь, нырнул в тоннель... Исчезающий в кромешной темноте коридор был так узок, что скорее напоминал трещину, и варвару с его широкими плечами пришлось двигаться боком. Пахло пылью и строительным мусором. Коридор закончился глухим тупиком.

Конан чуть не взывал от разочарования и уже попятился назад, как вдруг передумал и вернулся обратно. Здесь, в тупике, запах был особенно густым, и пахло ничем иным, как свежей кладкой. Конан ощупал стену и убедился в правоте своей догадки — проход замуровали не позднее сегодняшнего утра. Киммериец уперся в стену плечом и почувствовал, как кирпичи поддались. Ободренный первым успехом, он усилил нажим и чуть не рухнул вместе с рассыпавшейся стеной. За развороченным проходом находилась маленькая, освещенная извне каморка. Свет проникал через слуховое окно, через которое свободно мог пролезть даже варвар. Вместе со светом в помещение проникали и чьи-то голоса. Киммериец выглянул в окно и помрачнел.

Внизу во всем своем зловещем великолепии пред взором северянина предстал центральный зал храма. Беломраморные стены и потолок украшали искусные барельефы с ужасающими мордами фантастических чудовищ, и леденящими кровь сюжетами человеческих истязаний и массовых жертвоприношений. Картины, как показалось Конану, не слишком приличествующими образу светлого Митры. В середине зала возвышался алтарь, залитый свежей кровью принесенного в жертву барана.

Рядом с жертвенником стоял Яхм-Коах в нелепых тяжеловесных одеяниях, с сосредоточенным видом ковыряясь в бараньих потрохах. За его спиной, приклонив колени на специальной скамеечке, замерли две фигуры, зачарованными глазами наблюдая за действиями жреца. В одной из них Конан сразу узнал Ремину, хоть это и оказалось совсем непросто. От той гордой и независимой девушки, какой запомнил ее киммериец, не осталось и следа. Куда исчез этот воинственный и чарующий блеск серых глаз, живой румянец на щеках и гордая осанка. Сейчас ее лицо было белее мраморных плит храма, пустой безжизненный взгляд неподвижно уставился в одну точку, но и в ней не находил утешения. Грудь девушки высоко вздымалась, словно она задыхалась в чаду коптящих факелов. Но даже такая Ремина была изумительно хороша, отметил про себя киммериец.

Рядом с баронессой находился мужчина, вид которого сразу выдавал его ремесло.

Несмотря на молодость в нем чувствовался опытный воин, привыкший смотреть в лицо врагам. Но сейчас его взгляд, словно загнанный в клетку зверь, метался от Ремины к жрецу, то восхищенный, полный страсти, то исполненный удивления и испуга.

А между тем, жрец разыгрывал перед своими зрителями жуткое кровавое представление. Он извлекал внутренности несчастного животного, внимательно рассматривал со всех сторон и аккуратно раскладывал на поверхности камня, сопровождая свои действия монотонным пением на незнакомом киммерийцу языке. Зал был ярко освещен, но даже свет сотен факелов и торжественный голос жреца, не лишенный по-своему красоты, не могли рассеять той гнетущей атмосферы, что казалось насквозь пропитала сам воздух этого зловещего места. Копан ни на миг не усомнился в том, что здесь творилось величайшее зло и скоро на сцене появятся Силы, пред которыми люди с их мелочными желаниями и тщеславными побуждениями покажутся жалкими насекомыми. Факельный дым поднимался к низкому потолку, и каменные монстры будто оживали в его сизых клубах, ощерившись кинжалами зубов и острых когтей.

Жрец все тянул свою песню-заклинание, не забывая терзать безжизненное тело жертвы. Руки его до плеч были выпачканы кровью, глаза горели лихорадочным огнем, речь становилась все громче и громче.

Внезапно Конан поймал себя на том, что магическое песнопение Яхм-Коаха и сцена жертвоприношения, виртуозно исполняемая жрецом, заворожили и его. Он даже встряхнул головой, чтобы избавиться от наваждения. Варвар заскрежетал зубами и нещадно себя обругал.

"Еще бы миг и ты бы забыл, зачем явился сюда! Смотри внимательно, это шутовское представление не может длиться вечно..."

* * *

Ремина держалась из последних сил. Слезы бессилия душили ее изнутри и разрывали грудь.

Но она не смела даже полунамеком показать своих чувств. Казалось, все случившееся происходит не с ней, а с кем-то другим, и не в этом мире. Что все это лишь страшный сон, и вот сейчас она проснется и больше не будет кошмара. А будет отец — живой, невредимый, веселый, и только добрые, приветливые лица вокруг. На улице пойдет дождь, и она выбежит во двор замка, с наслаждением подставив под ласковые теплые струи лице

и руки, чтобы смыть с себя эту грязь и избавиться оточных наваждений. Ужас перед неизвестным, что должна она испытать, став игрушкой в руках Яхм-Коаха, задавил в ней последние ростки жизни, связывающие человеческое существо с реальным миром. Что может ждать ее за той неведомой гранью, через которую ей предстоит шагнуть? Неужели ей суждено превратиться в чудовище, стать проклятием всего живого? Забыть, как дивен этот мир, не любить, не страдать, не быть счастливой?!

"Где же вы, светлые боги?! Обрушьте своды храма на голову бесчестного жреца! — горячо молила она небеса. — Пусть я умру вместе с ним, но не позвольте злу править миром!"

Но время неумолимо шло, а боги оставались глухи к ее мольбам.

Ремина посмотрела на герцога. Встретила его обожающий взгляд и, не в силах вынести этой пытки, опустила глаза.

"Счастливый, но глупый, — с горечью подумала она. — Как позволил ты, сильный и храбрый, втянуть себя в эту сделку с преисподней? Куда смотрели твои глаза? Где те прорицатели и мудрецы, коим вверил ты свою жизнь?.. И все же, ты дважды счастливый человек, герцог Ренальд. Любовь выжгла твой разум, но, по крайней мере, ты успел ее испытать. И ты не знаешь, что еще уготовано тебе впереди, и лучше бы не знать до конца... А если этому все-таки суждено случиться, то я попробую спасти тебя... и себя..."

С этими мыслями Ремина украдкой потрогала холодную сталь ножа, спрятанного у нее на груди, и ей стало немного легче. За этот нож она отдала кухарке все свои драгоценности и со слезами чуть ли ни на коленях умоляла старушку.

В конце концов, та сжалилась над несчастной девушкой...

С ножом у сердца Ремина уже не чувствовала себя такой беззащитной.

* * *

Конан потерял счет времени. Жрец осип и хрипел, как туранский боевой рог. Он впал в экстаз и в исступлении рвал руками еще теплую, источающую кровь, баранью плоть, и едва держался на ногах. Но внезапно его пение оборвалось, и в храме воцарилась могильная тишина. Шатаясь, словно пьяный зингарский моряк, он обошел кругом алтарь и на некоторое время исчез из поля зрения киммерийца. Послышался глухой металлический звон, неясный шум и шаркающие по полу шаги. Маг появился перед жертвенным камнем, неся на вытянутых руках большую

глиняную чашу, инкрустированную серебром и расписанную тонкой вязью затейливых символов. Странного вида изумрудная жидкость заполняла ее до краев. Он остановился у камня и с благоговением водрузил сосуд на алтарь.

Конан с замиранием сердца пристально следил за каждым его движением. По описанию Ремини он бы узнал эту чашу из тысячи и испытывал невольный трепет перед этим магическим сосудом, скрывающим в себе величайшую тайну проклятия рода Орландо.

"Что же делать?" — лихорадочно думал варвар. — "...тысячи заклинаний испробовал Кассий, но так и не смог уничтожить чашу...", так, кажется, говорила Ремина. Заклинаний?.. Занятно, а пробовал он ее просто грохнуть об пол? Маги любят все усложнять. По крайней мере, мне никто не помешает попробовать".

— Встаньте, дети мои, и приблизьтесь! — торжественно произнес Яхм-Коах.

Маски чудовищ на стенах как и прежде угрожающе ухмылялись, но при этих словах жреца, казалось, навострили уши.

Девушка и юноша вздрогнули от неожиданности и неуверенно поднялись с колен. Герцог взял баронессу за руку и чуть не вскрикнул. Ладонь Ремини была холодна, словно лед.

"О, Митра! Как она замерзла, бедняжка! — с сочувствием подумал Ренальд. — Скорей бы уж все это закончилось".

Всего несколько шагов отделяло молодую пару от жертвенника, но этот путь показался Ре-мине бесконечной дорогой на эшафот. И только острый кончик ножа, впившийся ей в грудь, еще связывал ее с действительностью.

Жрец выдержал паузу и продолжил:

— Сейчас именем светлого Митры вы должны принести клятву верности друг перед другом и скрепить ее глотком этого божественного вина, смешанного с вашей кровью, — с этими словами Яхм-Коах откуда-то из бесчисленных складок своей одежды извлек длинную металлическую спицу. — Ваша светлость, дайте мне руку.

Не в состоянии отвести зачарованных глаз от ужасного инструмента, Ренальд покорно протянул ему открытую ладонь.

Яхм-Коах зашептал заклинание, закатив глаза к потолку. Конан видел, как предательски дрожали его руки, словно с магом случился припадок какой-то страшной болезни, скрутившей все его тело в судорогах. Легкий, едва ли болезненный укол, — и рубиновая капелька крови повисла на конце иглы.

Но может быть от неожиданности или пережитого волнения и страха герцог вскрикнул так, будто его ужалила ядовитая змея. Капля крови, затрепетав, сорвалась вниз и смешалась с вином в сосуде. Тут же над чашей закружился маленький вихрь, в глубине которого замелькали разноцветные искры. А может, то было свернувшееся в спираль ночное небо с россыпью драгоценных звезд...

— Пред тобой, Всемогущий, склоняюсь я, — торжественно заговорил Яхм-Коах. — Явись нам в своем истинном облике, дабы исполнились слова пророчества. Кровь древних королей, дарующая начало жизни, смешалась в этой чаше, взывая к отмщению! А теперь ты, дочь моя, — ласково, почти по-отечески, произнес жрец.

Ремина пошатнулась. "Когда кровь двух великих начал падет на сердце мое, восстану я из бездны, сильнее тысячекратно, и, смеясь, взгляну на людей, мнящих себя властелинами мира..." Так вот о чем говорилось в легенде*

Ведь в ней и в Ренальде течет кровь Зингарских владык. Они родственники, очень дальние, но какая разница! И новая жизнь?.. Мужчина и женщина, только этот союз дает побеги новой жизни. Как же она раньше этого не поняла?! Что же, сейчас или никогда! — подумала Ремина, и рука ее медленно потянулась к спрятанному на груди кинжалу.

Конан уже был готов к этому моменту.

Он сжал в руке обломок кирпича, размахнулся и кинул его сквозь слуховое окно. Варвар понимал, что от этого броска зависит жизнь Ремины, его, Конана, жизнь и еще судьбы многих и многих людей. Промахнись он, и мир покатится в преисподнюю. Но киммериец не промахнулся. Камень, описав дугу, угодил прямо в чашу, как раз в тот момент, когда алая капелька крови девушки коснулась изумрудной поверхности. Жидкость с шипением и брызгами выплеснулась через край, залив Яхм-Коаха зловещей зелено-красной кровью с ног до головы, и в тот же миг чаша разлетелась на мелкие черепки. Жрец в ужасе отпрянул прочь. Его землистого цвета лицо исказилось в смертельной муке, будто у него еще живого калеными щипцами вырвали сердце.

Конан пролез в окно и словно кошка мягко спрыгнул вниз. Услышав непонятный шум, маг резко обернулся на звук и встретился глазами с ухмыляющимся киммерийцем, неспешно шагающим к алтарю.

— Ты?! Ты! — попятился перед ним Яхм-Коах, но налетел спиной на жертвенник и замер с открытым ртом. — Ты пришел сюда из мира теней, чтобы мне отомстить?

— Я еще не покидал мир живых, но в остальном, жрец, ты попал в

самое яблочко, — ответил ему северянин.

— Конан!? — вырвался взволнованный крик из груди Ремины. — Ты жив! О, вечно живущие боги, вы услышали мои мольбы!

Киммериец приветливо улыбнулся девушке и заметил, как ревниво нахмурились брови герцога.

— Что это значит? — строго спросил Ренальд, привычным жестом опуская руку на эфес меча.

Но клинка на месте не оказалось: все оружие Яхм-Коах приказал оставить у входа в храм.

Лицо герцога вытянулось, впервые в жизни он почувствовал себя, словно его голым выставили на площади полной зевак.

— И как же ты, варвар, собираешься со мной справиться? — ехидным голосом спросил Яхм-Коах, к которому постепенно возвращалась уверенность.

— Очень скоро ты это узнаешь, — в тон ему пообещал Конан.-

Но тут взгляд его привлекло странное движение на алтаре. Зеленая жидкость растеклась по камню, смешавшись с кровью жертвенного барана. Но там, где остались изумрудные лужи, она кипела и бурлила, источая черные ядовитые пары. Пузыри становились все больше и маслянистее. Конану показалось, что он различает, как что-то шевелится в их глубине, словно сквозь упругие стенки пытается пробиться нечто живое.

Клубы черного дыма мешали рассмотреть это пристальнее, но скверные предчувствия заворочались в душе варвара. Пузыри выросли до гигантских размеров, их уже невозможно было охватить одним взглядом.

— Кром! Что за дрянь!? — воскликнул Конан, невольно попятившись.

Ремина за рукав тянула прочь лишившегося дара речи Ренальда, и только жрец оставался на месте, находясь словно в гипнотическом трансе от этого зрелища. Его глаза провалились от ужаса, и вместо них зияла пустота царства мертвых. Наверное, он понимал, что происходит, ибо почти осязаемые волны страха распространялись от него по всему залу, заполняя пространство храма и передаваясь остальным.

И тут пузырь, превратившийся в огромных размеров кокон, с громким выдохом лопнул, будто из сотни пустых мехов разом выпустили весь воздух. Сильный порыв ветра с тлетворным запахом гниющей плоти пронесся по храму, погасив большую часть факелов и развеяв клубы едкого удушающего дыма. Зал погрузился в полумрак, где на стенах плясали причудливые зловещие тени в неверных всполохах багрового огня. Конан ошибся, внутри кокона билось вовсе не живое существо. То, что выбралось из него на белый свет, вообще не могло принадлежать земному миру.

Сотканный из прозрачных, постоянно меняющих форму и перетекающих друг в друга паров, изумленному взору людей предстал бестелесный дух звероподобного божества. Чудовище покачивалось над алтарем, опираясь о невесомый хвост, осматривая храм с высоты исполинского роста.

— О, Митра! Защити меня! — возопил Яхм-Коах, падая на колени и воздевая руки к мрачному своду.

В тот же миг призрак метнулся к жрецу, окутав его облаком тумана.

С диким криком маг вскочил на ноги, бросился бежать, налетел на алтарь, упал, продолжая вопить неестественным голосом, словно с него живьем сдирали кожу.

— Пожалуй, слишком поздно ты вспомнил о Митре, — прошептал киммериец, ища глаза выход из храма.

Жрец исхитрился подняться на ноги. На миг его растерзанное тело шагнуло из-за призрачной завесы, с мольбой простирая руки к варвару. Рот мага кривился в невыразимой муке, в глазах застыли боль и страдание. Жрец был настолько раздавлен и жалок, что Конан испытал невольное сочувствие к этому несчастному человеку, вернее, к тому, что от него осталось, и потянулся к рукоятке меча за спиной. Но в этот миг рывок нечеловеческой силы вернул жреца за пелену тумана, и яростный звериный рев заставил содрогнуться стены храма.

За плотной завесой клокочущего облака уже едва угадывались смутные очертания человеческой фигуры, раздираемой на куски незримыми крючьями. Ослепительные белые молнии рассыпались по сторонам, сокрушая стены и потолочные перекрытия. Конан упал на холодный пол, прикрыв руками голову, и лежал до тех пор, пока его не привел в себя громкий крик Ремины.

Киммериец оторвал взгляд от серой пыльной кладки плит и огляделся. Ноги сами его подбросили, меч, словно по волшебству оказался в руках.

То, что было когда-то жрецом, превратилось в ужасного монстра, лишенного всяких человеческих черт. Опираясь на четыре могучие лапы с огромными саблевидными когтями, он стоял над распростертыми на мраморе Реминой и герцогом, разинув пасть с кинжалами острых клыков. Тягучая слюна из смрадной глотки чудовища заливала дрожащих от страха людей, ленивыми струями скатываясь по длинному раздвоенному языку. Гибкий, подвижный хвост, с грозными костяными шипами на конце, нервно бился о впалые бока твари. Ренальд пытался своим телом прикрыть скавшуюся в комок девушку, но чувствовал себя абсолютно беспомощным перед лицом неминуемой гибели.

— Эй, кем бы ты ни был, оставь их! — громко крикнул Конан, но

голос его предательски сорвался. Глубоко вздохнув, варвар заставил говорить себя громко и внятно: — Сперва попробуй сожри меня, если сможешь. Клянусь, что аппетит-то ты точно нагуляешь.

Тварь резко повернулась к нему и с невероятной быстротой для такого громоздкого и неуклюжего с виду тела бросилась на киммерийца.

Меч застонал в руках Конана, описав полный круг. Варвар отпрянул в сторону, пропуская монстра, и клинок с хрустом вспорол бок чудовища. Тошнотворная белесая жидкость, напоминающая гной, словно нехотя засочилась из раны. Рев боли и ярости из глотки твари сотряс подземелье, так что каменная крошка посыпалась с потолка, и пламя факелов пустилось в пляс.

— По крайней мере, ты из плоти и крови, какой бы паршивой она не была, — процедил Конан сквозь зубы, готовясь к отражению новой атаки.

Но здесь громоподобный удар потряс до основания весь замок, и бронзовые врата храма жалобно заскрежетали. Воины герцога, услышав странный шум за стеной, почувствовали что-то неладное и теперь спешили на помощь своему господину. Но не так-то просто оказалось высадить массивную дверь, опечатанную магическим замком. Створки вздрогнули, сопротивляясь, и остались незыблемы. За первым ударом последовал второй. Тварь недовольно затрубила, и вновь обратила все свое внимание на киммерийца.

Чудовище обогнуло алтарь, за которым пытался укрыться варвар, и остановилось напротив Конана, скребя когтями мрамор плит, и оставляя на камне глубокие борозды. Затем стремительно атаковало, загребая передними лапами пространство перед собой. Конан едва успел ускользнуть из-под ощеренной пасти чудовища и в два прыжка оказался вне поля его досягаемости. Но и меч киммерийца, со свистом рассекший воздух, лишь чиркнул по шкуре монстра, оставив неглубокую царапину. Не дожидаясь дальнейшего развития событий, варвар перебежал на другой конец зала, так, чтобы алтарь снова стал преградой на пути твари. За один стук сердца чудовище покрыло расстояние, отделяющее его от жертвенника, ухватило камень могучими, перевитыми узлами мышц передними лапами, легко оторвало плиту от земли, и подняло над головой, задев за низкий потолок.

Словно выпущенный из пращи монолитный осколок скалы полетел в киммерийца, и замешкайся тот хоть на миг, тяжеловесная плита размазала бы его по стене. Камень с такой силой врезался в стену, что разлетелся в мелкий щебень, и Конана осыпало шквалом осколков, до крови рассекающих кожу.

Варвар размазал кровь по щеке, и тут, спиной почувствовал какое-то движение позади себя. Он, не раздумывая, прыгнул вперед и резко развернулся, размахивая клинком. Меч чуть не вырвало из его рук. С оглушительным лязгом железо столкнулось с камнем. Оживший барельеф свирепого монстра пытался схватить киммерийца сучковатыми лапами.

Конан огляделся по сторонам: повсюду оживали настенные лики чудовищ, созданные больным воображением неизвестного автора, клацали зубами и шарили лапами в пустоте. Киммериец не задавался вопросом — какая злая магия привела их в действие.

Сейчас ему важнее было другое: пространство зала сократилось на треть, и будет трудно ускользнуть от клыков чудовища. Хвала светлым богам, что каменные монстры лишь раскачивались на стенах, беззвучно разевали пасти, но вниз спуститься не могли. Зато главный враг киммерийца не дремал. Тварь двигалась к Конану боком, стараясь загнать его в угол зала.

Маневр удался, и Конан почувствовал, как по спине его потекли тонкие струйки пота, когда путь к отступлению был отрезан.

Чудовище издевательски зашипело, пахнув на киммерийца гнилостным запахом из разверзшегося колодца пасти. И тогда Конан атаковал первым, пытаясь дотянуться мечом до мерзкой морды. Монстр встретил его могучим ударом длинного хвоста, утыканного костяными шипами. В последний момент варвар высоко подпрыгнул, и смертоносное оружие твари пронеслось под ним, оставив глубокую борозду в мраморе. Вновь обретя под ногами опору, Конан ринулся на новый штурм. Тварь рывком поднялась на дыбы, отмахиваясь от человека передними лапами с серпами когтей. Зал заполнился металлическим скрежетом, словно когти монстра были отлиты из стали.

Клинок киммерийца разил без промаха, калеча и раня чудовище, захлебывающееся яростным ревом. Но и острые когти твари порой дотягивались до человека, словно истлевшую ткань, раздирая кожаную куртку и плоть. Кровь заливала обоих, но ни один не желал отступать.

Искусством ловко уходить от смерти, с визгом вспарывающей воздух над его головой, Конан не уступал площадным акробатам, а сноровкой находить слабые места в защите противника мог поспорить со стигийскими мудрецами, устраивающими публичные словесные поединки.

Он, словно опытный взломщик, закрутив карусель мечом, прорвался сквозь стальную стену мелькающих когтей и распорол податливое брюхо чудовища.

Монстр заскулил, завертелся волчком, путаясь в собственных

внутренностях. Громадный хвост сбил киммерийца с ног, и Конан полетел на плиты пола. Меч выскользнул из его рук. Тварь неуклюже завалилась на бок, загребая задними лапами. Киммериец попытался подняться, но поскользнулся в луже крови и снова упал. Чудовище выпростало из-под себя одну из передних лап и с победным ревом потянулось к человеку. Перехватив ужасную длань в полете, варвар пополз в сторону, силясь добраться до меча. Но монстр, несмотря на смертельную рану, оказался настолько силен, что Конану понадобились обе руки, чтобы сдержать чудовище. Уже через миг мышцы спины и рук у него онемели от неимоверного напряжения, пот, смешиваясь с кровью, разъедал глаза, а монстр продолжал давить и напирать.

Забившись в угол зала, Ремина и Ренальд, затаив дыхание, наблюдали за ходом поединка. Герцог крепко обнял девушку за вздрагивающие от беззвучных рыданий плечи и нежно гладил светлые шелковистые волосы, поклявшись защищать ее до последнего вздоха.

— Боги, помогите ему! — в отчаянии воскликнула Ремина, когда киммериец насмерть схватился с иззыхающим монстром на залитом кровью полу.

Сама не заметив, она достала свой кухонный нож и, крепко стиснув рукоять, прижала его к груди. Но это не укрылось от герцога, поглощенного зреющим схватки, и в зеленых глазах воина вспыхнуло яростное пламя. Мягко, но настойчиво он отобрал оружие у баронессы и ободряюще улыбнулся.

— По-моему, нас боги не слышат. Придется нам самим потрудиться немного.

И такой уверенностью и спокойствием повеяло от его слов, что Ремина перестала дрожать, и с благодарностью взглянула на Ренальда.

"Что если он сейчас погибнет?! — мелькнула ужасающая мысль в ее голове. — Ведь он погибнет из-за меня! Спасая меня... Нет, этого не должно случиться!" — Девушка порывисто вцепилась в тунику герцога, словно хотела его удержать.

Ренальд с печальной улыбкой пожал ее руку и с легкостью кочевника, вскакивающего в седло, поднялся на ноги. Сердце Ремини сжалось от тревоги и боли, и если бы кто-то сейчас ей сказал, что это и есть любовь, она бы, не задумываясь, отказалась от своих прежних мыслей, предпочтя ей ужасную смерть, какой бы мучительной она не была.

Занятая борьбой с киммерийцем, тварь не сразу почувствовала, как герцог вспрыгнул ей на спину и с яростью обрушил нож на шею чудовища, кромсая толстую шкуру.

Нож поднимался и опускался раз за разом. Ренальд трудился с упорством копателей корней черного лотоса в диких лесах Вендии, словно в него вселился демон. Но вот лезвие ножа коснулось чувствительной плоти, и чудовище вздрогнуло. А уже через миг назойливое человеческое насекомое на спине превратилось в досадное бедствие. Превозмогая боль, монстр неуклюже заворочался, пытаясь отшатнуться с себя человека. Но герцог намертво вцепился рукой в рваный край раны, другой — продолжал наносить и наносить жестокие болезненные удары. Тварь содрогнулась всем телом — Ренальд держался крепко. Чудовище взмахнуло хвостом. Герцог ловко пригнулся, и грозное оружие монстра, едва не смахнув человека, пронеслось над его головой. Увенчанный костяными шипами хвост описал полукруг, и пошел на новый заход, теперь гораздо ниже. На этот раз человек не сумел уклониться и попал под удар.

Герцога отшвырнуло шагов на двадцать. Он упал безжизненной кучей тряпья, и под его неподвижным телом стало расползаться большое красное пятно.

— Ренальд! — с громким отчаянным криком Ремина бросилась к своему герою.

На краткий миг, пока чудовище сражалось с герцогом, оно ослабило свою хватку, и Конан своего шанса не упустил.

Насколько было возможно, он выбросил в сторону руку и с ликованием почувствовал кончиками пальцев грубую кожу ремня на рукоятке клинка, еще хранившую тепло его ладони. Завладев мечом, варвар, без промедления, с силой опустил его на голову монстра.

Тварь, хоть и раненая, отшатнулась, взревев так, что киммерийца протащило по полу потоком вырвавшегося из ее глотки воздуха. Мгновением позже чуть не задохнувшийся в зловонном дыхании Конан был уже на ногах, обрушив сокрушительный удар на шею чудовища. Тварь захрипела, захлебнувшись собственной кровью, а следующий удар киммерийца завершил начатое им дело: голова монстра с глухим стуком покатилась по мрамору. Ужасные когти в агонии еще царапали плиты, но варвар уже повернулся спиной к чудовищу.

Однако убить эту тварь оказалось не так-то просто. Уже через несколько мгновений, даже будучи без головы, она поднялась на ноги и накинулась на киммерийца. Конан снова взялся за меч, осыпав обезглавленное тело ураганом ударов.

Ремина, наблюдавшая за этой фантастической схваткой, не решалась оставить герцога, чтобы хоть чем-нибудь помочь киммерийцу.

Взгляд девушки случайно натолкнулся на какой-то странный предмет в

нескольких шагах от нее. Размером с крысу, девушки сперва так и показалось, что это маленький мерзкий зверек, но приглядевшись, она поняла свою ошибку. Баронесса решительно поднялась...

Еще дважды Конан повергал своего противника, но того, казалось, невозможно было убить.

— "Сердце Змея"! — прошептала Ремина, разглядывая свою ужасную находку. — И оно живет! О, боги, подскажите, что мне делать!

Сморщеный коричневый комок плоти пульсировал в такт с неизвестной человечеству жизнью. Повинуясь непонятному ей самой порыву, девушка наступила ногой на этот осколок из бездны, и безжалостно раздавила.

Откуда-то из земных недр раздался душераздирающий стон, словно по спинам тысяч и тысяч несчастных рабов гулял кнут жестокого палача, и Ремина упала на пол, закрывая руками уши.

А следом наступила тишина...

Придя немнога в себя, девушка нащупь нашла тело Ренальда и положила его голову к себе на колени.

Конан устало отер лицо рваным рукавом и последний раз посмотрел на еще дергающееся в агонии тело чудовища. Он подошел к рыдающей Ремине и опустил ей руку на плечо.

Девушка на миг оторвала полные слез глаза от побелевшего лица возлюбленного и обернулась к киммерийцу. Конан дышал тяжело, грудь его высоко вздымалась, куртка вся задубела от крови, взгляд был мрачный, усталый.

— Он был настоящим мужчиной, — глухо сказал северянин и виновато отвел взгляд. — Я обязан ему жизнью... Только чем я смогу теперь отплатить ему?

— Но почему же был? — Ремина взяла киммерийца за руку и с трудом улыбнулась сквозь слезы, видя, как просветлел лицом варвар. — Он жив, но истекает кровью. Мне нужна помощь... Нам всем сейчас нужна помощь, Конан.

И тут, словно боги наконец вняли ее мольбе, храмовые ворота не выдержали и рухнули внутрь зала вместе с массивным косяком.

В зал ворвались солдаты во главе с Кабралем, перекошенное от ярости лицо которого распугало бы целую армию демонов. Со смертью пришедшей из бездны твари, растаял и магический замок Яхм-Коаха, а монстры на стенах вновь обратились в камень, повиснув словно омертвевшие корни деревьев.

Увидев окровавленного киммерийца с огромным мечом в руках и

неподвижное тело своего господина, безжизненно распростершееся у его ног, в глазах воинов засверкала холодная решимость. Мечи и копья нацелились в грудь варвара. Солдаты рассыпались по залу, окружая киммерийца кольцом. Напрасно Ремина взвывала к ним, умоляла и заламывала руки. Кабраль и воины будто не слышали ее слов.

Конан приготовился к последней битве...

Но здесь произошло еще одно чудо.

Гремя железными цепями, в храм ворвался какой-то зверь, и только приглядевшись внимательно, в нем с трудом можно было распознать человека, все тело которого покрывали нарвы и язвы от перенесенных пыток.

— Отец! — закричала Ремина, бросившись на шею этому оборванцу и что-то горячо ему шепча на ухо.

Появление незнакомца и странное поведение баронессы лишило солдат уверенности, и они в нерешительности остановились, поглядывая на своего командира, тоже шокированного этой сценой. Но оружие не опустили.

— Что все это значит?! — с озадаченным видом потребовал объяснений Кабраль.

— Скорее! Помогите же своему господину, он смертельно ранен! — ответила ему Ремина.

Дважды ей повторять не пришлось: солдаты бросились к герцогу и бережно подняли его на руки.

— Живей несите к лекарю! — распорядился Кабраль, проводил воинов до лестницы и вернулся обратно. — Я должен взять под стражу этого варвара, пока мой господин не придет в себя и не расскажет, что здесь случилось.

— В этих мерах нет надобности, — мягко отстранив от себя Ремину, шагнул к нему недавний оборванец. — Этот варвар спас жизнь герцогу и моей дочери... Но можно сказать и больше — все мы обязаны ему жизнью.

Незнакомец говорил тихо, его едва можно было расслышать, но в голосе чувствовалась уверенность и твердость человека, привыкшего повелевать.

— Кто ты такой, Сет тебя проглоти!? — взвился Кабраль, потеряв терпение. Он и так не мог понять, почему послушался этого незнакомца и не отдал приказа разделаться с варваром. Поэтому сейчас он решил не уступать. — Куда исчез старый жрец? Мне нужно его видеть!

— С вашего позволения, барон Сантос Орландо, — человек в лохмотьях с достоинством поклонился, насколько позволял его наряд. Цепи

на руках мелодично звякнули.

— Э-э... — только и нашелся сказать Кабраль, прикрыв ладонью не желающий закрываться рот.

— Это правда, господин Кабраль, — вступила в разговор Ремина, прижавшись к плечу барона. — В самом деле, это и есть мой отец. А если вы хотите видеть Яхм-Коаха — вон все, что от него осталось.

— Мое почтение, господин барон, — с глуповатым видом ответил Кабраль, и обернулся в сторону, куда указывала ему девушка.

Глаза воина округлились и едва не вылезли из орбит. В вонючей гнойной луже, растекшейся по

полу, лежало огромное серое тело какого-то мерзкого зверя, что мог родиться лишь в горячечном бреду безумца.

Страшные когти все еще царапали мрамор, хотя движения и стали заметно медленнее. Солдаты окружили тварь и с опаской тыкали в останки чудовища древками копий.

— Я ничего не понимаю... — покрутил головой Кабраль, разгоняя жуткое видение, но оно продолжало стоять у него перед глазами. А про себя он подумал: "Определенно, в этом замке все, как видно, сошли с ума. Презанятные достались герцогу родственники!..."

— Я все вам объясню, но после. Сперва, прикажите своим воинам проводить этого варвара до ворот. Дайте ему умыться, и пусть лекарь осмотрит раны. О чистой одежде я сам позабочусь, но если у вас есть кошелек, отдайте его ему, я верну вам деньги. Мой кошелек, к сожалению, сейчас не при мне. Поверьте, этот человек заслуживает большей награды, — попросил барон.

Кабраль послушно отвязал от пояса кошель, протянул ухмыляющемуся киммерийцу и пошел отдавать необходимые распоряжения.

— Чем еще я мог бы отблагодарить тебя? — обратился старый Сантос к северянину.

— Всего одна просьба, господин, — скромно ответил киммериец.

— Говори же, я выполню все, что захочешь, если только то в моих силах.

— Мне нужен большой кусок свежего мяса. — Конан никогда не давал пустых обещаний, а зверь из замкового рва, должно быть, с нетерпением ждет его возвращения.

— Ты голоден? Останься с нами на ночь, ведь свадебный пир никто не отменял.

— Благодарю, — засмеялся варвар, — но я бы предпочел взять мясо с

собой.

— Что ж, ты получишь его, — благосклонно кивнул барон.

— Расскажи, как ты сумел выбраться из темницы, отец? — расспрашивала старика Ремина.

— Золото отпирает любые замки, — со значением хмыкнул Сантос. — Я подкупил своего стража, вернее, он сам предложил мне сделку. Ужасно жадный коротышка.

— Коротышка? Уж не Козимом ли его звали?! — в сердцах вырвалось у Ремины.

— Именно так, — подтвердил барон. — Ты с ним знакома?

— Да, верно, можно так сказать, — ответила девушка и с улыбкой посмотрела на киммерийца.

Конан взвесил в руке кошелек Кабраля, подмигнул Ремине, а потом не выдержал и расхохотался.

* * *

Солнце ярко светило в небе, лаская цветущую долину животворным теплом. Высоко в синеве парили гордые орлы, а здесь, в лесу, разливались соловьиные трели и убаюкивающе шелестела листва. По залитой солнцем лесной дороге бодро трусил серый мул. Козим, удобно устроившись на его спине, нежно поглаживал большие туго набитые мешки, притороченные к седлу, где весело позвякивали золотые монеты, и что-то мурлыкал себе под нос.

Заключив сделку с бароном, он поспешил убраться из замка, справедливо полагая, что поглощенный черными делами Яхм-Коах не скоро хватится его и пустит по следу своих гончих псов.

Он с легким сердцем и чистой совестью предал своего господина, от всей души надеясь, что месть барона настигнет мага раньше, чем длинные руки последнего дотянутся до него, Козима, хрупкой шеи. Все же карлику было тревожно. И если бы не золото в мешках, Козим бы на предательство никогда не решился. Но уж слишком сладостен звон монет для тонкого слуха коротышки, питавшего необоримую слабость к этому благородному металлу.

Карлик твердо решил покинуть Зингару и податься в южные страны. А там, покончив со старой жизнью, можно и дело свое открыть: торговлей, например, заняться, или нет, лучше ювелирную лавку купить

Так строил планы и мечтал Козим, позволив Удаче вольно бежать, куда

глаза глядят. Дорога повернула к мосту. Карлик так резко натянул повод, что чуть не вылетел из седла. Под ложечкой у него неприятно засосало, и холодок прокрался по спине. Безмятежно развались на обочине, Конан лениво жевал травинку и, прищурившись от яркого солнца, с ухмылкой глядел на карлика. Черный как вороново крыло жеребец пасся неподалеку. Первым желанием Козима было провалиться сквозь землю, но он счел его неосуществимым.

"О, Митра! Откуда только свалился на мою голову этот варвар. Заметил он меня или нет?"

Второе желание — повернуться и дать мулу шпоры, показалось коротышке более выполнимым. Он уже стал было заворачивать Удачу, когда Конан громко окликнул его:

— Ты верно в замке что-то забыл, а, Козим?

— Ага, — вяло откликнулся карлик с упавшим сердцем. — Попрощаться с бароном.

— Ну, так я за тебя с ним простился, — хохотнул киммериец, легко поднимаясь на ноги. — Будет тебе дрожать, поезжай сюда!

Тяжело вздохнув, будто отдавая себя в руки палача, карлик повиновался, страшась поднять глаза на варвара.

— Я зла на тебя не держу, Козим, — успокоил его Конан. — Знал, что встречу тебя. Думал, нам по пути. Ты же в Овражек едешь?

— Нет, мне в Мессантию надо, по делу, — буркнул коротышка в ответ. Несмотря на миролюбивый тон киммерийца, на душе у карлика легче не стало.

— Да ладно тебе! — Варвар потрепал мула по загривку, — что в Аквилонию, что в Аргос дорога все равно идет через Овражек. Вдвоем оно же веселее, и скрасим путь за добной беседой.

— О чем? — обреченно бросил Козим. — Хорошо, бери мое золото, но оставь мне хоть половину!

— Да оставь ты его себе! — взорвался Конан. — Разве, вот, вином угостишь в таверне.

Карлик недоверчиво покосился на варвара, но не нашел в его глазах ни капли лжи. Физиономия Козима просияла, но тут же снова омрачилась, и он сказал, нахмурив брови:

— Нельзя мне в Овражке задерживаться, и тебе не советую. Есть у нас перед магом должок, коего он ни за что не простит.

— Ты это о жреце говоришь? — неподдельно удивился Конан. — А я-то считал, что для тебя нету тайн, и все-то ты знаешь за день до того, как что-нибудь случиться. Так ведь нет больше Яхм-Коаха, забрал Сет его

черную душу.

Варвар говорил так искренне, что у Козима даже мысли не возникло усомниться в правдивости его слов.

— И кто же помог ему в этом? Уж не ты ли, а Конан?! — обрадовано вскричал коротышка.

— Ну, разве только чуть-чуть, — рассмеялся варвар.

— Да за такую весть, три дня гулять будем за мой счет, разумеется. Едем скорее, друг-киммериец, мне не терпится услышать всю историю целиком.

— О, уже друг! Звучит обнадеживающе, — развеселился варвар. — Что ж, едем. Клянусь, я без сожаления покидаю эту долину.